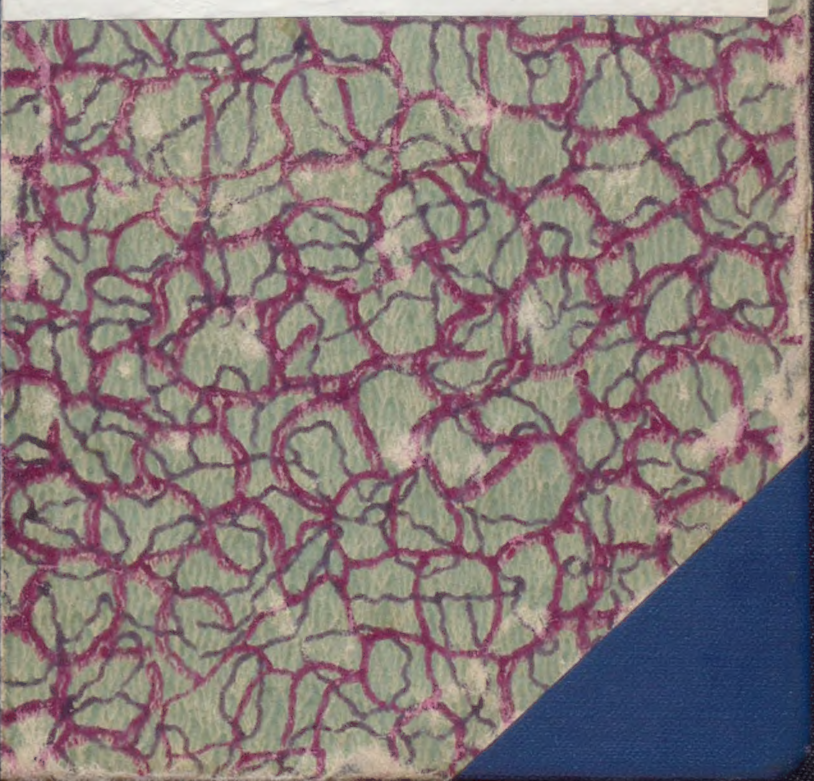
Белый Я.М.

Из недавней старины:
Восспоминания.

1907 г.

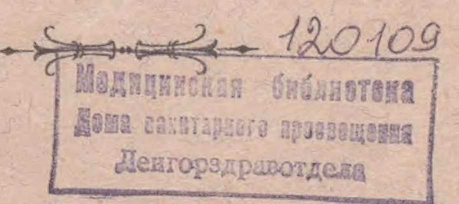
Я. М. Бѣлый.

Изъ недавней старины.

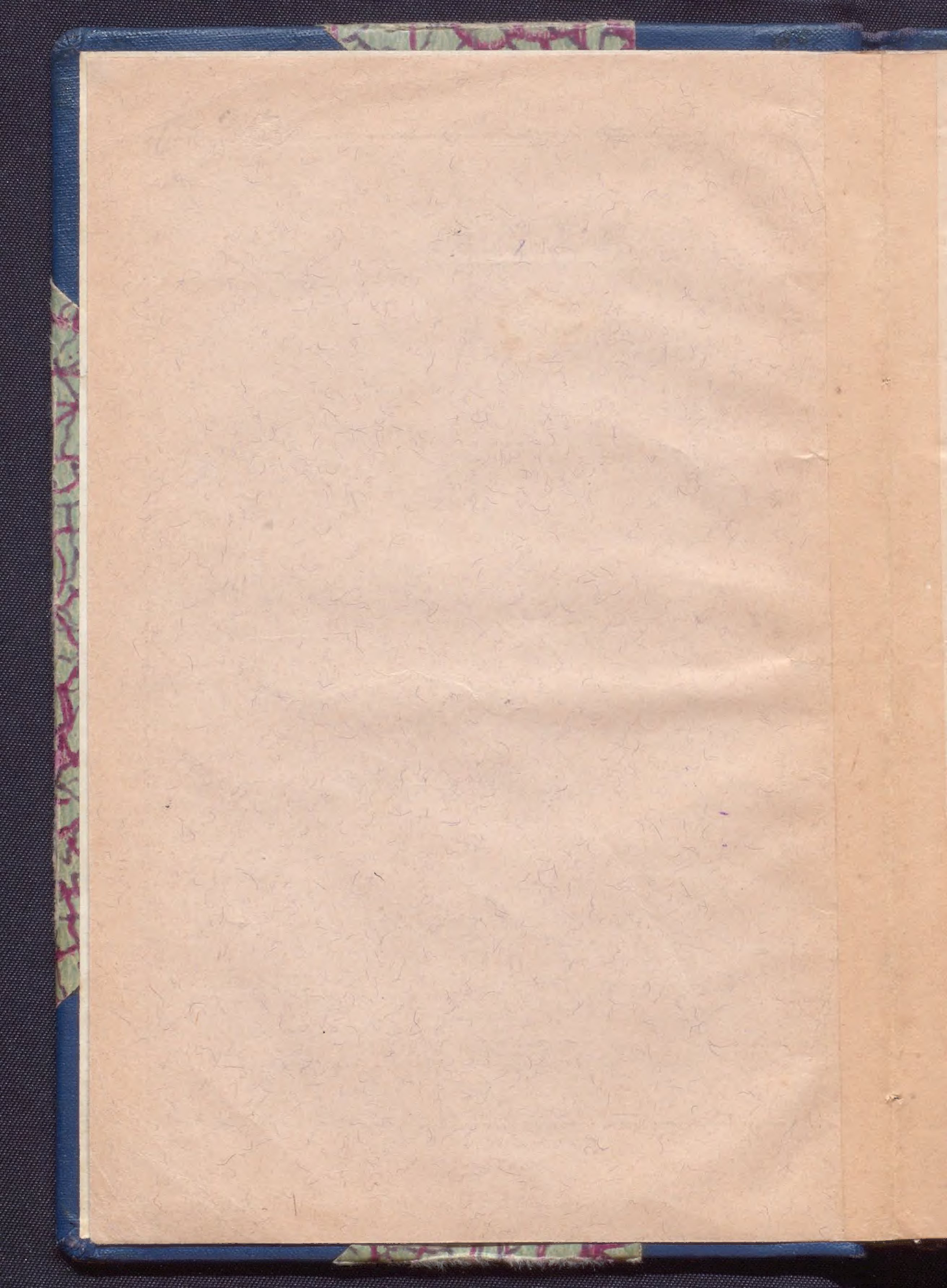

Воспоминанія земскаго врача 70-хъ годовъ.

* * *

НОВГОРОДЪ.
Типографія М. О. Селиванова (Петерб. ул., д. Стальнова).
1907.

Я. М. Бѣлый.

ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

ВОСПОМИНАНІЯ ЗЕМСКАГО ВРАЧА

70-хъ годовъ.

НОВГОРОДЪ.
Типографія М. О. Селиванова. (Петербургская ул., д. Стальнова).
1907.

Оглавленіе.

Предисловіе.

Въ послѣднее время съ разныхъ концовъ Россіи газеты приносили извѣстія о несомнѣнныхъ признакахъ глубокаго и болѣзненнаго кризиса, переживаемаго нашимъ земствомъ: земская касса пустѣетъ, школы и медицинскіе участки во многихъ мѣстахъ закрываются, лучшіе земскіе дѣятели забаллотированы...

И въ такой тяжелый для земства моментъ я рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ свои воспоминанія, да еще касающіяся пережитаго въ 70-е годы, такъ сказать, на зарѣ самаго существованія земства! Къ этому меня побуждаетъ сознаніе того, что что̀ бы ни случилось съ нашимъ земствомъ въ будущемъ, весь пройденный имъ путь составляетъ крупное культурное пріобрѣтеніе для нашей родины и съ этимъ придется считаться и будущему, преобразованному на демократическихъ началахъ, земству.

Свои воспоминанія я началъ со студенческихъ годовъ, когда, въ холерную эпидемію 1872 года, былъ командированъ въ Н-скій уѣздъ, гдѣ впервые познакомился и съ деревней, и съ земствомъ. Эти воспоминанія, кромѣ послѣдней главы и заключенія, были напечатаны въ „Русской Мысли“ за апрѣль мѣсяцъ 1905 года и въ „Вѣстникѣ Новгородскаго земства“ за 1905—1906 годы.

Як. Бѣлый.

15 Сентября, 1906 г.
г. Тихвинъ, Новгород. губ.

Предисловіе.

Въ послѣднее время съ разныхъ концовъ Россіи, съ [illegible] извѣстія о несомнѣнныхъ признакахъ глубокаго и болѣзненнаго кризиса, переживаемаго нашими земствами: земскія школы пустѣютъ, школы и медицинскіе участки во многихъ мѣстахъ закрываются, лучшіе земскіе дѣятели забаллотированы...

И въ такой тяжелый для земства моментъ я рѣшился выпустить въ свѣтъ свои воспоминанія, [illegible] пережитаго въ 70-е годы, такъ сказать, на зарѣ самаго существованія земства! Къ этому меня побуждаетъ сознаніе того, что что бы ни случилось съ нашимъ земствомъ въ будущемъ, весь пройденный имъ путь составляетъ крупное культурное пріобрѣтеніе для нашей родины и съ этимъ придется считаться и будущему, преобразованному на демократическихъ началахъ земству.

Свои воспоминанія я началъ со студенческихъ годовъ, когда въ холерную эпидемію 1872 года, былъ командированъ въ Н-скій уѣздъ, гдѣ впервые познакомился и съ деревней, и съ земствомъ. Эти воспоминанія, кромѣ послѣднихъ главъ и заключенія, были напечатаны въ „Русской Мысли" за апрѣль мѣсяцъ 1905 года и въ „Вѣстникѣ Новгородскаго земства" за 1905—1906 годы.

Ив. Бѣлый.

15 сентября 1906 г.
г. Тихвинъ, Новгород. губ.

Изъ недавней старины.

(Воспоминанія земскаго врача 70-хъ годовъ).

На холерѣ въ 1872 году.

I.

Въ послѣднихъ числахъ іюня 1872 г. я съ двумя товарищами, В. и П., были приглашены къ предсѣдателю холернаго комитета нашего университетскаго города К. Всѣ мы трое второе уже лѣто работали въ одной изъ холерныхъ больницъ, такъ какъ холера, появившаяся на югѣ Россіи лѣтомъ 1871 г., на зиму было притихла, а съ слѣдующей весной разыгралась еще съ большей силой. Мы знали, что, какъ давно работающіе въ холерныхъ больницахъ, занесены въ списки комитета для командировокъ въ другіе города и деревни, и потому, идя къ предсѣдателю, думали только объ одномъ, какъ бы всѣмъ намъ попасть въ одно мѣсто, а не разбрасываться по незнакомымъ мѣстамъ въ одиночку. Предсѣдатель комитета, старый профессоръ патологической анатоміи, встрѣтилъ насъ ласково и, какъ бы угадавъ наши думы, успокоилъ извѣстіемъ, что мы назначены въ П—скій уѣздъ, куда должны пріѣхать непремѣнно къ 1 іюля. До отъѣзда еще оставалось три дня, и мы, отдохнувъ отъ мучительныхъ дежурствъ въ больницѣ, 30 іюня съ вечернимъ поѣздомъ отправились въ П.

Въ 10 часовъ утра слѣдующаго дня мы уже были въ П—ской земской управѣ. Въ небольшой комнатѣ присутствія за длиннымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣли предсѣдатель и членъ управы. Предсѣдатель—высокій, нѣсколько полный брюнетъ, лѣтъ 40, съ черной, слегка серебрившейся бородой и небольшими карими глазами, встрѣтилъ насъ радушно, спросилъ, имѣли ли мы дѣло съ холерными больными и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, развернулъ лежавшую на столѣ карту уѣзда и указалъ три большія селенія, гдѣ мы должны будемъ жить и между

которыми уѣздъ раздѣленъ будетъ на три участка, по четыре волости въ каждомъ. На вопросъ нашъ—сильно ли распространилась холера въ уѣздѣ, предсѣдатель потребовалъ отъ секретаря вѣдомости холерныхъ, доставляемыя еженедѣльно фельдшерами. Не зная мѣстности, мы никакъ не могли разобраться въ рядахъ цифръ и безплодно возились съ вѣдомостями, пока предсѣдатель не предложилъ намъ заняться составленіемъ списковъ лѣкарствъ и всего необходимаго для лѣченія холерныхъ, а тѣмъ временемъ долженъ былъ придти въ управу больничный докторъ, который и выяснитъ намъ всѣ подробности распространенія холеры въ уѣздѣ. Предсѣдатель замѣтилъ при этомъ, что единственный у нихъ для уѣзда земскій врачъ ночью выѣхалъ къ какому-то больному въ уѣздъ, прибавивъ, впрочемъ, что и больничный врачъ прекрасно знаетъ уѣздъ, такъ какъ онъ три года служилъ здѣсь уѣзднымъ земскимъ врачемъ.

Составленіе списка лѣкарствъ заняло не много времени, и мы снова были свободны. Предсѣдатель разспрашивалъ насъ, бывали ли мы когда-нибудь въ деревнѣ и знакомы ли хоть сколько-нибудь съ деревенскимъ бытомъ. На нашъ отвѣтъ, что деревня для насъ terra incognita, а крестьянъ мы видѣли только на городскихъ базарахъ и ярмаркахъ, предсѣдатель замѣтилъ, что это еще не большая бѣда, что нужно только добросовѣстно относиться къ дѣлу, обращаться съ крестьянами ласково, избѣгать начальническихъ окриковъ, и тогда остальное, т.-е. довѣріе народа, придетъ само собою.

-- Приглашая васъ сюда,—прибавилъ предсѣдатель,—мы имѣли въ виду, кромѣ прямого вашего дѣла—борьбы съ холерой, еще и другую цѣль: мы убѣждены, что ваша дружная и энергичная работа въ деревняхъ докажетъ крестьянамъ очевидную пользу правильной постановки медицинской помощи въ земствѣ. До сихъ поръ у насъ всего одинъ врачъ на уѣздъ и тотъ долженъ жить въ городѣ. Судите сами—какая можетъ быть польза отъ такой медицины для цѣлаго уѣзда съ 300 тысячнымъ населеніемъ?

Много еще говорилъ предсѣдатель о безпомощности крестьянскаго населенія въ медицинскомъ отношеніи, о пьянствѣ и злоупотребленіи фельдшеровъ, о знахарствѣ, полномъ отсутствіи акушерской помощи и невѣроятныхъ, звѣрскихъ мучительствахъ, продѣлываемыхъ простыми деревенскими бабами надъ несчастными роженицами. Говоря объ этомъ, предсѣдатель часто обра-

щался за поддержкой къ члену управы. Это былъ, повидимому, простой крестьянинъ или казакъ: высокій, сухощавый старикъ съ длинными, опущенными внизъ, по-казацки, сѣдыми усами, говорилъ мало и неохотно, иногда даже защищалъ загрубѣлые въ невѣжествѣ деревенскіе обычаи отъ нападокъ предсѣдателя.

Пришелъ, наконецъ, и больничный врачъ—д-ръ Ковнеръ. Онъ былъ уже не молодой человѣкъ съ бритымъ, еврейскаго типа, лицомъ. Мы кое-что знали о немъ и раньше: Ковнеръ окончилъ курсъ въ нашемъ университетѣ и оставленъ былъ для приготовленія къ профессорскому званію, но на докторскомъ экзаменѣ его провалилъ одинъ изъ профессоровъ и, несмотря на протестъ другихъ профессоровъ, Ковнера лишили стипендіи и онъ, уже въ то время женатый человѣкъ, вынужденъ былъ взять мѣсто земскаго врача въ Н. Три года онъ одинъ рыскалъ по уѣзду, а теперь ему дана была въ завѣдываніе Н—ская больница, находившаяся въ вѣдѣніи губернскаго земства. Н—ская управа, по старой привычкѣ, всегда приглашала Ковнера на совѣщаніе по медицинскимъ вопросамъ, отъ чего онъ, любя земское дѣло, никогда не отказывался.

Познакомившись съ нами, Ковнеръ занялся разсматриваніемъ холерныхъ вѣдомостей, а предсѣдатель писалъ письма къ нѣкоторымъ землевладѣльцамъ уѣзда, которые могли оказать намъ содѣйствіе въ борьбѣ съ холерой. Я долженъ былъ поселиться въ м. Михайловкѣ, гдѣ предсѣдатель рекомендовалъ мнѣ познакомиться съ волостнымъ старшиной и земскимъ гласнымъ Посенко и, вручивъ для передачи ему письмо, прибавилъ, что хотя Посенко и большая каналья, но человѣкъ энергичный и вліятельный въ Михайловкѣ, а потому можетъ быть мнѣ очень полезенъ.

Изъ просмотра холерныхъ вѣдомостей Ковнеръ вывелъ заключеніе, что холера почти равномѣрно разлита по всему уѣзду, но совѣтовалъ обратить особенное вниманіе на Михайловку, такъ какъ черезъ нее проходитъ большая дорога на Кіевъ, по которой идутъ богомольцы—главные разносчики холеры.

Былъ уже второй часъ дня. Всѣ наши дѣловыя бесѣды въ управѣ покончены, мы получили по немногу денегъ и листы для взиманія обывательскихъ подводъ. Остановка была только за лѣкарствами для холерныхъ, но предсѣдатель обѣщалъ прислать ихъ намъ въ гостинницу. Мы вышли изъ управы вмѣстѣ съ Ковнеромъ. До гостинницы надо было пройти всю главную улицу, вымощенную деревянной мостовой.

Дорогой Ковнеръ познакомилъ насъ съ личностью предсѣдателя управы, Виктора Аполлоновича Р., къ которому онъ относился съ большимъ уваженіемъ, какъ безкорыстному и просвѣщенному общественному дѣятелю. По словамъ Ковнера, Р. былъ душой земства. Раньше онъ служилъ мировымъ посредникомъ и былъ виднымъ дѣятелемъ по крестьянской реформѣ и при введеніи земскихъ учрежденій, а потомъ зибранъ первымъ предсѣдателемъ Н—ской управы. О членѣ управы С., котораго мы только что видѣли, Ковнеръ отзывался дурно. По его словамъ, С.—хитрый казакъ-кулакъ, въ молодости былъ волостнымъ писаремъ, нажилъ всѣми правдами и неправдами состояніе, а теперь служитъ по выборамъ, состоя въ тайной оппозиціи къ Р. и его партіи. Въ общемъ, по мнѣнію Ковнера, составъ Н—ской управы въ настоящее время весьма благопріятный, въ особенности для школьнаго и медицинскаго дѣла, но, къ сожалѣнію, партія Р., состоящая изъ нѣсколькихъ интеллигентныхъ гласныхъ и крестьянъ, часто терпитъ пораженія въ земскихъ собраніяхъ отъ богатыхъ казаковъ и дворянъ-крѣпостниковъ. У дверей нашей гостинницы мы распрощались съ Ковнеромъ. Онъ просилъ насъ зайти къ нему и осмотрѣть больницу, но мы торопились выѣздомъ, пообѣщавъ побывать у него въ болѣе свободное время.

II.

Прошло немного времени, пока намъ принесли изъ аптеки лѣкарства, а вскорѣ передъ крыльцомъ гостинницы явились три обывательскія подводы-пароконки. Экипажами намъ служили малороссійскіе „драбынчатые“ возы съ мелкими ящиками, бока которыхъ состояли изъ рѣшетчатыхъ перекладинъ, имѣющихъ видъ лѣстницъ (по-малорусски „драбына“). Колеса не были обтянуты шинами и на нѣкоторыхъ изъ нихъ не хватало обода почти на четверть. Въ каждый изъ этихъ возовъ были запряжены по парѣ мелкихъ лошадокъ съ веревчатой сбруей и низкими, лежащими на шеяхъ коренниковъ дугами. Мой возница оказался мальчуганъ лѣтъ 14, все время не двигавшійся съ своего мѣста, пока взрослые его товарищи укладывали наши вещи и ящики съ лѣкарствами. Прошло не мало времени, пока все это укладывалось и вновь перекладывалось; вокругъ нашихъ возовъ собралась уже изрядная толпа зѣвакъ, подсмѣивавшихся надъ неловкостью нашихъ возницъ и взамѣнъ получавшихъ мелкія ругательства, вродѣ: „иди къ би-

совому батьку“ и пр. Наконецъ, все уложено, и мы, сердечно распрощавшись и давъ другъ другу слово извѣщать на случай бѣды, т. е. болѣзни, съ кѣмъ-либо изъ насъ, разъѣхались въ разныя стороны.

Дорога на Михайловку тянулась черезъ весь городъ по главной улицѣ. Едва я усѣлся на подводу и лошади тронулись съ мѣста, какъ тотчасъ же почувствовалъ всѣ прелести моего первобытнаго экипажа: при каждомъ поворотѣ колесъ я чувствовалъ сильный толчокъ въ спину, вѣроятно, потому, что и въ моихъ колесахъ былъ недохватъ въ ободьяхъ. Кое какъ добрались мы до окраинъ города, откуда на Михайловку шла широкая дорога, такъ называемый „Кіевскій шляхъ“. До Михайловки надо было проѣхать всего 28 верстъ и на хорошихъ лошадяхъ переѣздъ занялъ бы немного времени, но не такова была моя обывательская пара.

— Что это тебя лошади не слушаютъ?—спросилъ я своего мальчугана.

— Эге! Щебъ слухалы, колы воны голодни! Ось уже пятый день стоимо въ городи, а сина конямъ не стало.

— А ты сдалека?—спрашиваю его.

— Ни, оттутечки нашъ хутиръ, верстъ шисть отъ города. Отъ якъ бы вы, панычику, дозволили заихать на хутырь, я-бъ коней трохи погодувавъ, та и самъ бы поивъ, бо и у мене уже хлибъ зачерствивъ.

Я далъ кусокъ булки мальчугану, но заѣхать къ нему на хуторъ не согласился, разсчитывая, что сворачиваніе съ дороги и кормленіе лошадей займетъ слишкомъ много времени.

Было четыре часа пополудни: іюльское солнце жгло немилосердно, вѣтерокъ нигдѣ не шелохнетъ, только черная туча пыли, взрываемая по дорогѣ нашими лошадьми, неслась надъ нами, не щадя глазъ, носовъ и пр. По бокамъ дороги, насколько завидитъ глазъ, разстилалось цѣлое море золотистой ржи, уборка которой началась вскорѣ послѣ Петрова дня.

До ближайшаго волостного села „Дѣвицы“, гдѣ надо было мѣнять лошадей, было всего 12 верстъ отъ города, а мы едва пріѣхали туда къ шести часамъ вечера. Въ Дѣвицѣ жилъ земскій фельдшеръ, за которымъ тотчасъ по пріѣздѣ послали сторожа, и черезъ нѣсколько минутъ въ волостное правленіе пришелъ очень молодой, безбородый и безусый фельдшеръ Порановичъ. Онъ сказалъ мнѣ, что въ Дѣвицѣ нѣтъ холерныхъ больныхъ. Бесѣдуя съ Порановичемъ, я узналъ, что онъ всего два мѣсяца назадъ окон-

чилъ курсъ фельдшерской школы и прямо со скамьи назначенъ участковымъ фельдшеромъ въ Дѣвицу. Здѣсь мнѣ было нечего дѣлать, и потому я просилъ дать поскорѣе подводу въ Михайловку.

За деревней на насъ повѣяло вечерней прохладой. Стоялъ лѣтній вечеръ, прелесть котораго всего лучше могутъ оцѣнить люди, проведшіе день въ дорогѣ подъ палящими лучами солнца. До Михайловки надо было проѣхать еще 15 верстъ, но лошади бѣжали крупной рысью, возъ катился ровно, безъ тряски, и если бы не пыль, клубившаяся изъ-подъ ногъ быстро бѣгущихъ лошадей,—эта поѣздка мнѣ, новичку, доставила бы только одно удовольствіе. До Михайловки не встрѣчалось ни одного селенія, въ сторонѣ не видно было также и хуторовъ.

Когда мы подъѣзжали къ Михайловкѣ, солнце уже закатилось, и, какъ всегда бываетъ на югѣ, быстро наступали сумерки. Приблизившись къ самому селенію, я едва могъ различать силуэты церквей и слившіяся въ одну сплошную массу бѣлыя хаты, кое-гдѣ раздѣленныя чернѣвшими деревьями садовъ. Волостное правленіе находилось недалеко отъ въѣзда въ село. На небольшомъ деревянномъ крылечкѣ правленія сидѣлъ старикъ сторожъ. Узнавъ о цѣли моего пріѣзда въ Михайловку, сторожъ ввелъ меня въ присутствіе правленія, зажегъ свѣчу и тотчасъ же ушелъ за старшиной. Скоро пришелъ и старшина Носенко, высокій, стройный мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ сильно загорѣлымъ бритымъ лицомъ, длинными усами, большимъ открытымъ лбомъ и маленкими, лукаво бѣгающими глазами.

Я вручилъ ему письмо предсѣдателя управы, прочитавъ которое, Носенко сказалъ:

— Ну, слава Богу, что вы, наконецъ, пріѣхали. Цѣлый мѣсяцъ у насъ мрутъ люди, какъ мухи, и никакой помощи нѣтъ. На такое большое мѣстечко одинъ фельдшеръ и тотъ не очень надежный, а докторъ всего только одинъ разъ къ намъ и пріѣзжалъ.

— А много ли у васъ болѣетъ и умираетъ отъ холеры?—спрашиваю его.

— Да вотъ увидите сами.

Носенко хорошо говорилъ по-русски, хотя и съ замѣтнымъ малороссійскимъ акцентомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что у нихъ временно устроена больница для холерныхъ, помѣщающаяся въ училищномъ домѣ, и что тамъ есть и для меня комната. Мы тотчасъ же туда отправились.

Когда мы вышли изъ правленія, на дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло. Мы подошли къ невысокому, вымазанному бѣлой глиной домику, съ ветхой соломенной крышей и покосившимися воротами. Маленькій дворикъ училища былъ заставленъ ученическими скамейками. Двери были заперты и въ окнахъ не было огня. На стукъ старшины вышелъ сторожъ, который и привелъ насъ въ домъ. Черезъ темныя сѣни мы вошли въ большую комнату съ невысокимъ потолкомъ и маленькими подслѣповатыми окнами. Здѣсь теперь помѣщалась палата для больныхъ. Въ ней стояли три старыя деревянныя кровати, на которыхъ вмѣсто тюфяковъ положено было сѣно, покрытое сверху бѣлыми толстыми холщевыми простынями (малороссійскія рядна), холщевыя же наволоки были набиты сѣномъ. Въ углу, подъ иконой, стоялъ небольшой столикъ и возлѣ него одна табуретка. Въ этомъ состояло и все убранство палаты. Изъ сѣней еще шли двѣ двери: одна — въ помѣщеніе сторожа, а другая—въ квартиру учителя, теперь предназначенную для меня. Въ очень маленькой комнатѣ учителя съ однимъ окномъ помѣщалась деревянная кровать съ тюфякомъ, у окна стоялъ столъ съ двумя стульями, а на столѣ единственный стаканъ съ блюдцемъ и небольшой самоваръ.

Едва мы со старшиной успѣли размѣститься и я попросилъ сторожа поставить самоваръ, какъ къ намъ вошелъ михайловскій земскій фельдшеръ, Дементій Ивановичъ Конченко, узнавшій уже отъ кого-то о моемъ пріѣздѣ. Дементій Ивановичъ—невысокій, худощавый мужчина лѣтъ 35, съ рябоватымъ лицомъ, окладистой пепельнаго цвѣта бородой и большими, сѣрыми глазами. Онъ выглядѣлъ не особенно здоровымъ человѣкомъ и по временамъ покашливалъ. Познакомившись съ нимъ, я спросилъ, много ли въ Михайловкѣ холерныхъ больныхъ, на что онъ отвѣтилъ, что тяжелыхъ больныхъ будетъ человѣкъ 10, да столько же выздоравливающихъ.

— Мало же по вашему у насъ больныхъ,—замѣтилъ старшина.— А вотъ мы вечеромъ подсчитывали съ куренными выборными, такъ насчитали 38 больныхъ и изъ нихъ 12 сегодня же умерло. Да и какъ вамъ, Дементій Ивановичъ, знать всѣхъ больныхъ: вы все больше около пановъ возитесь.

Фельдшеръ, видимо, смутился и не нашелся, что отвѣтить старшинѣ, а я, чтобы замять этотъ непріятный разговоръ, сталъ разспрашивать его о лѣченіи и пр. и предложилъ сейчасъ поѣхать со мной къ наиболѣе тяжелымъ больнымъ.

— Нѣтъ, ужъ знаете, куда теперь ѣхать? ночь вѣдь на дворѣ; мужики недавно пришли съ поля, повечеряли и спятъ, какъ убитые,—имъ и не до больныхъ. Да мы нигдѣ и не достучимся! Лучше ужъ завтра пораньше утромъ съѣздимъ,—отвѣтилъ мнѣ фельдшеръ.

Старшина подтвердилъ слова фельдшера и совѣтовалъ отложить посѣщеніе больныхъ на завтра.

III.

Въ семь часовъ утра меня разбудилъ рой мухъ, безжалостно терзавшихъ меня и даже забравшихся подъ одѣяло. Пришлось поневолѣ вставать. Солнечный свѣтъ неудержимо врывался черезъ открытое окно, ярко освѣщая комнату. Несмотря на раннее утро, въ воздухѣ уже чувствовалась духота. Я вышелъ на крылечко, гдѣ стоялъ самоваръ, давно уже вскипѣвшій. Въ углу двора, у колодца, подъ тѣнью двухъ сильно разросшихся акацій, на какомъ-то деревянномъ обрубкѣ, сидѣлъ сторожъ, привязывая къ ведрамъ отвалившуюся дужку. Сторожъ выразилъ недоумѣніе по поводу ранняго моего вставанія и, угадавъ причину этого, сказалъ, что хотѣлъ было закрыть мое окно, но боялся разбудить меня. Умывшись свѣжей, холодной водой тутъ же у колодца, мы отправились пить чай. Старикъ-сторожъ,—„дидъ Даныло“, какъ его всѣ звали, проворно двигался. Онъ наскоро подмелъ комнату, поставилъ на столъ самоваръ, принесъ, по моей просьбѣ, свѣжихъ яицъ, которыя тутъ же въ самоварѣ и сварилъ, затѣмъ, усѣвшись на порогѣ комнаты, наотрѣзъ отказался отъ предложеннаго ему чая.

— Якый у ему смакъ, тилько що солодкый; ось якъ бы чарку горилки та шматокъ сала,—оттобъ добре було,—отвѣтилъ старикъ на мои упрашиванія выпить стаканъ чаю.

Часамъ къ восьми явился и Дементій Ивановичъ. Теперь у него число холерныхъ замѣтно прибавилось: кромѣ вчерашнихъ, появилось болѣе 20 человѣкъ новыхъ. Больные разбросаны въ двухъ противоположныхъ концахъ Михайловки, а такъ какъ послѣдняя растянулась на 12 верстъ въ длину, то до каждаго изъ ея концовъ надо было проѣхать около 6 верстъ. Пополнивъ недостающія у фельдшера лѣкарства изъ моего запаса, захвативъ съ собою бутылку краснаго вина и коньяку для холерныхъ, мы направились въ такъ называемое Вербово. Дорога шла кривыми улицами и закоулками, на которыхъ, кромѣ игравшихъ на самой дорогѣ

ребятишекъ, никого не встрѣчали. Лошаденки наши трусили мелкой рысцой, и я теперь могъ сколько угодно присматриваться къ внѣшнему виду деревни. Мѣстность ровная, почти совершенно безводная: встрѣчались иногда грязные пруды, издававшіе страшное зловоніе. На вопросъ мой, отчего такъ запущены пруды, фельдшеръ объяснилъ, что это бываетъ только лѣтомъ, когда въ прудахъ мочатъ коноплю и отъ разложенія послѣдней происходитъ зловоніе.

Наконецъ, добрались мы до Вербова и, не доѣзжая до церкви, остановились около небольшой хаты, входъ въ которую велъ со двора. Въ хатѣ, на полу (такъ малороссы называютъ нары) лежала женщина, еще не старая; около нея съ кувшиномъ въ рукѣ стояла дѣвочка лѣтъ 10. Больная, едва внятнымъ шопотомъ, ежеминутно просила пить. Страдальчески измождённое лицо, покрытое зловѣщей синевой, глубоко впалые глаза, частыя судороги въ икрахъ ногъ и при этомъ беззвучные стоны больной и просьбы потереть то ту, то другую сведенную судорогой ногу, слабый, едва прощупываемый пульсъ—всѣ признаки тяжелаго, такъ называемаго альгиднаго періода азіатской холеры. Медицинская помощь, если она въ такихъ случаяхъ и возможна, должна быть быстрой, и само собою разумѣется, при зоркомъ, неослабномъ уходѣ, а между тѣмъ, ухаживавшая за больной дѣвочка сама едва держалась на ногахъ: ее рвало тутъ же на полъ. Отведя въ сторону фельдшера, я спросилъ, что онъ въ такихъ случаяхъ дѣлаетъ.

— А что же дѣлать,—отвѣтилъ онъ:—даю лѣкарства да и только...

— Но какъ же такъ бросить больную!—замѣчаю я.—Надо же прежде всего согрѣть ее припарками или бутылками съ горячей водой, только тогда ужъ что-нибудь значатъ лѣкарства!

— Кто-жъ все это сдѣлаетъ?—совершенно резонно отвѣтилъ фельдшеръ:—вы видите, что и дѣвочка должна сейчасъ же лечь въ постель.

Я сталъ разспрашивать дѣвочку объ ея родныхъ. Оказалось, что всѣ остальные члены семьи—отецъ, братъ съ женой и ребенкомъ и сестра—взрослая дѣвушка, работаютъ въ полѣ, недалеко отъ деревни; домой же они придутъ только къ вечеру. Мать, до вчерашняго дня, также была въ полѣ, но послѣ полудня заболѣла и слегла тамъ же, подъ возомъ; вечеромъ больную привезли домой, всю ночь за ней ухаживали старшая сестра и невѣстка, а утромъ всѣ снова уѣхали въ поле, оставивъ дѣвочку присматри-

вать за матерью. Я рѣшительно не зналъ, что дѣлать,—на чье попеченіе оставить этихъ двухъ больныхъ? Кончилъ все таки тѣмъ, что оставилъ для нихъ лѣкарства, вполнѣ сознавая безплодность такой медицинской помощи.

Выйдя на улицу и минувъ два-три двора, мы зашли въ хату, гдѣ лежало двое больныхъ дѣтей. За ними ухаживалъ ихъ дѣдъ, старикъ лѣтъ 60, оставленный, очевидно, только потому, что и самъ былъ боленъ „пропастныцей" (лихорадкой). Заболѣваніе здѣсь скорѣе походило на холерину, чѣмъ на азіатскую холеру, а за больными ухаживалъ, хотя и старый, и больной, а все же взрослый человѣкъ. По словамъ послѣдняго, дѣти вчера вечеромъ пріѣхали съ поля совершенно здоровыми и заболѣли ночью. Мальчикъ,—пастушокъ, поѣлъ много соленой рыбы, а затѣмъ напился прямо изъ лужи воды. Передъ вечеромъ мальчику захотѣлось спать, и онъ легъ на сырую землю; домой его привезли уже больнымъ. Въ полночь заболѣла и дѣвочка. На вопросъ мой, найдется ли въ домѣ горячая вода и бутылки, а также отруби или какое-нибудь зерно для припарокъ, дѣдъ отвѣтилъ, что горячая вода, должно быть, въ печкѣ имѣется, есть также и высѣвки (отруби), а „пляшокъ" (бутылокъ) не мае (нѣтъ).

Разсказавъ дѣду, куда и какъ класть припарки и снабдивъ его лѣкарствами съ подробными наставленіями, когда и какъ ихъ употреблять, мы пошли дальше. Вездѣ повторялась одна и та же картина: преобладали легкія формы заболѣваній—холерина; случаи настоящей азіатской холеры были довольно рѣдки, но при всемъ этомъ полная безпомощность больныхъ и отсутствіе за ними какого бы то ни было ухода. Нерѣдко бывали случаи, когда, возвращаясь съ поля, родные заставали дома мертвецовъ. Такое отношеніе меня, не знавшаго еще условій крестьянской жизни, возмущало до глубины души, о чемъ я говорилъ Дементію Ивановичу, и на что онъ мнѣ однажды замѣтилъ:

— Эхъ, Я. М., не знаете вы деревенской жизни, оттого такъ и судите. Вы думаете, матерямъ не жаль оставлять больныхъ дѣтей на произволъ судьбы, не горюютъ онѣ, надрываясь надъ работой, а что же дѣлать? Вѣдь крестьянская работа въ лѣтнюю пору идетъ колесомъ: не успѣютъ убрать одно, поспѣваетъ другое, и все это надо сдѣлать не только на своей нивѣ, но и отработать за землю помѣщикамъ. Когда же тутъ возиться съ больными? Вѣдь если они за лѣто не припасутъ хлѣба, то зимой придется всей семьѣ пухнуть съ голода.

Продолжая переходить изъ хаты въ хату и осматривая больныхъ, незамѣтно дошли до центра Вербова, гдѣ стояла старенькая деревянная церковь и тутъ же не далеко, окруженный большимъ фруктовымъ садомъ, домъ священника.

Фельдшеръ предложилъ зайти къ священнику, чтобы точнѣе собрать свѣдѣнія о больныхъ его прихода, при этомъ замѣтилъ, что у священника есть сынъ студентъ-медикъ 1-го курса и внучка, только что окончившая гимназію. Въ головѣ моей мелькнула мысль, не найду ли я въ этихъ двухъ молодыхъ людяхъ помощниковъ для ухода за холерными, и я согласился зайти.

Жара стояла невыносимая, а садъ священника тянулъ къ себѣ своей прохладой. На стукъ запертой калитки долго никто не показывался, только свирѣпый лай собакъ обнаруживалъ признаки жизни. Наконецъ, намъ отперла калитку невысокая молодая дѣвушка въ вышитой малороссійской рубахѣ. Это оказалась внучка священника. Она сказала намъ, что дѣдушка отдыхаетъ, но его можно разбудить. Я просилъ не безпокоить старика, а провести насъ прямо въ садъ и, если можно, попросить туда ея родственника, студента. Мы прошли въ садъ, гдѣ подъ старой, вѣтвистой грушей, на нескошенной травѣ лежалъ студентъ съ книгой въ рукѣ. Заслышавъ чужіе голоса, молодой человѣкъ вскочилъ на ноги и встрѣтилъ насъ не очень привѣтливо. Мы познакомились, но разговоръ у насъ какъ-то не клеился. Я сталъ разсказывать, какъ много холерныхъ у нихъ на Вербовѣ и въ какомъ безотрадномъ положеніи они находятся. Я нарочно сгущалъ краски, надѣясь этимъ вызвать сочувствіе молодого человѣка, но онъ упорно отмалчивался. Тогда я рѣшился самъ предложить ему помогать намъ въ лѣченіи холерныхъ, хотя бы на Вербовѣ. Онъ долго отнѣкивался и, наконецъ, сказалъ:

— Я не вижу особенной пользы отъ участія моего въ этомъ дѣлѣ: я прошелъ только первый курсъ и потому о холерѣ и о томъ, какъ ухаживать за больными, ничего не знаю; да, кромѣ того, послѣ усиленной работы въ прошлую зиму мнѣ хотѣлось бы провести лѣто на полной свободѣ.

Убѣдившись, что отъ студента ничего не добьешься, мы стали прощаться, такъ какъ оставалось еще около десяти дворовъ на Вербовѣ, куда намъ надо было зайти къ больнымъ. При выходѣ изъ сада къ намъ снова подошла внучка священника и, совершенно для меня неожиданно, сказала, что слышала разговоръ нашъ въ саду и удивляется, почему ея дядя отказывается отъ моего

предложенія: сама же она, если только будетъ на что-нибудь годна, согласна помогать намъ въ уходѣ за холерными. Я очень обрадовался такой доброй и энергичной союзницѣ, не пожелавшей, къ тому же, откладывать своего намѣренія въ долгій ящикъ и готовой сейчасъ же идти съ нами къ больнымъ.

Въ числѣ больныхъ на Вербовѣ значилась нѣкая Настасья Горбанчукова—подруга дѣтства Елены Ивановны (такъ звали внучку священника). Когда мы дошли до хаты Горбанчука, Елена Ивановна первая вскочила въ хату, привѣтливо поздоровалась съ больной и вызвала на страдальческомъ и уже посинѣвшемъ лицѣ ея улыбку. У Насти наступилъ альгидный періодъ, положеніе ея было очень опасно.

Выходя изъ хаты, я сказалъ объ этомъ Еленѣ Ивановнѣ и просилъ обратить на больную особенное вниманіе. Послѣ Горбанчуковой намъ оставалось немного осмотрѣть больныхъ на Вербовѣ, и Елена Ивановна пошла съ нами до конца. Покончивъ съ больными и передавъ Еленѣ Ивановнѣ подробное наставленіе относительно ухода за ними, я уѣзжалъ съ Вербова нѣсколько успокоенный. Елена Ивановна горячо бралась за дѣло.

Теперь намъ надо было переѣзжать съ Вербова на другой конецъ Михайловки, для чего необходимо было проѣхать черезъ центральную часть мѣстечка—базарную площадь.

Недалеко отъ базарной площади протекала рѣченка, вѣрнѣе ручеекъ, черезъ которую протянулась навозная гать. Вскорѣ дорога пошла подъ тѣнью громаднаго парка графа М.-Н. Мы съ наслажденіемъ вдыхали прохладу послѣ пыли и духоты открытой дороги. Больные здѣсь, какъ и на Вербовѣ, оставались почти безъ всякаго присмотра и ухода, а если гдѣ и встрѣчались ухаживавшія за ними старухи или маленькія дѣвочки, то весь ихъ уходъ ограничивался подачей воды, въ большинствѣ случаевъ теплой, нагрѣвшейся въ душныхъ хатахъ, иногда и съ плавающими на поверхности мухами, которыхъ старухи-сидѣлки не замѣчали.

На этотъ разъ особенно врѣзалось въ память посѣщеніе больного казака Антона Сирка и его семьи, куда мы добрались уже къ концу нашего объѣзда. Когда мы подошли къ хатѣ Сирка, двери были открыты настежь, въ небольшихъ оконцахъ чуть брезжилъ сѣроватый отблескъ потухшаго дня. Я зажегъ спичку и увидѣлъ посреди хаты длинную фигуру старика, распростертаго на полу. Рядомъ съ нимъ лежала старуха. Старику было лѣтъ

за 50. Весь синій, холодный, съ глубоко впавшими глазами, почти безъ пульса, старикъ едва дышалъ. Старуха безпокойно слѣдила за нами и нѣсколько разъ спрашивала:

— Чи буде мій старый живый, чи ни?

Я увернулся отъ отвѣта, но Дементій Ивановичъ сказалъ ей всю правду. Послѣ его словъ старуха вскрикнула и на четверенькахъ поползла къ умирающему. Мнѣ стало жутко, и я вышелъ изъ хаты, но долженъ былъ скоро вернуться на зовъ Дементія Ивановича, который нашелъ на парахъ еще троихъ дѣтей, внуковъ стараго Сирка, родители которыхъ только что возвратились съ поля. Дѣти лежали въ глубинѣ широкихъ паръ головами къ стѣнѣ, и, чтобы осмотрѣть ихъ, надо было самому взобраться на пары. Послѣ осмотра дѣтей я подошелъ снова къ старикамъ. Сирко былъ уже мертвъ; старуха притихла: лицо ея какъ-то сразу осунулось и потемнѣло, пульсъ упалъ. На вопросы она почти не отвѣчала. Надъ умершимъ старикомъ стоялъ его старшій сынъ, низко опустивъ голову, а жена его уже возилась съ больными дѣтьми. Мы стали согрѣвать старуху, дали ей возбуждающихъ лѣкарствъ, и черезъ полчаса пульсъ сталъ полнѣе, старуха нѣсколько оправилась. Разсказавъ невѣсткѣ, что дѣлать съ больными, мы вышли изъ хаты.

На дворѣ уже стояла ночь. Мы ѣхали теперь домой. Дементій Ивановичъ сидѣлъ усталый и безучастный; онъ не охотно отвѣчалъ на мои вопросы. Когда мы проѣзжали мимо волостного правленія, я замѣтилъ въ окнахъ свѣтъ и рѣшился зайти къ старшинѣ, разсказать ему всѣ впечатлѣнія сегодняшняго дня, все видѣнное мною у постели холерныхъ больныхъ и посовѣтоваться съ нимъ, нельзя ли чѣмъ помочь бѣдѣ?

Старшина былъ занятъ чѣмъ-то, а потому просилъ меня ѣхать домой и немного подождать его.

На квартирѣ меня давно уже ждалъ дидъ Данило съ кипѣвшимъ самоваромъ. Вскорѣ явился и старшина. Разговоръ нашъ сразу начался о холерныхъ больныхъ. На мои жалобы объ отсутствіи всякаго ухода за больными, старшина отвѣчалъ тѣмъ, что мнѣ уже было извѣстно, т.-е., что теперь горячая рабочая пора и всѣ здоровые въ полѣ, дома же остаются только больные, старые и дѣти. Потомъ, немного подумавъ, старшина сказалъ мнѣ:

— Можно бы помочь горю, да я не рѣшусь безъ разрѣшенія становаго. У насъ при волостномъ правленіи постоянно находятся конные и пѣшіе стойщики, еженедѣльно смѣняющіеся. Пѣшіе

стойщики въ лѣтнее время почти ничего не дѣлаютъ, такъ какъ движенія дѣлъ въ это время никакого нѣтъ. Вотъ этихъ-то стойщиковъ я могъ бы давать въ ваше распоряженіе, человѣкъ по 5 и больше, если противъ этого ничего не будетъ имѣть становой приставъ, живущій здѣсь, въ Михайловкѣ.

Раздумывая надъ предложеніемъ старшины, я вспомнилъ, что и въ холерныхъ больницахъ большихъ городовъ, гдѣ больничные служители такъ часто мѣняются и нерѣдко набираются изъ срочныхъ арестантовъ, уходъ за больными все-таки главнымъ образомъ лежитъ на нихъ. Научить этому уходу не хитро: согрѣть воду и припарки, растереть, по указанію больныхъ, сводимыя судорогой части тѣла и пр.,—всему этому выучиться не долго. Что касается возможности заразить холерой самихъ стойщиковъ и ихъ семьи, то объ этомъ я мало раздумывалъ, такъ какъ на заразительность холеры въ то время въ медицинѣ существовалъ иной взглядъ, чѣмъ 20 лѣтъ спустя.

Въ 70-хъ годахъ въ этіологіи холеры господствовало ученіе мюнхенскаго профессора Петтенкофера, по которому заразительное начало холеры хотя и заключалось въ изверженіяхъ холерныхъ больныхъ, но таковымъ оно становится тогда, когда попадетъ въ почву и пройдетъ извѣстныя метаморфозы. Въ самыхъ же изверженіяхъ больныхъ это начало еще не заразительно. Поэтому нечего было бояться ни холерныхъ больныхъ, ни ихъ изверженій. И дѣйствительно, ни я и никто изъ моихъ товарищей не помнилъ ни одного случая зараженія медицинскаго персонала и служителей въ больницахъ; не было никакихъ указаній на то и въ медицинской литературѣ. Вотъ почему мы тогда нисколько не боялись холеры и не думали объ изоляціи холерныхъ больныхъ. Въ холерныя больницы въ городахъ попадали только бездомные больные и прислуга.

Прошло 20 лѣтъ. Ученіе о заразительныхъ началахъ, благодаря открытіямъ Пастёра, быстро подвинулось впередъ. Возникла новая, дотолѣ намъ не извѣстная наука—бактеріологія, и вотъ одному изъ корифеевъ этой науки, д-ру Коху, удается въ изверже-

ніяхъ холерныхъ больныхъ найти заразительное начало въ видѣ маленькихъ запятыхъ, которыя и названы холерными запятыми Коха. Весь медицинскій міръ, за исключеніемъ стараго ученаго Петтенкофера, увѣровалъ въ *непосредственную* заразительность этихъ запятыхъ. И вотъ, когда въ 1892 году у насъ появилась холера, всѣ врачи были убѣждены, что каждый холерный больной носитъ въ себѣ заразу въ видѣ запятыхъ, готовую тотчасъ же проявить свою убійственную работу. Естественно явилась мысль о немедленной и строгой изоляціи такихъ больныхъ и о всякихъ предосторожностяхъ при соприкосновеніи съ ними.

Стали строить отдѣльные холерные бараки, непремѣнно въ сторонѣ отъ жилыхъ мѣстъ, и свозили туда, иногда силой, бѣднѣйшихъ изъ холерныхъ, хотя бы они и жили въ своихъ домахъ, если только въ этихъ домахъ нельзя было строго ихъ изолировать, что у бѣдняковъ случалось сплошь и рядомъ. Смертность въ холерныхъ больницахъ, особенно при первыхъ заболѣваніяхъ этой болѣзнью, бываетъ громадная. Все это вмѣстѣ взятое подало поводъ къ возникновенію въ невѣжественной массѣ различныхъ миѳовъ объ умышленныхъ отравленіяхъ, о заживо похороненныхъ, о подкупѣ врачей „коварной англичанкой“ и пр., а на такой уже почвѣ естественно было разыграться всякимъ ужасамъ въ видѣ разноса бараковъ, убійства врачей и пр. Я жилъ въ это памятное лѣто въ сторонѣ отъ холеры и читая въ газетахъ о всѣхъ холерныхъ ужасахъ, сталъ, грѣшный человѣкъ, подумывать о томъ, не дала ли наша наука маху, не преувеличиваемъ ли мы значеніе запятыхъ и, основываясь на послѣднихъ, не стали ли слишкомъ прямолинейно дѣйствовать? Сердце сжималось до боли при мысли о томъ, что все происходящее въ самомъ корнѣ подорветъ то довѣріе къ земской медицинѣ, которое съ такими усиліями, шагъ за шагомъ, въ теченіе 20 слишкомъ лѣтъ завоевало себѣ мѣсто среди темноты и невѣжества народныхъ массъ.

Зимой 1892 г. мнѣ пришлось быть въ Петербургѣ; тамъ въ это время происходилъ холерный съѣздъ. Врачи дѣятельно изучали бактеріологію холерныхъ запятыхъ, и вдругъ всѣхъ, какъ громомъ, поразило газетное сообщеніе о томъ, что старикъ Петтенкоферъ приготовилъ въ своей мюнхенской лабораторіи чистыя разводки холерныхъ запятыхъ и проглотивъ изрядную порцію этихъ запятыхъ, предложилъ другую порцію своему ассистенту. Этотъ опытъ прошелъ для самого Петтенкофера рѣшительно безъ всякихъ послѣдствій, а его ассистентъ отдѣлался легкимъ желудочно-кишечнымъ

разстройствомъ. Послѣ этого въ душу врачей запало невольное сомнѣніе какъ въ непосредственной заразительности холерныхъ занятыхъ, такъ и въ необходимости строгихъ врачебно-санитарныхъ мѣръ, предпринимавшихся въ минувшее лѣто. Профессоръ Эрисманъ въ Москвѣ первый сталъ читать въ эту зиму публичныя лекціи для врачей, въ которыхъ указывалъ на сомнительную заразительность холерныхъ занятыхъ *въ чистомъ видѣ* и необходимость ослабить строгость противохолерныхъ мѣропріятій.

Этимъ нѣсколько длиннымъ отступленіемъ я вовсе не желалъ сдѣлать какой-нибудь упрекъ работавшимъ на холерѣ въ 1892-93 гг. Напротивъ, они заслуживаютъ еще большей признательности со стороны общества, такъ какъ шли на свой тяжелый трудъ подъ двойнымъ страхомъ: большой, по ихъ мнѣнію, вѣроятности самимъ заразиться холерой и, кромѣ того, возможности *претерпѣть* незаслуженныя жестокости со стороны взволнованнаго нелѣпыми толками населенія.

Въ слѣдующій день было воскресенье; я отправился къ холернымъ одинъ и прежде всего на Вербово.

Всѣ отмѣченные мною вчера, какъ тяжело больные, умерли. Родные встрѣчали меня хотя и печально, но безъ видимой тѣни раздраженія или даже неудовольствія лично ко мнѣ. Зато отрадно было заходить въ тѣ избы, гдѣ больные поправлялись. Особенно весело встрѣтилъ меня дидъ, больной лихорадкой:

— Сдается, нашъ пастушекъ живый буде, та и дивчинка тожъ,—говорилъ дидъ, улыбаясь.

Молодая хозяйка дома, мать больныхъ дѣтей также привѣтливо встрѣтила и проводила меня. Наконецъ, добрался я и до хаты Насти, пріятельницы Елены Ивановны, и сверхъ всякаго ожиданія засталъ ее сидящей на постели и весело мнѣ улыбающейся. Настя благодарила за лѣкарства, но я сказалъ ей, что своимъ спасеніемъ она больше всего обязана Еленѣ Ивановнѣ.

— Що то за добра людына, якъ бы вы знали, панычевьку,—сказала мнѣ стоявшая тутъ мать Насти:—сю ничь вона трычи прибѣгала до Насти, а я, грышна, такъ учора натомилась, що глазъ ніякъ не расплющу, такъ мене въ сонъ клоне и клоне.

На обратномъ пути я встрѣтилъ Елену Ивановну на улицѣ. Она разспрашивала о новыхъ больныхъ на Вербовѣ и съ радостію сообщила, что, кажется, и дядюшка ея, студентъ, склоняется принять участіе въ уходѣ за холерными.

У себя на квартирѣ я нашелъ записку старшины, которою онъ увѣдомлялъ меня, что я могу взять въ свое распоряженіе пѣшихъ стойщиковъ—сколько мнѣ понадобится.

На другой день я заѣхалъ въ правленіе и отобралъ изъ пожелавшихъ ухаживать за холерными 4 человѣка. Всѣ мы на двухъ подводахъ направились на вокзальный конецъ Михайловки. Дементій Ивановичъ былъ теперь свободенъ и по дорогѣ присоединился къ намъ. Работы нашимъ новымъ помощникамъ предстояло не мало: въ тѣхъ домахъ, гдѣ около больныхъ оставались только дѣти или же дряхлые старики и старухи, помощники наши, кромѣ обычной работы сидѣлокъ—подаванія лѣкарствъ, льду, растиранія больныхъ, уборки ихъ изверженій и пр., должны были сами растапливать печь, грѣть воду, припарки и пр. И часто одному приходилось справляться въ 4—5 избахъ. Все это дѣлалось охотно. Больные, видя около себя односельчанъ, не пугались ихъ, довѣрчиво принимали лѣкарства и охотнѣе исполняли все, что необходимо для облегченія ихъ страданій. Новыхъ помощниковъ моихъ пришлось развести по разнымъ улицамъ, а мы съ Дементіемъ Ивановичемъ до поздней ночи по нѣскольку разъ навѣдывались къ каждому изъ нихъ и провѣряли ихъ дѣйствія.

IV.

Однообразно день за днемъ тянулась наша тяжелая и мрачная работа и только нѣсколько разнообразилась въ дни смѣны стойщиковъ, а за ними и нашихъ холерныхъ служителей, такъ какъ приходилось пріучать новыхъ людей къ уходу за больными. Число холерныхъ до конца 3-й недѣли моего пребыванія въ Михайловкѣ все увеличивалось. За это время я успѣлъ познакомиться со всѣми священниками и съ нѣкоторыми изъ помѣщиковъ. Изъ 7-ми Михайловскихъ священниковъ чаще другихъ встрѣчались мы у постели больныхъ съ о. Александромъ Короткевичемъ. Это былъ молодой еще человѣкъ лѣтъ 30, высокаго роста. Большіе темно-голубые глаза его свѣтились природнымъ умомъ и добротой. Я слышалъ много хорошаго объ отцѣ Александрѣ какъ отъ его прихожанъ, такъ и отъ старшины и Дементія Ивановича. Обладая хорошимъ состояніемъ, взятымъ за женой въ приданое, о. Александръ не только не проявлялъ никакого корыстолюбія, но часто даже помогалъ бѣднѣйшимъ своимъ прихожанамъ деньгами и хлѣ-

бомъ. Въ одну изъ нашихъ встрѣчъ съ о. Александромъ мы какъ-то разговорились съ нимъ, идя по улицѣ, и незамѣтно дошли до его дома. Онъ пригласилъ зайти къ нему. Это было вечеромъ. Мы вошли во дворъ, посрединѣ котораго стоялъ большой, крытый соломою домъ съ крылечкомъ. За домомъ тотчасъ же начинался обширный садъ, почти исключительно фруктовый, и только въ сторонѣ, у забора, виднѣлась группа тополей, гдѣ стоялъ круглый садовый столъ со скамьями вокругъ. Здѣсь теперь находилась вся семья о. Александра, состоявшая изъ тещи его, старой матушки, его жены, худощавой блондинки, и сестры ея, молодой дѣвушки. Двое старшихъ дѣтей о. Александра бѣгали тутъ же неподалеку въ саду. Когда я познакомился съ семьей о. Александра, разговоръ сразу коснулся злобы дня—холеры. Обѣ матушки хвалили земство за приглашеніе студентовъ, безъ чего одному Дементію Ивановичу не было бы никакой возможности справиться съ больными. Мнѣ очень хотѣлось знать мнѣніе о. Александра о земствѣ, и потому я, безъ обиняковъ, спросилъ его, какого онъ мнѣнія о своемъ земствѣ.

— Какъ вамъ сказать,—отвѣтилъ о. Александръ,—разное толкуютъ о нашемъ земствѣ: и хорошее, и дурное: я стою въ сторонѣ отъ земства и потому правильнаго сужденія о немъ имѣть не могу. Вижу только, что сдѣлано земствомъ, а для нашей Михайловки сдѣлано пока очень мало. Возьмите хотя бы наше училище. Вы знаете помѣщеніе училищное, и скажите, годится ли эта школа для Михайловки? Вѣдь тамъ больше 50 мальчиковъ не помѣстите, а въ Михайловкѣ найдется не одна сотня дѣтей, годныхъ къ ученію.

— Но я слышалъ, что въ Михайловкѣ собираютъ деньги на постройку новой школы?

— Такъ-то такъ! слыхалъ и я объ этомъ, но, во-первыхъ, когда еще соберутъ, а во-вторыхъ, что значитъ опять-таки одна школа для Михайловки, когда здѣсь надо по школѣ въ каждомъ приходѣ? Какъ, скажите, могутъ ходить въ школу дѣти хотя бы съ Вербова, или съ вокзальнаго конца за шесть верстъ.

— Ну, ты ужъ много захотѣлъ,—прервала его жена:—вспомни, что было до земства, была ли тогда у насъ хоть одна школа?

— Правда твоя, правда! тогда ничего не было, но и теперь немного!

— Да и земство-то введено недавно. Чего вы хотите отъ него въ такой короткій срокъ, за какія нибудь шесть-семь лѣтъ?—сказалъ я.

— А все можно было бы сдѣлать больше, если бы тамъ не ссорились да не дѣлились въ партіи. Возьмите вы медицинскую часть: ну, что можетъ здѣсь сдѣлать одинъ Дементій Ивановичъ? Я не спорю, для насъ онъ хорошъ и вообще онъ фельдшеръ знающій и трезвый, но вы спросите мужиковъ, они имъ всѣ недовольны и мнѣ самому приходилось часто ѣздить къ Дементію Ивановичу и привозить его къ больнымъ прихожанамъ, а на ихъ зовъ онъ и не подумалъ бы пріѣхать.

— Толкуй -снова вмѣшалась молодая матушка:—а вспомни, Александръ, какъ хворалъ нашъ Ваня маленькимъ, когда еще не было земства. Какъ ты тогда ѣздилъ въ городъ, и ни одинъ докторъ не захотѣлъ сюда ѣхать, и какъ ты едва уговорилъ отпустить фельдшера изъ богоугоднаго заведенія? Да и доктора были у насъ, если бы не твои мужики, а съ ними и нашъ судья.

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что между ними согласія нѣтъ никакого въ земствѣ,—сказалъ о. Александръ.—Вотъ вамъ для примѣра наши Михайловскіе гласные. Ихъ здѣсь трое: судья, членъ управы С. и старшина. С: все молчитъ, ему нѣтъ ни до чего дѣла, лишь бы получать жалованье. Судья готовъ бы утопить земство въ ложкѣ воды, а старшина, это—хитрый человѣкъ; онъ хоть и много говоритъ на земскихъ собраніяхъ, но все подлаживается къ казакамъ, которыми онъ верховодитъ. Скажите, кстати, вы познакомились съ судьей?—спросилъ меня о. Александръ.

— Нѣтъ, еще не познакомился, времени не было,—отвѣтилъ я.—А вотъ на-дняхъ думаю заѣхать къ нему.

— Побывайте, непремѣнно, если вы такъ интересуетесь земствомъ; онъ вамъ многое поразскажетъ, такъ какъ состоитъ гласнымъ съ самаго основанія земства. Только вы не всему вѣрьте, что онъ вамъ скажетъ; онъ, вѣдь, заклятый врагъ земства.

На дворѣ начало уже темнѣть. Я собрался было уходить домой, но всѣ стали упрашивать зайти въ домъ; я остался. Сквозь просвѣтъ между деревьями видно было, что домъ уже освѣщенъ, и мы туда направились. Въ небольшой залѣ, куда мы вошли, никого не было. На кругломъ преддиванномъ столѣ ярко горѣла лампа; здѣсь же лежала развернутая книжка,—какой-то романъ на французскомъ языкѣ; у противоположной стѣны стоялъ рояль съ кучей наложенныхъ на немъ нотъ. Французскій романъ и рояль съ нотами въ домѣ сельскаго священника показались

мнѣ явленіемъ незауряднымъ, и я не могъ удержаться отъ вопроса—кто въ домѣ читаетъ по-французски? О. Александръ разсмѣялся:

— Ужъ, разумѣется, вы меня, бурсака, въ этомъ не подозрѣваете?—сказалъ онъ:—и конечно, не мало удивлены будете, когда я вамъ скажу, что читаетъ по-французски и играетъ на роялѣ моя попадья.

Я молчалъ; о. Александръ поспѣшилъ дать объясненіе этому явленію.

— А вышло это такъ: у жены моей есть дядя инспекторъ Н—ской гимназіи, человѣкъ бездѣтный. Онъ взялъ себѣ племянницу съ малыхъ лѣтъ въ городъ и отдалъ ее въ пансіонъ для „благородныхъ дѣвицъ“ нѣмца Зидергольма, тамъ она и произошла всякія манеры, музыку, танцы и французскій языкъ.

V.

Еще въ концѣ 3-й недѣли моего пребыванія въ Михайловкѣ получены были тревожныя извѣстія изъ сосѣдней волости объ усиленной холерной эпидеміи и о большой смертности. Въ Плоской волости, какъ мнѣ говорили въ управѣ, былъ не очень-то надежный фельдшеръ изъ ротныхъ, мало знающій и къ этому еще горькій пьяница. Предсѣдатель просилъ особенно наблюдать за этимъ фельдшеромъ. Предстояла, значитъ, неизбѣжная поѣздка въ Плоское. Но какъ оставить Михайловку, гдѣ было болѣе 100 больныхъ? Надежда на Дементія Ивановича, все время старавшагося свалить заботу о нихъ на меня, была болѣе чѣмъ шатка. Но дѣлать было нечего—поѣздка въ Плоскую волость, черезъ которую проходилъ Кіевскій трактъ, была неизбѣжна. И вотъ въ одинъ изъ дней четвертой недѣли, часа въ 4 утра, я выѣхалъ изъ Михайловки. По тракту встрѣчалось много богомольцевъ, идущихъ въ Кіевъ и обратно. Больныхъ между ними не оказалось; не было также холерныхъ и на 2—3 хуторахъ до ближайшаго селенія Мрина. Зато въ Мринѣ нашлось много больныхъ холерой, и положеніе ихъ было не лучше, чѣмъ въ первые дни въ Михайловкѣ: то же отсутствіе всякаго за ними ухода и присмотра. У многихъ больныхъ были противохолерныя лѣкарства, и мнѣ сказали, что два дня назадъ здѣсь былъ фельдшеръ изъ Плоскаго. Просматривая лѣкарства, я нашелъ у одного изъ больныхъ какія-то буро-красныя

капли, составъ которыхъ мнѣ былъ неизвѣстенъ. Мнѣ сказали только, что фельдшеръ велѣлъ принимать эти капли при поносѣ и рвотѣ, когда другія лѣкарства окажутся недѣйствительными. Я захватилъ съ собою этихъ капель, чтобы разспросить самого фельдшера объ ихъ составѣ и дѣйствіи. Въ Плоскомъ фельдшеръ жилъ при волостномъ правленіи, но его не было дома. Мнѣ сказали, что фельдшеръ сейчасъ придетъ, и предложили войти въ его незапертую комнату. Здѣсь царилъ страшный безпорядокъ: грязный, давно немытый и невыметенный полъ; въ углу, на старой деревянной кровати, лежала ничѣмъ не прикрытая постель; на небольшомъ столикѣ у окна стояла бутылка съ недопитой водкой, валялись куски недоѣденной и полуочищенной соленой рыбы (тарани) и огрызки хлѣба. Здѣсь же красовалась страшно грязная аптечная ступка съ остатками какой-то мази на днѣ и запыленная пилюльная машинка. Два аптечныхъ шкафа были открыты настежь и у одного изъ нихъ оторванная половинка двери едва держалась на нижнихъ петляхъ. Полки въ шкафахъ грязныя, съ пятнами отъ пролитыхъ лѣкарствъ.

Пока я все это разсматривалъ, пришелъ фельдшеръ. Отрекомендовавшись, онъ сталъ извиняться, что, какъ человѣкъ холостой, не можетъ меня ничѣмъ угостить съ дороги. Я успокоилъ его на счетъ этого и просилъ позаботиться только о самоварѣ. Вскорѣ былъ поданъ самоваръ и взамѣнъ недопитой бутылки съ водкой на столѣ появилась новая. Фельдшеръ, послѣ моего рѣшительнаго отказа отъ угощенія водкой, принялся самъ за опустошеніе бутылки. Теперь я имѣлъ возможность внимательно разсмотрѣть Курдюмова (такъ звали фельдшера). Высокій, плечистый, съ большой гривой темныхъ волосъ, съ длинными усами, краснымъ, потнымъ лицомъ, Курдюмовъ далеко не выглядѣлъ утѣшителемъ страждущаго человѣчества. На мой вопросъ, давно ли онъ здѣсь служитъ, доволенъ ли службой и много ли у него работы, Курдюмовъ отвѣчалъ, что служитъ второй годъ; работы, особенно теперь, въ холерное время, такъ много, что онъ почти не слазитъ съ повозки.

— А что до службы,—прибавилъ онъ,—чтобы ею быть довольнымъ, такъ ужъ это нѣтъ: самая что ни на есть послѣдняя эта фельдшерская служба, потому что всякій тобой помыкаетъ. У меня хорошій почеркъ и бумаги я сочинять могу,—вотъ мнѣ хотѣлось бы достать мѣсто волостного писаря. А фельдшерская служба, да пропади она совсѣмъ,—тьфу!

Курдюмовъ при этомъ энергично выругался, зная, что я студентъ, и не считая меня за начальство. Я вспомнилъ о капляхъ, найденныхъ у больныхъ въ Мринѣ, и спросилъ у Курдюмова: что это за капли. Курдюмовъ, взглянувъ на нихъ, пріосанился и съ важнымъ видомъ произнесъ:

— Эти капли—большое дѣло! Я самъ ихъ изобрѣлъ, и будь я врачемъ или аптекаремъ, то непремѣнно получилъ бы за нихъ какую-нибудь награду или привилегію.

— Да вы скажите, пожалуйста, изъ чего онѣ состоятъ и какое ихъ дѣйствіе?—спросилъ я.

Курдюмовъ разсказалъ мнѣ, какъ недѣли двѣ тому назадъ у него, вѣроятно, послѣ изрядной выпивки, явилась рвота, а потомъ поносъ, не уступавшіе никакимъ лѣкарствамъ; тогда онъ смѣшалъ вмѣстѣ капли Боткина, Иноземцева и Тильмана, влилъ въ стаканъ водки и выпилъ; послѣ этого у него всѣ болѣзненные припадки прекратились. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ давать эту смѣсь холернымъ больнымъ, когда другія лѣкарства не дѣйствовали. На всѣ мои доводы, что нельзя же такъ зря давать лѣкарство, не зная его состава, основательно не провѣривъ его дѣйствія, и проч., Курдюмовъ, воодушевленный быстро таявшей въ бутылкѣ водкой, отвѣчалъ мнѣ, что это все пустяки, и что дѣйствіе своихъ капель онъ испыталъ на самомъ себѣ.

Въ Плоскомъ холерныхъ больныхъ было немного меньше, чѣмъ въ Мринѣ, но обходъ ихъ занялъ много времени. Положеніе больныхъ было такое же безотрадное, какое я видѣлъ и раньше. Курдюмовъ обращался съ больными грубо. Приговоры его насчетъ исхода болѣзни были безапелляціонные: „умретъ“ или „поправится“, и дѣлалъ онъ ихъ безъ всякаго основанія, а просто по наитію, объявляя свои рѣшенія самимъ больнымъ, которые, какъ видно было, весьма мало довѣряли какъ лѣкарствамъ, такъ и прогнозу фельдшера.

Было уже далеко за полдень, когда я окончилъ осмотръ больныхъ. Пока въ волости готовили лошадей, Курдюмовъ куда-то исчезъ и явился къ отъѣзду почти совсѣмъ пьянымъ. Кое какъ взобрался онъ на повозку и всю дорогу мирно подремывалъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону. До вечера намъ надо было объѣхать три деревни. Въ первой деревнѣ, какъ и въ слѣдующей за ней, было много холерныхъ больныхъ; всѣмъ имъ раньше уже даны были Курдюмовымъ лѣкарства. Осматривая больныхъ, я зорко слѣдилъ, нѣтъ ли у кого Курдюмовскихъ капель и, если

находилъ таковыя, нимало не стѣсняясь присутствіемъ ихъ изобрѣтателя, отбиралъ и складывалъ въ свой ящикъ. Курдюмовъ мрачно поглядывалъ на меня, но не протестовалъ, очевидно, подавленный жестокимъ похмѣльемъ и невозможностью добыть водки, такъ какъ здѣсь кабака не было.

Солнце склонялось уже къ закату, когда мы подъѣзжали къ послѣдней деревнѣ Плоской волости, Мыльники, отъ которой оставалось всего пять верстъ до города. Здѣсь, у одного изъ больныхъ, мы встрѣтили мѣстнаго священника, напутствовавшаго больного. Познакомившись со мною, старикъ священникъ просилъ зайти къ нему послѣ обхода больныхъ. Обходъ больныхъ мы закончили уже совсѣмъ ночью. У священника насъ ждали съ чаемъ, и старушка-матушка встрѣтила меня очень привѣтливо. Дѣтей у нихъ не было, а потому, наскучившись въ одиночествѣ, старики видимо рады были всякому пріѣзжему. Послѣ чаю я хотѣлъ было ѣхать въ городъ, разсчитывая на другой день побывать въ управѣ и, закупивъ кое-что необходимое въ лавкахъ, ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Михайловку. Гостепріимный батюшка рѣшительно запротестовалъ противъ моей поѣздки въ такую темную ночь и предложилъ остаться ночевать у него. Я недолго колебался, такъ какъ чувствовалъ большую усталость и готовъ былъ немедленно лечь спать. На другой день, посѣтивъ нѣкоторыхъ больныхъ, я отправился въ городъ. Курдюмовъ провожалъ меня и теперь, уже совсѣмъ отрезвившійся, былъ необыкновенно внимателенъ ко мнѣ; обѣщалъ не давать больнымъ своихъ знаменитыхъ капель. Онъ видимо боялся моей поѣздки въ городъ, вспоминая свое вчерашнее поведеніе.

Въ управѣ на этотъ разъ я засталъ только двухъ членовъ, предсѣдателя же не было въ городѣ; зато былъ теперь въ городѣ д-ръ Каплинскій, за которымъ былъ тотчасъ же отправленъ посланный. Членъ управы Сиренко сразу произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе даже своей внѣшностью. Я зналъ уже отъ Ковнера и отъ другихъ, что Сиренко происходилъ изъ крестьянъ и въ молодости былъ камердинеромъ у кн. Г. Скоро пришелъ и Каплинскій. Это былъ молодой, высокій и стройный блондинъ съ роскошной свѣтло-русой бородой; одѣтъ, что называется, съ иголочки и выглядѣлъ вполнѣ дамскимъ докторомъ. Когда рѣчь зашла о Курдюмовѣ, Каплинскій замѣтилъ, что самъ знаетъ Курдюмова какъ пьяницу и никуда негоднаго фельдшера, но въ холерное время фельдшеровъ не было и онъ оставилъ пока Курдюмова на

мѣстѣ. Я настаивалъ на немедленномъ удаленіи Курдюмова изъ Плоскаго. Послѣ долгихъ толковъ рѣшили перевести Курдюмова въ Талантаевскую волость, гдѣ не было холерныхъ больныхъ, а тамошняго фельдшера Сущенко назначить въ Плоское. Каплинскій все время былъ очень любезенъ со мной и счелъ нужнымъ сказать нѣсколько лестныхъ словъ о нашей дѣятельности и выразилъ увѣренность, что мы скоро совсѣмъ справимся съ холерой. До отхода поѣзда оставалось еще много времени; я рѣшилъ воспользоваться этимъ и съѣздить повидаться съ Ковнеромъ. Ковнеръ жилъ при больницѣ на другомъ концѣ города.

Н—ская больница помѣщалась въ старинномъ каменномъ зданіи богоугодныхъ заведеній, какихъ много сохранилось и до сего времени во всѣхъ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ. Когда я пріѣхалъ въ больницу, Ковнеръ заканчивалъ пріемъ амбулаторныхъ больныхъ, а затѣмъ повелъ меня въ отдѣльный флигель, гдѣ помѣщались холерные. Ихъ было здѣсь болѣе 40 человѣкъ и все тяжело-больные, между которыми нѣсколько случаевъ холерныхъ тифоидовъ, что въ деревняхъ встрѣчалось довольно рѣдко. Обстановка и уходъ за больными мало отличались отъ больницъ нашего университетскаго города. Здѣсь также много было мужской и женской прислуги и всѣми ихъ дѣйствіями распоряжался довольно опытный фельдшеръ. Ковнеръ пригласилъ меня къ себѣ позавтракать. Онъ занималъ довольно большую квартиру въ 6 или 7 комнатъ и жилъ теперь одинъ; семья его гостила въ деревнѣ у какого-то знакомаго помѣщика. За завтракомъ Ковнеръ подробно разспрашивалъ о моей деревенской жизни и очень радовался тому, что у насъ со старшиной Посенко установились хорошія отношенія.

— Знаете ли,—сказалъ онъ мнѣ,—если вамъ удастся убѣдить такихъ гласныхъ, какъ Посенко, въ необходимости большаго числа земскихъ врачей для нашего уѣзда, то дѣло это въ будущемъ земскомъ собраніи можно считать выиграннымъ.

— Мнѣ тоже говорилъ и предсѣдатель управы, хоть и добавилъ при этомъ, что Посенко не совсѣмъ благонадежный человѣкъ да и отъ другихъ я слышалъ то же самое.

— Я лично знаю Посенка вотъ уже три года, бывалъ часто въ Михайловкѣ и скажу вамъ, что это образцовый старшина по уму и энергіи. Онъ съ малыхъ лѣтъ служитъ при волостномъ правленіи и весьма вѣроятно, что „рыло у него въ пушку“. Главнымъ образомъ его обвиняютъ въ растратѣ общественныхъ

денегъ на училище въ Михайловкѣ. Я этого дѣла не знаю, но зато смѣло могу сказать, что такого энергичнаго и вліятельнаго среди казачьей партіи гласнаго найти трудно. Надо вамъ знать, что казачья партія въ нашемъ собраніи численно очень сильна и если благомыслящей интеллигенціи, которой всего 4—5 человѣкъ едва набирается, необходимо провести истинно полезное дѣло, имъ безъ казаковъ ничего не подѣлать.

На прощанье Ковнеръ сказалъ, что онъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ во мнѣ явное влеченіе къ деревнѣ и земству и совѣтовалъ внимательнѣе присматриваться къ людямъ. О. Короткевича онъ хорошо зналъ за честнаго и добраго человѣка. Что касается желанія моего познакомиться съ мировымъ судьей, то онъ ничего не находилъ интереснаго въ этомъ знакомствѣ. Судья, по его словамъ, очень озлобленный человѣкъ, да и большой ненавистникъ общественныхъ порядковъ.

Въ Михайловкѣ меня ожидала непріятная новость. Въ Воскресенскомъ приходѣ, гдѣ до сихъ поръ не было холерныхъ заболѣваній, не смотря на то, что это былъ самый большой приходъ съ 2 священниками, въ мое отсутствіе появилось 20 человѣкъ. Обходя этихъ больныхъ я ни при одномъ изъ нихъ не нашелъ служителей. Дементій Ивановичъ не любилъ возиться съ ними и безъ меня нашелъ лучшимъ, по старому, раздавать просто больнымъ лѣкарства. Я тотчасъ же послалъ своего возницу въ правленіе за свободными стойщиками, и спустя немного времени ихъ явилось ко мнѣ нѣсколько человѣкъ, забракованныхъ Дементіемъ Ивановичемъ. Всѣхъ ихъ я зналъ по прежней совмѣстной работѣ передъ моимъ отъѣздомъ въ Плоское. Когда я спросилъ, почему остался недоволенъ ими Дементій Ивановичъ, одинъ изъ нихъ отвѣтилъ мнѣ:

— Та бачите: Дементій Ивановичъ все кудысь поспѣшае, щось швыденько намъ скаже, мы ще и не разслухаемъ, а его вже и нема, вже и поихавъ.

Мы дружно принялись за работу. Я распредѣлилъ между ними наиболѣе тяжелыхъ больныхъ, и тутъ же, въ моемъ присутствіи, производилась описанная уже выше процедура отогрѣванія больныхъ и пр.

Проѣздомъ на Вербовѣ я заѣхалъ предварительно къ Еленѣ Ивановнѣ. Ея не засталъ дома, но встрѣтившій меня студентъ объявилъ, что холерныхъ на Вербовѣ теперь значительно меньше и что съ ними справляется одна Елена Ивановна. Онъ указалъ улицу, гдѣ я могу найти Елену Ивановну. Она была все такой же живой и бодрой, такъ-же любовно ухаживала здѣсь за двумя

больными ребятишками и ихъ матерью. Это не были тяжело больные, и Елена Ивановна радостно заявила, что холера у нихъ на Вербовѣ, кажется, слава Богу, утихаетъ. Когда я сказалъ ей, что заболѣванія холерой появились въ Воскресенскомъ приходѣ и что въ сегодняшнемъ спискѣ у меня значится нѣсколько больныхъ въ Спасскомъ приходѣ, она съ грустью замѣтила:

— Да, да! вчера у насъ былъ Спасскій батюшка и говорилъ объ этомъ; я хотѣла было пойти къ тѣмъ больнымъ, это не очень отъ насъ далеко, но бабушка рѣшительно воспротивилась и такъ была разстроена, что я пожалѣла старуху и пока отложила свое намѣреніе. Но если въ Спасскомъ приходѣ будетъ много больныхъ, вы можете на меня да и на дядюшку моего разсчитывать,— добавила она.

Сегодняшній день выдался особенно тяжелый: весь день ѣздилъ по больнымъ, вернулся домой въ 9 часовъ вечера. Ночью тоже будили къ больнымъ евреямъ и къ панской прислугѣ.

На слѣдующій день я проснулся поздно. Старикъ Данило, внося самоваръ, сказалъ, что меня ожидаетъ «якійсь фершалъ». Это былъ Сущенко, назначенный смѣнить Курдюмова. Съ перваго знакомства Сущенко произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Онъ былъ еще очень юный человѣкъ, лѣтъ 18—19; происходилъ отъ зажиточныхъ казаковъ и потому до поступленія въ фельдшерскую школу окончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ. За чаемъ мы заговорили о холерѣ. Холерныхъ больныхъ Сущенко еще и не видѣлъ. Теоретическія свѣдѣнія объ этой болѣзни были у него также весьма ограничены. Въ то время печатныхъ учебниковъ для фельдшеровъ еще не было и они довольствовались весьма скудными записками по урокамъ учителей-врачей. Но замѣтная любознательность Сущенка внушила мнѣ мысль снабдить его медицинскими книгами, какія имѣлись при мнѣ. Это были: брошюра Петтенкофера о холерѣ и классическій въ то время учебникъ по внутреннимъ болѣзнямъ Нимейера. Весь этотъ день мы провели съ Сущенкомъ у больныхъ. Ему понравилась работа моихъ помощниковъ-служителей и за обѣдомъ у Дементія Ивановича Сущенко спорилъ съ нимъ, отстаивая полезную дѣятельность служителей. Сущенко остался у меня ночевать и расположился на одной изъ постелей въ палатѣ для холерныхъ. Уходя спать, онъ взялъ съ собою книги о холерѣ и, какъ оказалось, почти всю ночь провелъ за чтеніемъ Петтенкофера и Нимейера и сдѣлалъ для себя кое-какія выписки. На другой день, провожая Сущенка и снабдивъ его противохолерными лѣкарствами, я просилъ его послѣдить, нѣтъ ли холерныхъ по Кіевскому тракту и, если будутъ, сообщить мнѣ объ этомъ съ нарочнымъ.

VI.

Приходила къ концу и 4-я недѣля моего пребыванія въ Михайловкѣ. Число холерныхъ больныхъ уменьшилось и тяжелыхъ случаевъ заболѣванія становилось все меньше и меньше, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалась и смертность. Да и вообще смертность въ эпидемію 1871—72 г. была значительно меньше эпидеміи 1892—93 г. Къ концу іюля полевыя работы почти прекращались, въ крестьянскихъ домахъ все больше и больше собирались домочадцы, вслѣдствіе чего уходъ за больными самъ собой улучшался.

На пятой недѣлѣ холерныхъ въ Михайловкѣ стало еще меньше, а тяжелыхъ между ними было совсѣмъ немного. То же было по сообщеніямъ Сущенка и въ Плоской волости. Однажды, возвратившись домой передъ вечеромъ, узнаю отъ Данила, что недавно заходили ко мнѣ членъ управы Сватко и старшина и отсюда пошли въ волостное правленіе. Я отправился тотчасъ же за ними въ правленіе, и вскорѣ мы втроемъ сидѣли въ моей квартирѣ за самоваромъ. Послѣ неизбѣжной для малороссовъ „чарки горилки", разговоръ, въ началѣ вялый, оживился, и даже молчаливый Сватко сталъ словоохотливѣе. Онъ сказалъ, что въ управѣ со всѣхъ сторонъ слышны хорошіе отзывы о дѣятельности моей и моихъ товарищей и что „люды скризь вамъ дьякуютъ" (вездѣ благодарятъ).

— Отъ що правда, то правда!—воскликнулъ на то экспансивный старшина.—Если бы намъ такихъ докторовъ и навсегда, а не только на холеру, то не жалко бы и было грошей.

Пятая недѣля моего пребыванія въ Михайловкѣ приходила къ концу. Больныхъ уже оставалось очень немного, такъ что я, отправляя въ управу недѣльную вѣдомость, написалъ предсѣдателю письмо, которымъ спрашивалъ, не пора ли мнѣ выѣзжать изъ Михайловки. Очень скоро получилъ отвѣтъ отъ предсѣдателя съ просьбой оставаться въ Михайловкѣ до 15 августа. Надо было прожить здѣсь еще недѣлю, а работы у меня было уже такъ мало, что я могъ бывать на амбулаторныхъ пріемахъ у Дементія Ивановича. На этихъ пріемахъ бывало иногда много интересныхъ больныхъ. Ѣздили съ нимъ мы и къ болѣе тяжелымъ больнымъ по домамъ. Бывали случаи такихъ трудныхъ заболѣваній, въ которыхъ мы вдвоемъ не могли разобраться. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, мнѣ очень нравилась эта работа.

Вспоминая наши студенческія бесѣды и споры о долгѣ передъ народомъ и о томъ, какъ и чѣмъ можно быть ему полезнымъ, я думалъ, что именно въ деревнѣ, гдѣ такая нужда въ знающихъ людяхъ, должно быть приложеніе и нашихъ силъ. Если Дементій Ивановичъ съ его примитивными знаніями медицины признается всѣми полезнымъ и нужнымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе мы, медики, можемъ оказаться здѣсь полезными работниками. Сама деревня мнѣ, горожанину, вовсе не показалась такой ужъ темной и оброшенной, а крестьяне? Первыя четыре недѣли я мало разбирался въ окружающемъ, видѣлъ и слышалъ вокругъ себя только стоны, страданія и смерть. Некуда было укрыться отъ непрестаннаго похороннаго перезвона то въ одной, то въ другой церкви. Работа была до того неустанная и кипучая, что случалось иногда не спать ночей, ѣздить и ходить съ отуманенной головой. Но когда холера стала утихать, я могъ пристальнѣе всматриваться въ окружающее, чаще и больше бесѣдовать съ крестьянами, въ чемъ для меня, съ дѣтства говорившаго по-малорусски, не представлялось никакого внѣшняго затрудненія. И вотъ теперь я узналъ, какъ признательны деревенскіе люди за всякую пустяковину, какую можетъ дать имъ наше знаніе. Въ то время у меня даже не являлось того сомнѣнія въ своихъ знаніяхъ, какое явилось впослѣдствіи, когда я былъ уже настоящимъ земскимъ врачемъ, и это оттого, что я могъ сравнивать свои знанія только съ знаніями Дементія Ивановича и не несъ никакой самостоятельной отвѣтственности за тотъ или иной исходъ заболѣванія. Вотъ только не давалось мнѣ пока пониманіе земства и его *настоящей* роли въ жизни деревенскаго населенія, все это пришло позже, когда я былъ уже земскимъ врачемъ.

Наканунѣ отъѣзда изъ Михайловки я провелъ часть вечера у о. Александра. Былъ здѣсь и Дементій Ивановичъ. Много говорили о холерѣ, вспоминая различные мрачные эпизоды минувшаго несчастія. Но живое думаетъ о живомъ. О. Александръ былъ озабоченъ завтрашнимъ храмовымъ праздникомъ въ своемъ приходѣ; его часто вызывали то тотъ, то другой изъ домашнихъ для хозяйственныхъ совѣщаній. Всѣ женщины въ домѣ были поглощены приготовленіемъ къ празднику, даже молодая матушка ходила съ засученными рукавами. Просили меня остаться на праздникъ, но я торопился отъѣздомъ, разсчитывая до начала лекцій отдохнуть дома у родныхъ. Тѣмъ не менѣе я все-таки не могъ не поговорить съ симпатичнымъ мнѣ человѣкомъ.

Сельская школа составляла одно изъ главныхъ мечтаній о. Александра, да и не одинъ онъ изъ священниковъ въ то время искренно относился къ вопросу о необходимости школьнаго образованія для своихъ прихожанъ. Тогда еще не существовало тѣхъ обостренныхъ отношеній между земствомъ и сельскимъ духовенствомъ по вопросу о школьномъ образованіи, какія нерѣдко бываютъ въ настоящее время. Такіе дѣятели школьнаго дѣла, какъ священникъ Блиновъ, имена которыхъ неизвѣстны были широкой публикѣ, встрѣчались въ самыхъ захолустныхъ деревушкахъ. На земскихъ собраніяхъ, какъ мнѣ приходилось слышать впослѣдствіи, гласные отъ духовенства въ школьномъ дѣлѣ шли рука объ руку съ свѣтской интеллигенціей.

15-го августа, послѣ шестинедѣльной работы на холерѣ, я съ грустью покидалъ Михайловку, сожалѣя о томъ, что мнѣ никогда уже больше не придется видѣть ея симпатичныхъ обитателей, наблюдать ихъ мирную трудовую жизнь и испытывать хотя небольшое нравственное удовлетвореніе отъ сознанія, что ты можешь быть имъ чѣмъ-нибудь полезнымъ.

Въ Н. мнѣ сказали, что товарищи мои вчера уѣхали въ К., а меня предсѣдатель просилъ зайти къ нему на квартиру.

Викторъ Аполлоновичъ Р. занималъ въ городѣ небольшую квартиру для своихъ пріѣздовъ. Семья его жила постоянно въ имѣніи. Покончивъ денежные разсчеты за работу по холерѣ, Викторъ Аполлоновичъ вручилъ мнѣ бумагу въ К—скій холерный комитетъ—аттестацію моей дѣятельности, что онъ сдѣлалъ вчера и для другихъ моихъ товарищей. Затѣмъ онъ разспрашивалъ меня о жизни въ Михайловкѣ, о сдѣланныхъ мною тамъ знакомствахъ и подтвердилъ слова Ковнера о томъ, что Михайловскіе обыватели и тамошніе гласные не могли дать мнѣ истиннаго понятія о земствѣ, его задачахъ и цѣляхъ. При прощаньѣ Викторъ Аполлоновичъ, пожелавъ мнѣ благополучнаго окончанія курса, предложилъ поступать къ нимъ на службу, выразивъ увѣренность, что наша работа не пройдетъ даромъ для будущей организаціи земской медицины въ ихъ уѣздѣ.

Оставалось еще много времени до отхода поѣзда, и я отправился къ Ковнеру. Его не было дома, но онъ скоро пріѣхалъ отъ больныхъ и просилъ остаться у него обѣдать. Семья его все еще не пріѣхала, и мы были одни. Разговоръ все время шелъ о Михайловкѣ, о минувшей холерѣ, о земствѣ. Я сказалъ ему о пессимистическихъ взглядахъ о. Александра на земство. Ковнеръ

горячо протестовалъ противъ этого и доказывалъ, что только земство въ состоянiи оживить одряхлѣвшiй дореформенный строй нашего отечества, но для этого нужны люди и не одни только гласные, сознательно и добросовѣстно относящiеся къ земскому дѣлу, но и исполнители постановленiй земскихъ собранiй—учителя, врачи и пр.

— А людей то и нѣтъ; одна надежда на васъ, учащуюся молодежь; но и у васъ, какъ вы разсказывали, мало говорятъ о земствѣ и, какъ видно, ничего о немъ не знаютъ,—печально закончилъ Ковнеръ.

Я выразилъ увѣренность, что теперь, послѣ холеры, и среди университетской молодежи будутъ интересоваться земствомъ, что изъ деревень вернутся десятки студентовъ, болѣе или менѣе ознакомившихся съ народной жизнью, а это не пройдетъ даромъ и укрѣпитъ влеченiе къ народу и деревнѣ, бывшее до сихъ поръ только теоретическимъ.

Это былъ нашъ послѣднiй разговоръ о земствѣ. Вечеромъ когда поѣздъ увозилъ меня въ К.. и я увидѣлъ Михайловку, надъ которой уже сгущались сумерки потухавшаго дня, я думалъ, что вижу ее въ послѣднiй разъ, но жизнь показала иное...

На земской службѣ въ Н—скомъ уѣздѣ.

I.

Послѣднiй годъ моего пребыванiя въ университетѣ ($18^{72}/_{73}$) прошелъ незамѣтно, при усиленныхъ занятiяхъ въ госпиталѣ и заполненiи разнаго рода пробѣловъ формально заканчивавшагося медицинскаго образованiя. Теперь намъ, медикамъ 5-го курса, приходилось все рѣже и рѣже бывать на товарищескихъ собранiяхъ и въ такъ называемыхъ кружкахъ для самообразованiя. Эти послѣднiе имѣли такое огромное влiянiе на наше развитiе и такъ значительно отразились на жизни и дѣятельности нашего поколѣнiя, что я считаю не лишнимъ сказать здѣсь о нихъ нѣсколько словъ.

Время моего пребыванiя въ университетѣ (1868—1873 годы) было нѣкоторымъ подъемомъ духа среди учащейся молодежи, осо-

бенно въ нашемъ университетѣ, гдѣ послѣ польскаго возстанія и разгрома украйнофильской партіи все живое и мыслящее изъ старшаго поколѣнія замолкло и притаилось. Молодежь-же, разогрѣтая еще на гимназической скамьѣ литературой 60-хъ годовъ и лучшими педагогами того времени, не могла примириться съ вынужденнымъ затишьемъ и требовала свободнаго между собой общенія по своимъ студенческимъ дѣламъ и нуждамъ. Собирались иногда многолюдныя сходки. Мягкій университетскій режимъ того времени мало этому препятствовалъ. Помнится, какъ на одной бурной сходкѣ въ университетѣ студенты заявили явившемуся на сходку ректору просьбу о разрѣшеніи имъ права сходокъ, студенческой кассы и проч.; ректоръ отвѣчалъ, что ничего этого онъ своей властью разрѣшить не можетъ, но что доложитъ объ этомъ попечителю. Когда на другой день нѣкоторыхъ изъ насъ вызвалъ къ себѣ попечитель, старый генералъ Антоновичъ, то, совѣтуя намъ успокоиться, онъ мягко добавилъ:

— Я говорю вамъ по собственному опыту. На этихъ узкихъ плечахъ, господа, я носилъ *долго* солдатскіе погоны за подобное вашему дѣло.

Дѣйствительно, старикъ Антоновичъ въ Николаевскія времена былъ исключенъ изъ Московскаго университета и отданъ въ солдаты. Ближайшее наше начальство: ректоръ, проректоръ и субъинспекторъ были еще тише и незамѣтнѣе.

Несмотря на это, мы такъ таки и не добились оффиціальнаго разрѣшенія сходокъ, кассы и проч., какъ не добились того же и въ другихъ университетахъ, гдѣ студенческія волненія происходили почти одновременно съ нашими.

Но это не помѣшало намъ завести у себя кассу и другія нужныя намъ учрежденія негласно. Для веденія кассовыхъ дѣлъ, въ виду неудобства часто собирать многолюдныя собранія, образовались кружки, составившіеся изъ товарищей по гимназіи, вродѣ возникшихъ впослѣдствіи землячествъ. Эти кружки избирали своихъ представителей, намѣчали—кто изъ товарищей наиболѣе нуждается въ пособіи. Денежныя средства кассы составлялись изъ ежемѣсячныхъ взносовъ, пожертвованій, спектаклей и пр. Представители кружковъ объединялись въ особыхъ собраніяхъ и на нихъ окончательно рѣшали, кому изъ нуждающихся и въ какомъ количествѣ необходимо выдать пособіе. Изъ этихъ кассовыхъ кружковъ образовались особые кружки для самообразованія, куда входили ужъ не только товарищи по гимназіямъ, но и другіе студенты.

Какъ я уже говорилъ выше, общественная мысль у нѣкоторой части молодежи была пробуждена еще въ гимназіяхъ; здѣсь же она искала себѣ болѣе прочнаго обоснованія въ теоретическихъ знаніяхъ, для чего въ общеніи съ товарищами разныхъ факультетовъ выработалась какъ-бы обязательная программа общеобразовательныхъ чтеній. Въ основу чтеній положены были: политическая экономія, соціологія, тогда еще очень юная, и исторія. Читали „Политическую Экономію"—Миля съ примѣчаніями Чернышевскаго (Маркса еще не было въ русскомъ переводѣ), „Основы соціологіи"—Спенсера, только что вышедшія на русскомъ языкѣ, сочиненія Кэри, Пфейфера и др., рѣчи Лассаля, „Положеніе рабочаго класса въ Россіи"—Флеровскаго. Изъ историческихъ сочиненій—только что вышедшія тогда въ переводѣ: „Комедія всемірной исторіи" Шерра, „Дѣятели 48-го года" Вермореля, соч. Луи-Блана и др. Само собой разумѣется, что всего этого въ кружкахъ, собиравшихся разъ, много два, въ недѣлю, полностью не прочитывалось; даже изъ Миля, читавшагося всего охотнѣе и правильнѣе, успѣли, кажется, прочитать только отдѣлъ о производствѣ; остальное прочитывалось дома, отдѣльно каждымъ изъ насъ. Въ эту чисто теоретическую область порой врывалась свѣжая злободневная струя изъ тогдашней журналистики. Любимымъ журналомъ молодежи были „Отечественныя Записки": изъ газетъ— „Недѣля", особенно привлекавшая насъ печатавшимися въ ней „Историческими письмами" Миртова. Но дороже всѣхъ чтеній были бесѣды и споры по поводу прочитаннаго. Въ нихъ-то, въ этихъ спорахъ, и выработалось то, общее всѣмъ намъ направленіе, которое принято называть *народническимъ*.

Подъ народомъ, которому мы собирались служить, *отдавать долгъ*, какъ тогда любили выражаться, разумѣли всю трудящуюся массу населенія, неустанному труду которой мы обязаны своимъ образованіемъ и развитіемъ. Мы знали, что на Западѣ существуетъ рабочее движеніе среди городскихъ, фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, но у насъ, въ провинціи по крайней мѣрѣ, въ то время никакихъ фабрикъ не было, даже желѣзная дорога въ нашъ городъ еще только строилась и мы, по древнему обычаю, ѣздили учиться въ университетъ на *долгихъ*. Такимъ образомъ выходило естественно, что подъ трудящейся массой населенія мы могли разумѣть почти исключительно деревенскій народъ. Подъ служеніемъ ему мы понимали облегченіе всяческихъ его нуждъ. Мы знали, что народъ нашъ, только что на нашихъ глазахъ вышедшій изъ

подъ вѣковаго крѣпостного ярма, невѣжественъ, теменъ и забитъ. Поэтому мы считали, что всѣ заботы интеллигенціи должны быть направлены на просвѣщеніе народа, поднятіе его личности, облегченіе его матеріальныхъ нуждъ, леченіе физическихъ недуговъ и проч. Еще въ университетѣ начались опыты осуществленія великой задачи служенія народу. Въ нашъ городъ приходили на лѣто и осень артели рабочихъ; мы сводили съ ними знакомство, причемъ каждый кружокъ облюбовывалъ свою артель и въ нее посылалъ по очереди своихъ членовъ для ежедневныхъ вечернихъ занятій по обученію грамотѣ. Здѣсь начинали учить съ азбуки, а для болѣе грамотныхъ велись чтенія вслухъ какихъ нибудь дозволенныхъ книгъ. Для нихъ-же, а также для грамотныхъ городскихъ ремесленниковъ, существовала еще негласная воскресная школа, содержавшаяся на общія кружковыя средства, въ которой особые, хорошо подготовленные лекторы изъ студентовъ вели занятія по физикѣ, химіи, географіи, исторіи и проч. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что полиціи извѣстно было о всѣхъ этихъ сношеніяхъ молодежи съ рабочими и тѣмъ не менѣе не было ни одного случая вмѣшательства съ ея стороны. Кромѣ кружковыхъ собраній, нѣсколько разъ въ годъ устраивались общія собранія въ такъ называемомъ студенческомъ клубѣ. Никакой опредѣленной цѣли для этихъ собраній не было; собирались, просто, провести время, побесѣдовать, а иногда и поспорить. Никакихъ увеселеній и угощеній, кромѣ чая; на такихъ вечерахъ не полагалось, а между тѣмъ собранія были очень оживленныя и надолго оставались у насъ въ памяти. Объ этихъ собраніяхъ полиція тоже не могла не знать, такъ какъ они были многолюдны и происходили въ домахъ на видныхъ улицахъ города. Правда, что время было сравнительно тихое: никакихъ политическихъ арестовъ и процессовъ не было, если не считать Нечаевскаго дѣла, локализировавшагося, главнымъ образомъ, среди московской учащейся молодежи. Не мѣшало все это и занятіямъ въ университетѣ. Наоборотъ, молодежь, серьезно настроенная, строго относилась къ своимъ научнымъ занятіямъ, не пропускала лекціи и много работала въ разнаго рода учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ. Я могу это смѣло утверждать, говоря о своихъ товарищахъ-медикахъ. За это время нашъ факультетъ подарилъ университету одного профессора и выпустилъ не мало спеціалистовъ по разнымъ спеціальностямъ и очень много дѣльныхъ практическихъ врачей. Такимъ образомъ, оканчивая университетъ, мы знали куда намъ

идти и что дѣлать. Никакихъ колебаній и сомнѣній на этотъ счетъ не было. И вотъ за это чувство глубокой вѣры въ лучшее будущее нашей родины, связанное съ благополучіемъ трудящихся массъ населенія, за твердую рѣшимость работать для блага народа, я, какъ и многіе изъ нашего поколѣнія, до сѣдыхъ волосъ донесли наилучшія воспоминанія о времени, проведенномъ въ университетѣ и о нашей alma mater.

Наступила осень 1873 года, а съ ней и наши выпускные экзамены, затянувшіеся до декабря. Пришелъ, наконецъ, и день, когда насъ, новоиспеченныхъ лекарей, позвали въ университетскую канцелярію и предложили подписать факультетское обѣщаніе, начинающееся слѣдующими многознаменательными словами: „принимая съ глубокой признательностью, даруемыя мнѣ наукой права врача, обѣщаюсь и клянусь ничѣмъ не омрачать честь сословія, въ которое вступаю“ и т. д. и т. д. Изъ груди вырвался вздохъ облегченія послѣ экзаменаціонной страды. Но это продолжалось не долго и вскорѣ снова явилось безпокойство и тревога за будущее. Дѣло въ томъ, что, будучи въ числѣ 9-ти товарищей по выпуску казеннокоштнымъ студентомъ, я обязанъ былъ прослужить 6 лѣтъ по назначенію правительства. Мѣстами насъ, казеннокоштныхъ, не баловали и назначали, обыкновенно, туда, куда никто добровольно не поѣхалъ-бы: на крайній сѣверъ Россіи и въ Сибирь. Было, значитъ, надъ чѣмъ призадуматься. Не оживила меня и поѣздка къ роднымъ на праздники. Нѣтъ-нѣтъ да и призадумается старикъ-отецъ, устремитъ на меня свои потускнѣвшіе глаза и, покачивая сѣдою головою, замѣчаетъ:—„Лучше бы ты, сыну, ликаремъ не бувъ, та сидивъ близче коло насъ“.

Веселое, праздничное настроеніе знакомыхъ въ нашемъ уѣздномъ городкѣ еще больше раздражало, и я 2-го января уже выѣхалъ назадъ въ университетскій городъ къ товарищамъ.

Свободнаго времени у меня теперь было много; можно было цѣлые вечера проводить въ товарищескихъ бесѣдахъ и спорахъ о будущей дѣятельности; но эти разговоры и мечтанія вслухъ болѣзненно отзывались въ моей душѣ. „Вѣдь это все не для меня, думалось мнѣ,—мой жизненный удѣлъ: сидѣть гдѣ нибудь въ Мезени, Кеми, Туруханскѣ, Обдорскѣ и проч. Кому и для чего тамъ

нужны сила и энергія молодости"? А въ это время здѣсь, въ земской Россіи, былъ огромный спросъ на насъ, молодыхъ и бодрыхъ врачей.

Невеселыя думы и хандра поддерживались еще отвратительной погодой. Снѣгъ, выпавшій только въ декабрѣ, недолго продержался и въ январѣ уже извозчики не знали на чемъ имъ ѣздить—на саняхъ или на дрожкахъ? Съ утра слегка подмораживаетъ, а къ полудню каплетъ съ крышъ вода и по улицамъ бѣгутъ ручьи. Въ одинъ изъ такихъ дней вышелъ я побродить по городу. На главной улицѣ, благодаря теплому вечеру, было много гуляющихъ. Вмѣшался и я въ толпу и вдругъ на встрѣчу попадается старый знакомый д-ръ С. Г. Ковнеръ, съ которымъ я часто встрѣчался въ Н., въ бытность мою тамъ по холерѣ въ 1872 году. Ковнеръ привезъ сюда больную для консультаціи у профессоровъ. Онъ торопился по дѣламъ и, недолго поговоривъ со мной, просилъ зайти къ нему въ гостинницу въ 8 часовъ вечера. Нечего и говорить, что я очень обрадовался приглашенію и въ назначенный часъ былъ въ гостинницѣ. Разговоръ тотчасъ-же начался о земствѣ. Ковнеръ разсказалъ мнѣ, что въ первомъ же послѣ холеры земскомъ собраніи председатель управы Викторъ Аполлоновичъ Р. предложилъ раздѣлить уѣздъ на три медицинскихъ участка и пригласить трехъ врачей; къ нему присоединилось много казаковъ и благодаря этому медицинскій вопросъ въ пользу трехъ врачей прошелъ блистательно. Но одинъ изъ трехъ медицинскихъ участковъ оставался и теперь вакантнымъ и на это мѣсто Ковнеръ просилъ меня рекомендовать кого-нибудь изъ товарищей. Къ сожалѣнію, я не могъ никого рекомендовать, такъ какъ здѣсь оставалось всего человѣка два, три моихъ товарищей и изъ нихъ никто не разсчитывалъ служить въ земствѣ. Тогда Ковнеръ, совершенно для меня неожиданно, предложилъ занять это мѣсто мнѣ самому и, зная, что я, какъ казеннокоштный, жду назначенія отъ правительства, замѣтилъ, что назначеніе это состоится не раньше апрѣля или мая мѣсяца, что на лѣто я могу взять отпускъ, а дальше мало-ли чего не бываетъ?

— Если васъ ужъ и пошлютъ на сѣверъ, то лучше ѣхать туда зимою, тогда и дороги будутъ получше,—добавилъ онъ.

Я призадумался. „Сидѣть здѣсь и хандрить", размышлялъ я: „чего ужъ тутъ хорошаго?—Долго-ли, недолго прослужу въ земствѣ—все же время пройдетъ за работой, будетъ пріобрѣтена хоть небольшая медицинская опытность и знаніе земства, а дальше, что будетъ, то будетъ."

Все это я передалъ Ковнеру. Онъ, видимо, обрадовался, но, тотчасъ же немного и смутилъ меня, разсказавъ, что въ этомъ году были новые выборы въ гласные и что старый председатель Р., котораго я зналъ во время холеры въ 1872 году, теперь отъ председательства отказался, потому что противники оскорбляли его разными мелочными уколами и придирками. На мѣсто Р. попалъ бывшій много лѣтъ предводителемъ дворянства Юленьевъ, а въ члены, кромѣ стараго Сватка, избранъ еще Н—скій уѣздный врачъ Ткаченко. О новомъ предсѣдателѣ Ковнеръ отзывался какъ о человѣкѣ, почти выжившемъ изъ ума и совершенно не интересующемся земскимъ дѣломъ. «Къ счастью», прибавилъ Ковнеръ: «на него имѣетъ большое вліяніе его сынъ, Н—скій мировой судья, человѣкъ образованный, другъ Р., а потому ни одно сколько нибудь серьезное дѣло въ управѣ не проходитъ безъ участія самого Р.». Я замѣтилъ Ковнеру, что новая управа меня не знаетъ и, пожалуй, не согласится принять на временную службу. Но Ковнеръ взялся все это устроить и объ окончательномъ рѣшеніи управы извѣстить телеграммой. Мы скоро разстались, такъ какъ Ковнеръ съ почнымъ поѣздомъ уѣзжалъ въ Н.

Спустя нѣсколько дней я получилъ телеграмму отъ Н—ской земской управы съ просьбой поскорѣе прибыть въ Н., а къ 15 января я уже былъ тамъ. Изъ старыхъ знакомыхъ я нашелъ въ управѣ только Сватка и секретаря С. Предсѣдатель управы, высокій полный старикъ, съ небольшимъ остаткомъ волосъ на головѣ, съ нѣсколько выпуклыми сѣрыми глазами, встрѣтилъ меня любезно и спросилъ Сватка, тотъ ли я, что былъ на холерѣ въ Михайловкѣ? На утвердительный отвѣтъ Сватка предсѣдатель сказалъ мнѣ: «ну вотъ я очень радъ, что вы снова здѣсь, послужите у насъ подольше и такъ же хорошо, какъ въ Михайловкѣ. Теперь вы будете служить въ другомъ мѣстѣ, въ Вересаевкѣ; это недалеко отсюда, всего 12 верстъ. Вы можете пріѣзжать къ намъ часто и, если играете въ карты и любите общество, то совѣтую вамъ записаться въ клубъ, тамъ всегда можно составить партію въ преферансъ или ералашъ».

Я отвѣчалъ, что мнѣ нѣтъ надобности заботиться о клубѣ, такъ какъ я не знаю, долго ли придется прослужить здѣсь.

Члена управы, завѣдывавшаго медицинскою частью, д-ра Ткаченко, въ этотъ день не было въ управѣ. По совѣту предсѣдателя я долженъ былъ отправиться къ нему на квартиру для ознакомленія съ медицинскими нуждами моего участка. Въ прием-

ной Ткаченка меня встрѣтилъ пожилой, лѣтъ за 50 мужчина съ обвязанной шеей. Это и былъ самъ Иванъ Ивановичъ Ткаченко. Сиплымъ голосомъ онъ сказалъ мнѣ, что на дняхъ простудился гдѣ-то на вскрытіи и теперь сидитъ дома. Познакомивъ меня, по картѣ, съ моимъ участкомъ, состоявшимъ изъ трехъ волостей, онъ разсказалъ кое что о сослуживцахъ-фельдшерахъ, изъ которыхъ одинъ на дняхъ только поступилъ на службу. О моемъ будущемъ мѣстожительствѣ—Вересаевкѣ замѣтилъ, что хотя это и большое селеніе, слишкомъ 5 тыс. жителей, и недалеко отъ города, но жить тамъ должно быть очень скучно, такъ какъ нѣтъ помѣщиковъ.

На мой вопросъ—есть-ли въ Вересаевкѣ инструменты и лекарства, онъ отвѣчалъ, что лекарства кое какія должны быть у фельдшера, а инструменты онъ выписалъ для всѣхъ участковъ и вересаевскіе лежатъ въ управѣ. «Впрочемъ, добавилъ онъ, я завтра думаю самъ быть въ управѣ и мы столкуемся о всемъ, что вамъ нужно».

Отсюда я отправился къ д-ру Ковнеру. Онъ еще не возвратился отъ больныхъ и я около часу провелъ съ его женой. Софья Марковна была женщина образованная, много разъ бывала за-границей и проживала тамъ подолгу, такъ какъ въ Швейцаріи у нея воспитывались дѣти отъ перваго мужа. Въ Н. у Софьи Марковны было мало знакомыхъ, все больше семейства земцевъ, преимущественно пріятелей бывшаго предсѣдателя Р. О Вересаевкѣ она ничего не знала, кромѣ того, что тамъ живетъ ея знакомый мировой судья Николай Николаевичъ М. Объ этомъ судьѣ она отзывалась съ восторгомъ, называя его очень умнымъ человѣкомъ, жалѣя лишь о томъ, что его здѣсь мало понимаютъ и цѣнятъ, исключая, разумѣется, его друзей изъ компаніи бывшаго предсѣдателя.—„Говорятъ, что Николай Николаевичъ очень непрактичный человѣкъ, „философъ“, какъ его зовутъ въ насмѣшку. Возможно, что онъ не практиченъ и видъ у него, правда, какъ будто растерянный, но это происходитъ отъ разсѣянности, когда онъ бываетъ въ большомъ обществѣ и когда на него обращаютъ вниманіе. Но стоитъ поговорить съ нимъ одинъ-на-одинъ и, особенно, когда привыкнешь къ его манерѣ говорить, къ постояннымъ сравненіямъ и обобщеніямъ, тогда убѣждаешься, что этотъ человѣкъ много думаетъ и логично мыслитъ“—заключила свой диффирамбъ о судьѣ Софья Марковна.

Пріѣхалъ, наконецъ, и Ковнеръ. За обѣдомъ много говорили о моемъ будущемъ житьѣ въ Вересаевкѣ. Савелій Григорьевичъ хорошо зналъ это мѣстечко и, несмотря на это, не могъ придумать у кого мнѣ остановиться. Порѣшили на томъ, что я заѣду къ судьѣ и проживу у него нѣсколько дней до прінсканія квартиры.

Ковнеръ спрашивалъ—„какое впечатлѣніе произвела на меня новая управа?“ Я, разумѣется, отвѣчалъ, что новый предсѣдатель не то, что Р., а о Ткаченко я не успѣлъ еще составить никакого мнѣнія. Онъ долго хохоталъ надъ заботами управы о предстоящей мнѣ скукѣ и о совѣтахъ почаще ѣздить въ городъ и ходить въ клубъ.

— Хорошій совѣтъ для земскаго работника! Да что другое они могутъ придумать? Ткаченко самъ не вылазитъ изъ клуба и вѣчно рѣжется въ карты—добавилъ онъ. Весь этотъ вечеръ мы провели съ Софьей Марковной. Савелій Григорьевичъ изрѣдка и ненадолго выходилъ къ намъ изъ кабинета. Онъ тогда уже работалъ надъ своей «Исторіей Медицины», которая стала выходить много лѣтъ спустя.

На другой день въ 10 час. утра я уже былъ въ управѣ, куда вскорѣ пришелъ и Ткаченко. Съ нимъ мы проболтали около двухъ часовъ до прихода предсѣдателя. Иванъ Ивановичъ былъ тоже студентомъ нашего университета и даже прошелъ полный курсъ на 2-хъ факультетахъ: сначала на математическомъ, а потомъ на медицинскомъ. Къ математикѣ онъ имѣлъ нѣкогда большое влеченіе, но убоялся учительской карьеры, а для приготовленія къ профессурѣ не чувствовалъ силъ и потому избралъ медицинскій факультетъ, какъ болѣе хлѣбный. По окончаніи курса онъ служилъ 6 лѣтъ гдѣ-то въ Новгородской губерніи окружнымъ врачемъ по министерству государственныхъ имуществъ, потомъ сталъ уѣзднымъ врачемъ и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ дождался перевода на родину. Медицины онъ никогда не любилъ и частной практикой теперь вовсе не занимался, а потому у него оставалось много свободнаго времени вслѣдствіе чего онъ охотно согласился идти въ члены управы. Завѣдываніе земской медициной, какъ дѣломъ по профессіи болѣе для него близкимъ, доставляетъ ему нѣкоторое удовольствіе. Онъ только ужасается передъ большими расходами земства на это дѣло и въ этомъ отношеніи полный сторонникъ Михайловскаго судьи и его партіи.

Пришелъ наконецъ и предсѣдатель; завязался общій разговоръ о томъ, какъ мнѣ быть съ разъѣздами по участку. Дѣло въ томъ, что въ Н—скомъ уѣздѣ не было земскихъ почтовыхъ станцій и всѣ служащіе получали отъ земства разъѣздныя деньги и должны были нанимать подводы или же держать своихъ лошадей. На первое время имъ выдавались разъѣздные листы для взиманія обывательскихъ подводъ за прогоны, но, чтобы не стѣснять населеніе, земство просило служащихъ поскорѣе устраиваться съ разъѣздами какъ они хотятъ, но только избѣгать обывательскихъ подводъ. Особенно это касалось земскихъ врачей, у которыхъ разъѣзды были очень частые. Мнѣ дали временный открытый листъ на обывательскую подводу и совѣтовали скорѣе нанять въ Вересаевкѣ какого нибудь извозчика, помѣсячно. Говорили, что всякій зажиточный кулакъ охотно возьмется возить меня, хоть ежедневно, за мои разъѣздныя деньги—20 рублей въ мѣсяцъ.

Получивъ впередъ разъѣздныя деньги, часть жалованья и кучу всякихъ добрыхъ пожеланій, я распрощался съ управой и отправился сдѣлать кое-какія закупки, а затѣмъ собираться въ дорогу.

Никакихъ указаній, или чего-нибудь похожаго на инструкцію для моей дѣятельности въ участкѣ мнѣ въ управѣ не дали, да въ тѣ времена ни въ одномъ еще земствѣ такихъ инструкцій и не существовало

Я выѣхалъ изъ Н. около четырехъ часовъ вечера, день былъ пасмурный, моросилъ мелкій дождь. За городомъ началась непролазная грязь. Дорога въ Вересаевку шла почтовымъ трактомъ на губернскій городъ. Мы тащились на парѣ довольно рослыхъ и сытыхъ почтовыхъ лошадей, едва тянувшихъ шагомъ нашу небольшую телѣжку. На протяженіи 12-ти верстъ до Вересаевки не было ни одного селенія и мы добрались туда, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Въ избахъ по широкой улицѣ, составлявшей продолженіе почтоваго тракта, свѣтились огни. Одинъ домикъ былъ освѣщенъ ярче другихъ и около него стояли подводы. Ямщикъ сказалъ мнѣ, что это камера мирового и ему надо зайти туда спросить гдѣ живетъ судья? Ямщикъ скоро вышелъ и мы поѣхали дальше. Свернувъ съ большой дороги въ боковыя улицы, мы съ трудомъ добрались по непролазной грязи до квартиры судьи. Въ небольшой передней меня встрѣтилъ лакей въ длинной чемеркѣ, какую носятъ здѣсь зажиточные казаки, и спросилъ, какъ

обо мнѣ доложить? Я вошелъ въ небольшую залу. Черезъ нѣсколько минутъ изъ другой комнаты вышелъ ко мнѣ судья. Онъ былъ средняго роста, худощавый, лѣтъ около 40; въ окладистой, темнорусой бородѣ уже мелькала сѣдина, на головѣ просвѣчивала лысина, зачесанная сзади волосами. Небольшой носъ и нависшія брови дѣлали его лицо некрасивымъ, но большіе голубые глаза свѣтились такою мягкостью и добротой, что ими скрашивались всѣ недочеты физіономіи. Намъ подали чай. Николай Николаевичъ высказывалъ удовольствіе, что съ моимъ пріѣздомъ онъ будетъ не одинъ и будетъ съ кѣмъ перекинуться словечкомъ. Онъ просилъ располагаться у него до пріисканія квартиры и, если бы у него была еще хоть одна лишняя комната, то всего лучше было бы поселиться вмѣстѣ. Пока мы пили чай, лакей доложилъ о приходѣ мѣстнаго фельдшера Студенкова. Я удивился, какъ онъ узналъ о моемъ пріѣздѣ, но, оказалось, что фельдшеръ былъ утромъ въ городѣ, въ управѣ, и тамъ ему сказали, что я буду сегодня въ Вересаевкѣ. Къ Николаю Николаевичу онъ приходилъ уже второй разъ -- узнать о моемъ пріѣздѣ.

Войдя въ комнату, Студенковъ сказалъ мнѣ, что съ нетерпѣніемъ ждалъ меня сегодня, такъ какъ у него двое тяжелыхъ тифозныхъ больныхъ, о которыхъ трудно сказать—доживутъ-ли они до завтрашняго дня?

Николай Николаевичъ собирался ѣхать въ свою камеру и предложилъ намъ подождать его лошадей, на которыхъ можно будетъ поѣхать къ больнымъ, такъ какъ лошади ему не понадобятся часовъ до 11. Николай Николаевичъ уѣхалъ и я остался со Студенковымъ. Студенковъ разсказывалъ о себѣ, что служитъ въ Вересаевкѣ съ начала введенія земства, но почти бѣдствуетъ, такъ какъ у него на рукахъ семья въ 7 человѣкъ, а жалованья онъ получаетъ 200 рублей въ годъ. Квартирныхъ фельдшерамъ не даютъ, а при волостномъ правленіи нѣтъ комнаты для аптеки и пріема больныхъ, поэтому въ его небольшой квартирѣ цѣлый день тѣснятся больные и его семья.

— Да вотъ завтра увидите мою обстановку, закончилъ Студенковъ.

Лошади Николая Николаевича возвратились и мы отправились къ больнымъ. Въ одной хатѣ третью недѣлю лежалъ парень, лѣтъ 20-ти, у котораго была тяжелая форма брюшного тифа. Родные съ умоляющимъ видомъ ждали моего приговора, отъ котораго я уклонился, назначивъ больному возбуждающія и отхаркивающія лѣкарства.

Вторая больная, дѣвочка лѣтъ 13-ти была больна уже 6-ю недѣлю; собственно тифозный процессъ у нея уже закончился, но оставались глубокія пролежни и такая слабость, что больная дѣйствительно могла умереть во всякую минуту. Она рѣшительно не могла переносить грубой пищи, какой ее кормили, и у нея всякій разъ послѣ ѣды вздувало животъ и являлись боли въ кишкахъ, гдѣ, очевидно, тифозныя язвы еще не зажили. Семья больной была довольно зажиточная и потому можно было улучшить ея питаніе, но о винѣ, необходимомъ для обоихъ больныхъ, я рѣшилъ просить Николая Николаевича. Мы возвратились отъ больныхъ часовъ въ 10. Студенковъ распрощался со мной и сказалъ, что завтра утромъ придетъ за мной, чтобы идти осматривать аптеку, при этомъ предупредилъ насчетъ высокихъ сапогъ, безъ которыхъ по улицамъ невозможно пройти. Къ счастью большіе сапоги были у меня еще со временъ студенчества.

Скоро пріѣхалъ и Николай Николаевичъ; онъ выглядѣлъ немного усталымъ и на мой вопросъ: „почему онъ такъ поздно разбиралъ дѣла“?—отвѣтилъ, что онъ всегда назначаетъ разборъ дѣлъ по вечерамъ, чтобы не отнимать у крестьянъ рабочій *день*.

— Такъ оно удобнѣе для крестьянъ,—прибавилъ онъ: здѣшніе жители совсѣмъ не потеряютъ времени для суда, такъ какъ вечера у нихъ свободны, а пріѣзжіе изъ далека потеряютъ часть дня на дорогу, но за то завтра рано утромъ, а нѣкоторые и сегодня, могутъ разъѣзжаться по домамъ и не должны будутъ завтра цѣлый день толкаться въ камерѣ.

За ужиномъ Николай Николаевичъ нѣсколько оживился, сталъ разспрашивать меня объ университетѣ, о настроеніи молодежи. Самъ онъ окончилъ юридическій лицей въ 1860 году, послѣ чего много лѣтъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ только числился на службѣ по какому-то министерству, въ дѣйствительности-же былъ вольнослушателемъ въ университетѣ. Въ концѣ 60-хъ годовъ снова вернулся на родину и вотъ уже второе трехлѣтіе служитъ мировымъ судьей въ Вересаевкѣ. Хозяйствомъ онъ не занимается и ихъ родовое имѣніе находится въ другой части уѣзда, гдѣ хозяйство ведетъ старикъ-отецъ, а онъ туда только временно наѣзжаетъ. На вопросъ мой—не тяжело-ли и не скучно-ли ему послѣ Петербурга жить одному въ деревнѣ—Николай Николаевичъ отвѣтилъ: „нѣтъ“. Деревню онъ любитъ, онъ въ ней родился, выросъ, проживалъ по долгу взрослымъ и теперь, когда пред-

ставляется возможность хоть чѣмъ нибудь послужить деревнѣ, онъ, какъ многіе образованные люди, считаетъ себя нравственно обязаннымъ работать здѣсь.

— Я не утверждаю, что для этого надо непремѣнно жить въ деревнѣ, сказалъ онъ. Можно, и живя въ городѣ, сдѣлать много полезнаго для крестьянъ. Впрочемъ, поживите здѣсь и поближе всматривайтесь въ крестьянскую жизнь, вы и сами увидите, какая настоятельная нужда ощущается здѣсь въ людяхъ знающихъ: сколько слезъ и горя можно если не совсѣмъ уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, облегчить.

Я сказалъ ему, что кое-что изъ деревенскихъ наблюденій во время холеры памятно мнѣ и теперь, но очень многаго я не понимаю и надѣюсь уяснить себѣ со временемъ при его помощи.

II.

Фельдшеръ Студенковъ жилъ недалеко отъ Ник. Ник., но на улицахъ и въ закоулкахъ была такая непролазная грязь, что мы мѣстами брели въ ней по колѣно. Квартира фельдшера представляла обыкновенную деревянную избу зажиточнаго казака. Широкими сѣнями она дѣлилась на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной была кухня, а въ другой ютилась многочисленная его семья и здѣсь же помѣщалась аптека. Для послѣдней, впрочемъ, не требовалось много мѣста, такъ какъ она состояла всего изъ одного небольшого шкафа. Лѣкарствъ, повидимому, было достаточно, но все больше травы и пластыри, хотя были въ небольшомъ количествѣ narcotica: opium, морфій, белладона и др., такъ какъ въ тѣ времена не существовало еще запрещенія снабжать фельдшерскія аптечки наркотическими средствами. Аптечныя принадлежности содержались опрятно, но не было никакихъ хирургическихъ фельдшерскихъ инструментовъ, если не считать мѣднаго куба для кровососныхъ банокъ, да заржавленнаго ланцета. На вопросъ мой—чѣмъ же вскрываютъ нарывы?—фельдшеръ отвѣчалъ: „ничѣмъ, нарывы сами вскрываются отъ припарокъ и пластыря". Книги фельдшера велись правильно и аккуратно: Изъ нихъ видно было, что больныхъ къ нему обращалось много; діагнозы записывались болѣе или менѣе грамотно. Въ книгѣ для записыванія лѣкарствъ изъ городской аптеки отмѣчена была даже вчерашняя получка. Пока мы

разбирались въ книгахъ и лѣкарствахъ, приходило нѣсколько больныхъ, которыхъ мы здѣсь же и осматривали. Изъ этого перваго знакомства со Студенковымъ я вынесъ заключеніе, что имѣю дѣло съ опытнымъ и довольно аккуратнымъ фельдшеромъ. Посѣтивъ съ нимъ нѣсколько тяжелыхъ больныхъ на дому, я возвратился къ Ник. Ник. и засталъ его въ постели, хотя онъ давно уже не спалъ и у него здѣсь же въ спальнѣ сидѣлъ гость—мѣстный священникъ о. Григорій. Это былъ молодой еще батюшка, лѣтъ 30 съ небольшимъ, высокій смуглый брюнетъ. Ник. Ник. сказалъ мнѣ, что я пришелъ какъ разъ во-время, что онъ уговариваетъ о. Григорія уступить мнѣ комнату въ своемъ домѣ. О. Григорій колебался, боясь, что единственная у него свободная комната покажется мнѣ невзрачной и малой. Батюшка былъ родной братъ хозяйки Ник. Ник.—Марьи Романовны и потому рѣшено было пригласить на совѣтъ и ее. Колебанія о. Григорія скоро прекратились, какъ только пришла Марья Романовна и начала вмѣстѣ съ Ник. Ник. убѣждать брата. О. Григорій просилъ только зайти къ нему и осмотрѣть комнату. Вечеромъ мы всѣ отправились къ священнику. Онъ жилъ черезъ дорогу въ недавно отстроенномъ домикѣ, стоявшемъ посреди огромнаго двора, обнесеннаго новымъ тесовымъ заборомъ. Домъ состоялъ изъ 4-хъ комнатъ, изъ которыхъ двѣ, раздѣленныя небольшой передней, были, такъ сказать, парадныя. Одна изъ комнатъ съ 4 окнами во дворъ представляла небольшую залу, бѣдно обставленную крашеной деревянной мебелью, а другая, предназначавшаяся для меня, имѣла всего одно окно и была настолько мала, что въ ней едва могли помѣститься: кровать, столъ и шкафъ. Меня больше всего интересовалъ шкафъ, такъ какъ мнѣ некуда было дѣваться съ аптекой. Зальце должно было быть общимъ, здѣсь я могъ проводить свободное время и устроить письменный столъ для занятій. Такимъ образомъ, дѣло съ моей квартирой наладилось и черезъ 2—3 дня я могъ окончательно устроиться въ Вересаевкѣ. Оставалось еще найти лошадей для разъѣздовъ по участку, но милѣйшій Ник. Ник. и въ этомъ меня успокоилъ, обѣщая черезъ нѣсколько дней все уладить. Въ этотъ вечеръ Ник. Ник. довольно рано возвратился домой. Остатокъ вечера мы провели въ очень интересной бесѣдѣ, причемъ онъ много вспоминалъ изъ своей петербургской жизни. Особенно памятнымъ остался разсказъ его о томъ, какъ онъ торговалъ въ табачной лавочкѣ. Дѣло въ томъ, что отецъ его, разсердившись на сына, что тотъ не занимается службой въ

министерствѣ, а только праздно, по его мнѣнію, околачивается въ университетѣ, рѣшился проучить его, переставъ высылать деньги на содержаніе. Тогда Ник. Ник., въ компаніи съ однимъ пріятелемъ нанялъ гдѣ-то на Литейномъ лавочку, пріобрѣлъ на табачной фабрикѣ, частью за деньги, а частью въ кредитъ, табаку и папиросъ и открылъ торговлю. Пріятели чередовались днями, когда кому изъ нихъ сидѣть въ лавочкѣ. Въ квартирѣ ихъ съ утра до вечера толпилась молодежь и велись вѣчные разговоры и споры, причемъ коробки съ папиросами опорожнялись въ большомъ количествѣ за счетъ гостепріимныхъ хозяевъ. Сами торговцы также больше занимались спорами, чѣмъ торговлей, такъ что покупатели часто, не дождавшись окончанія спора, уходили за товаромъ въ другія лавки. Торговля быстро закончилась печальнымъ финаломъ, т. е. полнымъ банкротствомъ, причемъ пріятели едва унесли часть самаго необходимаго гардероба отъ продажи съ аукціона всего ихъ имущества.

На другой день, это было воскресенье, Ник. Ник. пригласилъ къ обѣду мѣстнаго учителя и учительницу. Учитель Василій Ивановичъ Кононенко, высокій блондинъ лѣтъ 35, происходилъ изъ мѣстныхъ казаковъ, окончилъ курсъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ и нѣкоторое время служилъ писцомъ въ камерѣ Ник. Ник. Замѣтивъ у Кононенко недюжинный умъ, тихій спокойный характеръ и способность вліять на своихъ односельчанъ, Ник. Ник. сталъ уговаривать его держать экзаменъ на сельскаго учителя. Кононенко сдалъ экзаменъ на учителя и убѣдилъ крестьянъ выстроить школу, въ которой сталъ учительствовать. Черезъ 2—3 года число учениковъ въ Вересаевской школѣ настолько увеличилось, что потребовался помощникъ учителя. На эту должность поступила учительница С.

Надежда Петровна С.—молодая дѣвушка лѣтъ 18—19, худенькая, тоненькая, съ большими голубыми глазами и длинною русою косой. За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть съ нею рядомъ. Я спросилъ не родственникъ ли ей студентъ С.,—медикъ, съ которымъ мнѣ часто приходилось встрѣчаться въ кружкахъ? Оказалось, что это былъ ея родной братъ. Студентъ С. принадлежалъ къ партіи такъ называемыхъ „американцевъ“. Ихъ было въ нашемъ университетѣ нѣсколько человѣкъ. Всѣ они, не окончивъ курса, отправились въ Америку—осуществлять идеалы правильной трудовой жизни. О своемъ братѣ учительница знала только, что онъ теперь въ Лондонѣ, но былъ ли онъ въ Америкѣ или собирается

туда ѣхать?—объ этомъ она ничего не знаетъ, такъ какъ съ нимъ не переписывается. Идеямъ брата она не сочувствовала, находя, что и на родинѣ вездѣ нужны люди.

Въ общемъ разговорѣ часто упоминалось имя предсѣдателя училищнаго совѣта Павла Степановича К., котораго на дняхъ ждали въ Вересаевкѣ. Училищный совѣтъ въ тѣ времена былъ чисто земскій. Предсѣдатель и члены его избирались на 3 года земскимъ собраніемъ изъ числа гласныхъ. О К. я узналъ, что это былъ молодой человѣкъ, крупный мѣстный землевладѣлецъ, недавно окончившій курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи и всей душой отдавшійся дѣлу народнаго образованія. Говорили, что онъ буквально живетъ въ тарантасѣ, переѣзжая изъ одной школы въ другую. Съ особеннымъ увлеченіемъ говорила о немъ учительница: съ первыхъ дней пріѣзда ея въ Вересаевку, К. относился къ ней очень доброжелательно: снабжалъ разными педагогическими книгами и пособіями, ободрялъ ее на первыхъ шагахъ педагогической дѣятельности, неувѣренную въ себѣ и колеблющуюся. Послѣобѣденная бесѣда затянулась у насъ очень долго. Ник. Ник. разсказывалъ о своихъ заграничныхъ путешествіяхъ. Онъ долго прожилъ во Франціи еще до франко-прусской войны и съ особеннымъ интересомъ наблюдалъ жизнь французской деревни. Сравнивая жизнь французскихъ крестьянъ съ нашими, онъ, конечно, не могъ не отмѣтить нашей некультурности, можно сказать, дикости, но говорилъ объ этомъ съ неподдѣльной грустью и сожалѣніемъ. Винилъ во всемъ извѣстную часть общества, долго и упорно задерживавшую уничтоженіе крѣпостного права.

Скоро ушелъ Кононенко, а учительница провела съ нами весь остальной вечеръ. Теперь я могъ съ нею ближе познакомиться, такъ какъ съ уходомъ Кононенко, къ которому учительница, повидимому, не благоволила, она стала разговорчивѣе. Спорили они съ Ник. Ник., какъ оказалось, уже не въ первый разъ, о томъ, что, по ея мнѣнію, для сближенія съ народомъ и вліянія на него интеллигенціи живущей въ деревнѣ, ей необходимо полное отрѣшеніе отъ всѣхъ культурныхъ формъ жизни, такъ сказать, полное *опрощеніе*. Для этого Надежда Петровна, будучи довольно состоятельной и, имѣя полную возможность получать изъ дому деньги, живетъ исключительно на свое жалованье, всего—10 руб. въ мѣсяцъ, причемъ выписываетъ еще нѣкоторыя книги и газету.

— Вотъ только на выписку журналовъ денегъ не хватаетъ, да благодаря добрымъ людямъ—Ник. Ник. и Павлу Степ. есть у меня и журналы—закончила Надежда Петровна.

— Какъ же это вы ухитряетесь жить на 10 руб. въ мѣсяцъ?— не безъ любопытства спросилъ я Надежду Петровну.

— А такъ, отвѣчала она: за квартиру со столомъ плачу 6 руб. въ мѣсяцъ. отъ чаю и всякихъ печеній отвыкла. одежда и обувь у меня держится пока еще запасенная дома, у родныхъ. Полъ въ своей комнатѣ мою сама; тоже и бѣлье научилась стирать, а по праздникамъ помогаю хозяйкѣ стряпать—и это надо знать. Вотъ только не знаю никакихъ полевыхъ работъ, но этому я непремѣнно научусь лѣтомъ, у себя дома.

— Ну и какое же вамъ утѣшеніе за всѣ эти подвиги?—спросилъ съ ироническою улыбкой Ник. Ник. –Пока я вижу одно: за полгода дурного питанія вы похудѣли и простите, Надежда Петровна, немного подурнѣли: кожа у васъ загрубѣла, на лицѣ появилось много прыщей и все это отъ деревенскихъ галушекъ и отъ прочей мучной снѣди. А такой-ли вы пріѣхали сюда?—Я тогда любовался вашимъ цвѣтомъ лица. И какая же награда, въ чемъ видите результаты вашего сближенія и вліянія на деревенскій людъ?

— Всего меньше сожалѣю я о потерѣ цвѣта лица и проч., все это дѣло наживное: поѣду на лѣто домой и поправлюсь. А что до моего сближенія съ деревенскимъ людомъ, то для сужденія объ этомъ прошло слишкомъ мало времени и притомъ кругъ знакомства у меня очень ограниченъ. Это исключительно молодыя дѣвушки и женщины. Онѣ часто, по вечерамъ, собираются у меня, работаютъ, бесѣдуютъ, иногда я имъ кое-что прочитываю вслухъ, чаще всего Шевченко, котораго онѣ прямо-таки заслушиваются. Недавно нѣсколько дѣвушекъ заявили желаніе поучиться грамотѣ и я непремѣнно заведу у себя для нихъ вечернюю школу.

— Все это прекрасно, заговорилъ снова не безъ ироніи Ник. Ник.; но для чего тутъ нужно недоѣданіе и прочіе подвиги. Вѣдь вотъ смотрю я на Кононенка: когда я сюда пріѣхалъ, онъ жилъ въ старой лачужкѣ, имѣлъ, кажется, всего одну коровенку, ходилъ въ сильно потертой чемеркѣ, а теперь у него завелся новый домишко, прибавилось и скота, да и на плечахъ у него не чемерка, а пиджакъ. Все это, конечно, не важно, но важно вотъ что: потерялъ-ли Кононенко благопріятное вліяніе на сельское общество?

— Ахъ, уже не говорите мнѣ о Кононенкѣ, съ жаромъ воскликнула Надежда Петровна, чѣмъ больше я къ нему присматриваюсь, тѣмъ онъ становится мнѣ противнѣе. Человѣкъ онъ, безспорно, не глупый, но глубоко невѣжественный и послѣдняго качества

въ себѣ не признаетъ, а это, согласитесь, для учителя очень и очень неудобно. На первыхъ порахъ нашего знакомства я ему предлагала читать кое-какія книги, частью педагогическаго, а частью и общелитературнаго содержанія, но замѣтила, что онъ ихъ и не читаетъ, отговариваясь сначала недостаткомъ времени, а потомъ ужъ откровенно заявляя, что книги не для „насъ“, деревенскихъ людей, что это дѣло барское, а „намъ надо дѣло дѣлать“.

— А можетъ быть онъ и правъ, можетъ у него въ самомъ дѣлѣ не хватаетъ времени для чтенія?—спросилъ я.

— Какое вамъ, возразила Над. Петр., а длинные зимніе вечера, а праздничные дни. По праздникамъ я не разъ заходила къ Василію Ивановичу, всегда заставала у него старшину Зоценка и большую компанію казаковъ. И что же я видѣла:—шумъ, гвалтъ, красныя потныя лица и на столѣ неизмѣнный штофъ съ противной „горилкой“.

— Вотъ тутъ то они съ Зоценкой и обдѣлываютъ какое-нибудь общественное дѣло, замѣтилъ Ник. Ник.

— Смотрите, не свои-ли они личныя дѣлишки обдѣлываютъ, а не общественныя? Зоценко я мало знаю и онъ съ виду кажется скромнымъ человѣкомъ, а Кононенко—это, какъ хотите, будущій вересаевскій богатѣй и кулакъ.

— Ну, ужъ и богатѣй, да съ чего это онъ разбогатѣетъ,—не съ учительскаго-ли жалованія 200 руб. въ годъ?—сказалъ Ник. Ник.

— Ужъ не знаю съ чего, а только вижу, что у Василія Ивановича и теперь уже три коровы, пара быковъ, лошадь, а вторую пару быковъ онъ мечтаетъ скоро купить. Кромѣ того, онъ держитъ работника и работницу, жена перестала носить деревенскія плахты и запаски, а наряжается въ ситцевыя платья, а дѣти по праздникамъ одѣваются въ городскія платья.

Долго еще тянулся споръ о Кононенкѣ. Какъ ригористка чистой воды, Надежда Петровна не прощала Кононенкѣ его стремленіи къ достиженію собственнаго благополучія. Со сверкающимъ взоромъ и раскраснѣвшимся лицомъ передавала она мельчайшія подробности изъ жизни своего воображаемаго врага.

На все это Ник. Ник. возражалъ своей спокойной медленной рѣчью и говорилъ, что въ Кононенкѣ онъ не ищетъ подвижника, апостола правды и добра, но находитъ въ немъ умнаго человѣка, очень почетнаго и вліятельнаго члена вересаевскаго общества.

Было уже далеко за полночь, когда Надежда Петровна собралась уходить домой. Ник. Ник. предлагалъ подвезти ее на лошадяхъ, отъ чего она рѣшительно отказалась, какъ и отъ моего предложенія проводить ее до дому пѣшкомъ. Намъ едва удалось уговорить ее взять съ собою фонарь.

Послѣ ухода Надежды Петровны мы долго о ней говорили. Мнѣ рѣшительно нравилась въ ней ея порывистость и одушевленіе, безъ чего мнѣ казался невозможнымъ такой рѣзкій переходъ отъ прежней помѣщичьей жизни къ теперешней, полной лишеній и труда. Чѣмъ только все это кончится?—Я невольно задумался надъ ея худобой и неестественнымъ румянцемъ, очень часто вспыхивавшемъ на щекахъ. Ник. Ник. это давно замѣтилъ и какъ-то разъ говорилъ съ ней о ея нездоровомъ видѣ, совѣтуя беречься и щадить здоровье, но она на это отвѣчала съ молодымъ задоромъ и легкомысліемъ: „лучше ранняя смерть за честной работой, чѣмъ тунеядство и вѣчная забота о своемъ тѣлѣ".

Дня черезъ два Ник. Ник. выѣхалъ изъ Вересаевки, а я перешелъ на свою новую квартиру. Нѣсколько часовъ мы съ фельдшеромъ возились съ установкой лѣкарствъ. Многое не вмѣщалось въ шкафу; большія бутылки съ лѣкарствами ставили на полу. Комната оказалась загроможденной лѣкарствами и превратилась въ аптеку; оставалось только немного мѣста для моей кровати.

Съ слѣдующаго дня начались пріемы амбулаторныхъ уже въ собственной квартирѣ. Больные приходили безпорядочно впродолженіе всего дня; довольно часто приглашали къ больнымъ на домъ. Фельдшеръ являлся ко мнѣ ежедневно и, проработавъ часа 2—3, уходилъ къ себѣ домой, а остальную часть дня мы принимали у себя больныхъ, каждый отдѣльно. Мои больные, главный контингентъ которыхъ вначалѣ почти исключительно состоялъ изъ прихожанъ о. Григорія, приходили къ нему на кухню. Большинство больныхъ я тамъ же и осматривалъ, отбирая только требовавшихъ болѣе спеціальнаго осмотра, которыхъ я осматривалъ въ своей комнатѣ. Въ началѣ, когда амбулаторныхъ бывало еще немного, можно было кое-какъ справляться съ ними въ кухнѣ, но потомъ, когда меня больше узнавали въ Вересаевкѣ и больныхъ прибывало съ каждымъ днемъ, положеніе мое становилось очень критическимъ, по крайней мѣрѣ, до наступленія теплыхъ дней, когда больные могли ожидать на дворѣ.

Такъ прошло нѣсколько дней. Съ возвращеніемъ Николая Николаевича лошади для разъѣздовъ по участку были наняты все у той же благодѣтельницы, его хозяйки, Маріи Романовны и я теперь съ ея мужемъ, Андреемъ Петровичемъ, могъ выѣзжать въ участокъ. Я началъ съ Вересаевской волости. Всѣхъ селеній въ этой волости, кромѣ самой Вересаевки, было 4 и расположены они верстахъ въ 5—6 отъ послѣдней. Селенія были большія, не менѣе 200 дворовъ, и въ каждомъ изъ нихъ церковь. По пріѣздѣ въ село, останавливались въ *„сборной избѣ"*, вызывали старосту, а тотъ разсылалъ по деревнѣ десятскихъ объявить о пріѣздѣ доктора и фельдшера. Слово „докторъ" было мало извѣстно населенію и легко забывалось десятскими. Насъ, врачей, здѣсь чаще называли *„старшій фершалъ"* (фельдшеръ).

Медленно собирались больные; я ихъ здѣсь же въ „сборнѣ" осматривалъ, перевязывалъ раны и язвы, если таковыя имѣлись, и снабжалъ лекарствами, а къ труднымъ больнымъ ходилъ на домъ. Завязывалось знакомство со священниками, въ большинствѣ случаевъ единственными культурными людьми въ деревнѣ, такъ какъ школы и учителя въ то время были большой рѣдкостью. Объѣхавъ такимъ образомъ всѣ селенія Вересаевской волости, я рѣшилъ до объѣзда слѣдующей волости прожить нѣсколько дней въ Вересаевкѣ, чтобы укрѣпить свою постоянную домашнюю амбулаторію.

Въ концѣ января погода измѣнилась: выпалъ снѣгъ и установились небольшіе морозы. Мнѣ надо было еще объѣхать двѣ волости—Дремайловскую и Дроздовскую. На этотъ объѣздъ захватилъ съ собой большой запасъ лѣкарствъ. Выѣхали мы на саняхъ. До Дремайловки было всего 12 верстъ и черезъ часъ съ небольшимъ мы уже были тамъ въ волостномъ правленіи. Фельдшеръ Жуковъ жилъ недалеко отъ правленія и я прошелъ къ нему пѣшкомъ. Жуковъ занималъ небольшую хату, гдѣ ютилась вся его семья и тутъ же помѣщалась аптека. У него было много дѣтей, что называется „малъ-мала меньше", хотя онъ самъ выглядѣлъ далеко еще не старымъ человѣкомъ, лѣтъ 40 съ небольшимъ. Высокій ростомъ, худой, съ клочковатой рыжей бородкой и очень подвижнымъ нервнымъ лицомъ, онъ производилъ впечатлѣніе раздражительнаго человѣка, что впослѣдствіи и подтвердилось. Аптека помѣщалась въ одномъ небольшомъ шкафу, порядокъ въ немъ былъ неважный, да и лѣкарствъ было очень мало. На мой вопросъ—почему у него такъ мало лѣкарствъ?—онъ язвительно отвѣтилъ, что „ѣздить въ городъ за лѣкарствами нѣтъ

времени, да на поѣздку нужны и деньги, такъ какъ въ одинъ день не съѣздишь, а въ городѣ надо ѣсть-пить и за ночлегъ заплатить". У фельдшера я оставался недолго и мы съ нимъ пошли по деревнѣ осматривать тяжелыхъ больныхъ, между которыми были также тифозные. Въ правленіе мы уже пришли въ сумерки. Прокоротавъ кое-какъ вечеръ, мы съ Андреемъ Петровичемъ улеглись рано спать, а на другой день, едва забрезжилъ свѣтъ, были уже на ногахъ. Часамъ къ 8-ми пришелъ и Жуковъ и мы отправились въ объѣздъ деревень. По пріѣздѣ въ деревню, мы, въ ожиданіи больныхъ принялись разбирать и устанавливать въ „сборнѣ" на окнахъ, на столѣ и скамьяхъ лѣкарства. Больные долго не являлись. Старый, бывалый фельдшеръ не терялъ времени даромъ, онъ принялся развѣшивать порошки, а я помогалъ ему завертывать въ бумажки. Наконецъ, стали являться больные, по одному, по два. Мнѣ это нравилось болѣе, чѣмъ значительное скопленіе больныхъ въ одно время. Такъ было гораздо удобнѣе осмотрѣть и разспросить каждаго больного, чѣмъ когда они являются человѣкъ 10 и больше разомъ, наполняютъ небольшое помѣщеніе „сборни", толкаются, разговариваютъ. Первые приходящіе больные обращаются за совѣтомъ сначала къ фельдшеру, но когда убѣдятся, что при пріемѣ фельдшеръ играетъ довольно пассивную роль, начинаютъ тормошить врача.

Заболѣванія, по большей части, однообразныя. Преобладаютъ желудочно-кишечные катарры, накожныя болѣзни, да сезонныя простуды: насморкъ, кашель и пр. Довольно часто встрѣчались также хроническія худосочныя язвы, на которыя, въ большинствѣ случаевъ, безплодно изводилась масса лѣкарствъ. Послѣ пріема 2—3 десятковъ больныхъ, небольшое помѣщеніе „сборни" наполнялось дурнымъ испорченнымъ воздухомъ отъ человѣческихъ дыханій, испареній, зловонныхъ язвъ, запаха лѣкарствъ и пр., такъ что непривычному человѣку было нелегко работать въ такомъ помѣщеніи. Первое время меня не мало возмущала посуда, въ которой отпускались больнымъ лѣкарства: каламарчики (пузырьки), плянки, (бутылки побольше) до нельзя грязныя, воняя скипидаромъ, дегтемъ, постнымъ масломъ и проч. и не отмыть ихъ, что называется, въ 7 водахъ. Извольте влить въ такую посуду какихъ нибудь глазныхъ капель:—тутъ же, на вашихъ глазахъ, свѣтлыя капли получаютъ совсѣмъ иную окраску! По окончаніи амбулаторныхъ надо идти къ тяжелымъ больнымъ по избамъ. Избы въ Н-скомъ уѣздѣ, по большей части, деревянныя, хотя мѣстность

здѣсь больше степная, чѣмъ лѣсная. Полы въ избахъ земляные, мазаны глиной; окна маленькія и ихъ немного. Больные лежатъ на деревянныхъ нарахъ съ рѣшеткой внизу, за которой помѣщаются гуси, утки, поросята. Часто въ хатѣ расхаживалъ и мычалъ маленькій теленокъ, а весной блеяли ягнята. Чистоту воздуха въ такой избѣ легко себѣ представить, равно какъ и гигіеническія условія для лѣченія тяжелыхъ заболѣваній! Проходивъ часа 1½—2 по избамъ и осмотрѣвъ тяжелыхъ больныхъ, снова возвращались въ „сборню", гдѣ оказывались еще десятка 1½—2 недавно пришедшихъ амбулаторныхъ. Къ полудню мы закончили пріемъ больныхъ, новые больные не являлись и мы стали собираться въ дорогу. До слѣдующей деревни было не больше 3—4 верстъ. Здѣсь началась та же процедура съ больными, которая была и въ предыдущей деревнѣ и все закончилось уже въ сумерки, когда нельзя было и думать о пріемѣ больныхъ въ другихъ деревняхъ, которыхъ оставалось еще три въ Дремайловской волости. Я рѣшилъ заночевать здѣсь, въ „сборнѣ", чтобы завтра съ утра продолжать объѣздъ остальныхъ деревень. Но Жуковъ объявилъ, что здѣсь ночевать не останется и уѣдетъ домой, такъ какъ у него боленъ ребенокъ. Я сказалъ ему, чтобы онъ завтра, если ребенку не будетъ лучше, не пріѣзжалъ ко мнѣ. Я самъ какъ-нибудь справлюсь.

Ночлегъ въ «сборнѣ» оказался не изъ удачныхъ. Хозяйка сильно натопила избу и мы, боясь угара, должны были открыть трубу. Я почти не спалъ всю ночь и, не дождавшись разсвѣта, разбудилъ Андрея Петровича, чтобы собираться въ дорогу. Чаю не пришлось напиться, такъ какъ во всей деревнѣ не было самовара. Мы пріѣхали въ слѣдующую деревню, когда едва стало разсвѣтать. Въ ожиданіи больныхъ я теперь одинъ принялся за приготовленіе къ пріему и вдругъ изъ-за рѣшетки подъ нарами, куда обыкновенно запираютъ куръ, гусей и пр., послышался человѣческій кашель. Я взглянулъ въ ту сторону, но въ избѣ было такъ темно, что за рѣшеткой ничего не было видно. Прошло нѣсколько минутъ и кашель снова повторился. Въ избѣ никого не было, кромѣ хозяйки дома. Я спросилъ ее кто тамъ кашляетъ?

— Та це, бачите, чоловика тутъ одного, Іосыномъ прозываютъ, староста посадывъ—отвѣтила она мнѣ.

— Якъ же такъ, за віпщо-жъ вінъ его тутъ посадывъ? спрашиваю ее.

— Та, бачите, Іосынъ не платыть якихсь тамъ грошей, подати, чи шо?—равнодушно отвѣчаетъ хозяйка. Меня такъ это поразило, что я рѣшилъ зажечь спичку и посмотрѣть на страннаго узника. Подъ нарами, растянувшись во весь ростъ, лежалъ положивъ голову на руки, рослый мужчина, лѣтъ около 40, одѣтый въ старую дырявую свитку, и добродушно поглядывалъ на меня. Я сталъ разспрашивать, за что и какъ онъ сюда попалъ? Онъ довольно равнодушно разсказалъ мнѣ, что за нимъ числится недоимка, что часть ея онъ уплатилъ осенью, а другую обѣщалъ заплатить къ Рождеству, но у него въ эту зиму пала корова и надо было занять денегъ на покупку другой, такъ какъ у него 6 малыхъ ребятишекъ, а заработать деньги негдѣ. Ходилъ къ панамъ молотить хлѣбъ, тамъ за это платятъ 10—15 коп. въ день, съ чего тутъ собрать деньги на уплату долговъ? Вотъ и пришлось отсиживаться тутъ за рѣшеткой.

Въ „сборню" начали приходить больные, но я, возмущенный до глубины души видѣнной сценой, не могъ ихъ принимать и послалъ за старостой. Нѣкоторые изъ приходившихъ больныхъ благодушно бесѣдовали съ Іосыномъ и даже присаживались около рѣшетки на корточкахъ. Ни въ комъ не видно было ни тѣни возмущенія такой унизительной расправой съ человѣкомъ только за то, что онъ былъ бѣднѣе другихъ.

Приходитъ староста и я прошу его хоть на сегодня освободить Іосына и дать мнѣ спокойно принять больныхъ. Староста, немного замявшись, сказалъ:

— Хиба вже для васъ—нехай иде до дому, а то зъ нымъ ладу ніякого нема: четвертый рікъ недоимка, а ему и байдуже.

Староста поднялъ рѣшетку и оттуда вылѣзъ Іосынъ, весь изгаженный. Онъ виновато глядѣлъ на старосту, а тотъ ругалъ его «лодыремъ», прибавляя, что за такихъ онъ долженъ отвѣчать передъ «высшимъ начальствомъ». Такъ, ворча и поругиваясь, староста вышелъ вмѣстѣ съ виновнымъ изъ хаты. Вся эта сцена на вѣки запечатлѣлась въ моей памяти.

Хотя мнѣ и трудно было принимать больныхъ одному, безъ фельдшера, но, благодаря заготовленнымъ Жуковымъ порошкамъ и нѣкоторымъ мазямъ, я все же довольно успѣшно подвигался и хоть поздно ночью попалъ въ Дроздовское волостное правленіе, гдѣ мы устроились на ночлегъ нѣсколько удобнѣе, чѣмъ предыдущую ночь въ «сборнѣ».

Рано утромъ, когда мы еще пили чай, въ правленіе вошелъ сѣдой старикъ, съ бритой бородой и подстриженными усами, одѣтый въ старое пальто. Онъ подошелъ ко мнѣ и отрекомендовался ломанымъ русскимъ языкомъ, съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, какъ земскій фельдшеръ Сѣножерскій. Я просилъ его выпить съ нами чаю. Изъ разговоровъ узнаю, что онъ уже 4 года живетъ въ Дроздовкѣ, что сегодня зашелъ рано въ правленіе взять себѣ подводу для поѣздки куда-то къ больному и узналъ о моемъ пріѣздѣ. Оказалось, что здѣсь же, въ правленіи, имѣется отдѣльная комната, въ которой стоитъ его аптечный шкафъ и гдѣ онъ принимаетъ больныхъ. Фельдшеръ сказалъ мнѣ также, что недалеко отъ той деревни, куда онъ теперь ѣдетъ, въ двухъ другихъ деревняхъ, свирѣпствуетъ эпидемія скарлатины и много отъ нея умираетъ дѣтей. Я предложилъ фельдшеру ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ скарлатинознымъ больнымъ. Но прежде надо было осмотрѣть фельдшерскую аптеку. Аптечная и вмѣстѣ пріемная комната была довольно просторная и свѣтлая и существовала она еще въ доземскія времена, когда здѣсь жилъ фельдшеръ отъ министерства государственныхъ имуществъ. Въ комнатѣ стоялъ длинный столъ, 2—3 табурета, скамья и большой аптечный шкафъ. Все содержалось въ порядкѣ; лѣкарствъ было маловато, но фельдшеръ на это не жаловался, говоря: «гдѣ же всего взять? —вѣдь 40 верстъ до города! Нашимъ деревенскимъ старикамъ и этого кажется слишкомъ много, такъ какъ у казенныхъ фельдшеровъ министерства государственныхъ имуществъ въ шкафу, кромѣ травъ, ничего не было.»

Фельдшерскихъ хирургическихъ инструментовъ у Сѣножерскаго не было вовсе.

Эпидемію скарлатины мнѣ приходилось наблюдать въ первый разъ. Это была тяжелая форма скарлатины и число заболѣвшихъ было очень велико. Тутъ были тяжкія мозговыя формы, почти сразу обреченныя нами на смерть и осложненія со стороны почекъ съ водянками, нарывы гнойныхъ желѣзъ и нѣсколько случаевъ заушницы.

Мнѣ пришлось вскрыть нѣсколько громадныхъ нарывовъ. Въ тѣ доантисептическія времена дѣлалось это иначе, чѣмъ теперь: ни карболки, ни іодоформа, ни сулемы, ни дренажей тогда не употребляли. Въ отверстіе вскрытаго нарыва вставлялась турунта, т. е. небольшой жгутикъ изъ корпіи, смазанный деревяннымъ масломъ, поверхъ этого клали чистую холщевую тряпку, также

корпію, а поверхъ всего, за недостаткомъ ваты, комокъ шерсти (вовны) или пряжи и все завязывалось холщевымъ бинтомъ. Объ изоляціи скарлатинныхъ въ тѣ времена не заботились, такъ что здоровыя дѣти часто спали въ повалку съ больными.

Къ вечеру мы добрались до д. Смолянки, гдѣ осмотръ больныхъ скарлатиной окончили, когда на дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло. Я уже думалъ было заночевать въ «сборнѣ», но, узнавъ отъ фельдшера, что здѣсь живетъ помѣщица М. съ двумя молодыми дочерьми и племянникомъ, агрономомъ, недавно окончившимъ курсъ Петровско- Разумовской академіи, я рѣшилъ переодѣться и идти къ нимъ, провести вечеръ. Я засталъ ихъ всѣхъ за чаемъ въ столовой, куда и меня пригласили. Хозяйкѣ дома Ольгѣ Михайловнѣ М. было лѣтъ за 60, но она была еще бодрая и хорошо сохранившаяся старуха. Двѣ дочери ея—старшая Марія Павловна, лѣтъ 27, высокая, довольно полная брюнетка, была хотя и не дурна собой, но значительно уступала въ красотѣ своей младшей сестрѣ. Вѣрѣ Павловнѣ, которой было около 20 лѣтъ. Свѣжее румяное лицо младшей сестры, большія изсиня-голубые глаза невольно останавливали на ней вниманіе. Молодой агрономъ—Илья Григорьевичъ Ш., высокій стройный брюнетъ лѣтъ около 26-ти, съ небольшой темной бородкой, былъ земле, владѣльцемъ К—ской губерніи, гдѣ хозяйничалъ въ имѣніи его отецъ. Ш. 2 года назадъ окончилъ курсъ въ Петровско-Разумовской академіи, но у себя дома не могъ приложить къ дѣлу свои познанія, такъ какъ старикъ-отецъ хозяйничалъ «по старинѣ» и не хотѣлъ допускать въ этомъ дѣлѣ никакихъ новшествъ. Его тетка оказалась податливѣе отца въ этомъ отношеніи и вотъ причина—почему онъ, пріѣхавши въ Смоленку погостить на короткое время, остался здѣсь надолго, устраивая хозяйство Ольги Михайловны. Все это я узналъ отъ Ш. впослѣдствіи. Теперь-же, за чаемъ, разговоръ касался больше моей личности. Надо было сразу удовлетворить на этотъ счетъ захолустное любопытство и отвѣчать на вопросы: откуда пріѣхалъ, гдѣ родился, воспитывался и проч. Послѣ чаю всѣ вышли въ залу, гдѣ стоялъ новый рояль, на которомъ Вѣра Павловна сыграла нѣсколько недурныхъ вещицъ, но мы съ Ш., увлекшись разговоромъ, ушли въ маленькую гостиную.

Ш. разсказывалъ мнѣ о своей студенческой жизни, о новыхъ порядкахъ въ Петровско-Разумовской академіи послѣ извѣстнаго нечаевскаго дѣла, познакомилъ меня съ общимъ порядкомъ и хо-

домъ практическихъ занятіи по сельскому хозяйству. Въ этомъ дѣлѣ я, рѣшительный профанъ, разспрашивалъ и слушалъ Ш. съ большимъ интересомъ.

Наконецъ насъ позвали къ ужину. Ужинъ прошелъ довольно вяло, а послѣ него мы всѣ, кромѣ старухи, перешли снова въ гостиную. Теперь завязалась общая молодая бесѣда съ шутками, смѣхомъ и пр. Барышни жаловались на скуку деревенскую и говорили, что только съ пріѣздомъ брата жизнь сдѣлалась сноснѣе. Ш. выписывалъ «Отечественныя Записки» и газеты. Часто по вечерамъ кто-нибудь читалъ вслухъ. Днемъ, въ свободное время, Ш. катался съ ними на своемъ рысакѣ, котораго ему привели изъ имѣнія отца. Лѣтомъ Ш. бывалъ очень занятъ по хозяйству, но все же и лѣтомъ, по праздникамъ, они ѣздили въ лѣсъ, катались на лодкѣ и пр. Словомъ, не было никакого сомнѣнія въ томъ, что Ш. внесъ оживленіе въ монотонную жизнь, мирно прозябавшей въ захолустной деревушкѣ семьи М. Для меня встрѣча съ нимъ была также интересна по многимъ причинамъ, изъ которыхъ главная заключалась въ томъ, что въ каждомъ изъ насъ въ значительной мѣрѣ сидѣлъ еще студентъ, мало знакомый съ практической жизнью и склонный къ теоретическимъ разговорамъ.

Въ комнатѣ Ш., куда мы съ нимъ ушли спать, мы заговорили о земствѣ, которому онъ въ принципѣ сочувствовалъ, но о дѣятельности котораго зналъ еще меньше меня. Его тетка, какъ и всѣ стародавніе помѣщики, терпѣть не могла ни земства, ни мировыхъ судовъ, гдѣ ей приходилось вести дѣла съ крестьянами, но Ш. бывалъ въ камерѣ судьи въ качествѣ повѣреннаго своей тетушки и относился къ этому совсѣмъ иначе. Будучи по взглядамъ своимъ демократомъ, онъ не могъ не сочувствовать земству въ его заботахъ о меньшемъ братѣ, не могъ также не понимать и того, что скорый и упрощенный мировой судъ, водворяя даже въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ къ судящимся для всѣхъ равную справедливость, долженъ сослужить серьезную службу обществу, недавно сбросившему съ себя ярмо крѣпостничества. Въ теченіе года Ш. былъ раза два въ Вересаевкѣ, въ камерѣ судьи. Ему очень понравился Ник. Ник., какъ судья, но ближе познакомиться съ нимъ Ш. до сихъ поръ не успѣлъ.

На другой день мы встали довольно рано и пили чай со старухой М. Барышни еще спали. Прощаясь со мной, Ольга Михай-

ловна и Ш. просили заѣзжать къ нимъ, а я, съ своей стороны просилъ Ш. побывать у меня, обѣщая познакомить его съ Ник. Ник.

Въ Дроздовкѣ я пробылъ недолго: познакомился съ мѣстнымъ священникомъ и побывалъ у фельдшера. Онъ занималъ небольшую квартиру, но жена его, опрятная старушка-полька, смѣшно коверкавшая русскія слова, содержала квартиру въ большой чистотѣ и порядкѣ. Никакой прислуги у нея не было, она сама возилась у печи и угостила насъ очень вкуснымъ завтракомъ. Намъ надо было побывать еще въ 2-хъ деревняхъ Дроздовской вол., гдѣ было также очень много разнообразныхъ заболѣваній.

Сегодня пришлось снова ночевать въ волостномъ правленіи, а на другой день мы рано напились чаю и выѣхали домой въ Вересаевку.

III.

Николай Николаевичъ на дняхъ вернулся въ Вересаевку и теперь у него гостила его сестра, монахиня Серафима. О. Григорій разсказалъ мнѣ, что Вѣра Николаевна М. поступила въ монастырь вскорѣ послѣ окончанія института, по семейнымъ обстоятельствамъ. Отецъ ея рано овдовѣлъ, когда Вѣра Николаевна была еще маленькой дѣвочкой. Онъ велъ нетрезвую и развратную жизнь, былъ крутого деспотическаго нрава и дочь вынуждена была его оставить. Ник. Ник. въ это время жилъ въ Петербургѣ. Никого другого изъ близкихъ родныхъ у дѣвушки не было, а въ монастырѣ настоятельницей была добрая, образованная женщина, которая и пріютила ее у себя. Вѣрѣ Николаевнѣ полюбилась тихая монастырская жизнь и она рѣшилась постричься въ монахини. Узнавъ объ этомъ, Ник. Ник. нарочно пріѣзжалъ въ Н., долго уговаривалъ сестру ѣхать къ нему въ Петербургъ, но просьбы и мольбы любимаго брата были уже недѣйствительны. Признаюсь, узнавъ все это, я не безъ робости отправился къ Ник. Ник., хотя мнѣ очень хотѣлось подѣлиться съ нимъ многимъ изъ своей поѣздки по участку.

Сестра Ник. Ник. походила на него, хотя была значительно моложе брата и красивѣе его.

За обѣдомъ я передавалъ Ник. Ник. разныя подробности изъ моего путешествія, которыя, видимо, заинтересовали его сестру и она часто предлагала мнѣ вопросы. Къ концу обѣда серьезное лицо

монахини оживилось; съ него почти не сходила улыбка, что очень радовало Ник. Ник. и онъ ей высказалъ это, предлагая чаще пріѣзжать къ нему въ Вересаевку.

У себя дома я нашелъ на столѣ бумагу отъ земской управы, которой меня приглашали на 15 февраля въ городъ для обсужденія вопроса о лѣкарствахъ. Я недоумѣвалъ, въ чемъ тутъ дѣло, такъ какъ въ управѣ раньше ничего объ этомъ не говорили и я спросилъ Ник. Ник. не слыхалъ ли онъ чего объ этомъ?

Оказалось, что земство задумало устроить въ Н. свою аптеку съ вольной продажей лѣкарствъ и поручило управѣ детально разработать вопросъ. Управѣ прежде всего надо было знать, на какую сумму будетъ производиться безплатная выдача лѣкарствъ по земскимъ медицинскимъ участкамъ, такъ какъ до сихъ поръ въ смѣту вносилась ничтожная цифра на лѣкарства и перерасходъ покрывался изъ остаточныхъ суммъ.

14-го февраля вечеромъ я пріѣхалъ въ Н. и тотчасъ же отправился къ Савелію Григорьевичу. Отъ него я узналъ, что инициатива созыва земскихъ врачей для совѣщанія съ управой по вопросу о лѣкарствахъ принадлежитъ ему, что его очень соблазняетъ мысль о періодическихъ созывахъ врачей для совѣщаній по разнаго рода земско-медицинскимъ вопросамъ, какъ это теперь уже дѣлается въ Вятскомъ и Пермскомъ земствахъ. Онъ показалъ мнѣ недавно полученные протоколы такихъ совѣщаній въ Вятскомъ земствѣ. Наше совѣщаніе назначено на завтра въ 11 ч. утра. Въ немъ примутъ участіе, кромѣ управы и насъ—участковыхъ врачей, кое кто изъ врачей, живущихъ въ городѣ; изъ нихъ въ вопросѣ о лѣкарствахъ для сельскаго населенія наиболѣе компетентнымъ будетъ отставной врачъ минис. госуд. имущ., д-ръ Рославевскій, завѣдывавшій въ теченіе многихъ лѣтъ сельской медициной для казенныхъ крестьянъ всей Ч-ской губерніи.

На другой день, придя въ управу, я засталъ уже тамъ Виктора Аполлоновича, молодого Юленьева и какого-то незнакомаго господина, о которомъ мнѣ сказали, что это—извѣстный земецъ, бывшій предсѣдатель губернской управы—Тычининъ. Изъ врачей здѣсь были: наши участковые—С-кій и С-вичъ; городскіе врачи пришли нѣсколько позже. Между ними, кромѣ Рославевскаго и стараго нашего знакомаго по холерѣ д-ра Калинискаго, былъ еще молодой военный врачъ Л-вичъ. Въ предсѣдатели совѣщанія единогласно избрали д-ра Рославевскаго. Онъ сначала отказывался, ссылаясь на глухоту и старость, потомъ согласился. Когда зашла рѣчь о

затратахъ въ нашемъ уѣздѣ на лѣкарства, д-ръ Рослапевскій пришелъ въ ужасъ, до того ему показалась громадной цифра, около 2-хъ тысячъ, затраченныхъ въ прошломъ году на этотъ предметъ.

— Помилуйте, вѣдь это ужасно!—сказалъ онъ,—вѣдь я на всю губернію тратилъ не болѣе 80 руб. въ годъ.

Мы, въ свою очередь, были изумлены такимъ микроскопическимъ расходомъ и спросили его, какъ и чѣмъ онъ умудрялся лѣчить на 80 р. всю губернію.

Онъ разсказалъ намъ слѣдующее: казенныхъ крестьянъ лѣчили почти исключительно фельдшера, которымъ отводились участки земли для разведенія лѣкарственныхъ растеній: ромашки, мяты, трилистника, золототысячника и пр.; пластыри приготовлялись также фельдшерами и обходились очень дешево. Кое-что посылалось имъ и изъ губерніи.

Слова Рослапевскаго и его ужасъ передъ большими затратами земства на лѣкарства не остались безъ вліянія на земцевъ и даже такихъ, какъ Викторъ Аполлоновичъ и молодой Юленьевъ, а въ результатъ нашего совѣщанія, можетъ быть благодаря этому, было уменьшеніе смѣты на лѣкарства до 2-хъ тысячъ въ годъ на весь уѣздъ, тогда какъ раньше эта же сумма тратилась на два медицинскихъ участка. Въ связи съ лѣкарствами, неизбѣжно возникъ вопросъ о помѣщеніи для нихъ въ деревняхъ. Я и мои товарищи, земскіе врачи, говорили, что аптеки, по большей части, помѣщаются въ квартирахъ врачей и фельдшеровъ, причемъ послѣдніе очень часто люди семейные, не получая квартирныхъ денегъ отъ земства, занимаютъ небольшія квартиры - обыкновенно крестьянскія избы. Мы настаивали на необходимости пріискать за счетъ земства удобныя помѣщенія для пріема приходящихъ больныхъ и для аптеки. Земцы возражали намъ, что фельдшера живутъ при волостныхъ правленіяхъ, а при послѣднихъ должна быть отдѣльная комната для пріема больныхъ. Оказалось, что такія комнаты имѣются только при 4—5 правленіяхъ. Долго шли разговоры о томъ, во что обошлось бы земству содержаніе пріемныхъ покоевъ и аптекъ и въ концѣ концовъ согласились просить управу представить объ этомъ докладъ будущему земскому собранію. Таковы были результаты нашего перваго совѣщанія въ Н-скомъ земствѣ. Практической стороной дѣла мы, врачи, не были особенно довольны, такъ какъ ассигновка на лѣкарства была очень недостаточна и вопросъ о помѣщеніи для пріема больныхъ и аптекъ оставался открытымъ. Но мысль Ковнера объ устройствѣ періодическихъ со-

вѣщаній при управѣ по медицинскимъ дѣламъ всѣмъ намъ, врачамъ, очень нравилась, хотя мы не знали—много ли дѣлъ и вопросовъ будетъ накопляться, чтобы эти совѣщанія могли происходить болѣе или менѣе часто.

Жизнь въ Вересаевкѣ пошла у меня по старому:—по утрамъ къ 8-ми часамъ являлся фельдшеръ, приводя иногда и своихъ больныхъ, когда самъ затруднялся въ діагнозѣ или лѣченіи. У меня къ этому времени также скоплялось уже не мало больныхъ. Начинался пріемъ: отпустимъ однихъ,—приходятъ другіе: затѣмъ надо ѣхать къ кому-нибудь на домъ и это не одинъ разъ въ день. Такимъ образомъ, въ короткій зимній день и не замѣтишь какъ мчится время. Но вотъ наступаетъ длинный зимній вечеръ—пытка для молодого одинокаго человѣка въ деревнѣ, особенно на первыхъ порахъ! Одно спасеніе —книги. Но молодость требуетъ живой рѣчи, живого человѣческаго общества, а гдѣ все это взять въ деревнѣ? Съ 8-ми часовъ вечера деревня погружается въ глубокій сонъ. Деревенская молодежь собирается, правда, въ избранныхъ хатахъ, шумно и весело проводя длинные зимніе вечера, но туда нѣтъ доступа не только пришельцу изъ „панскаго" круга, къ которому деревня легко зачисляетъ всякаго въ сюртукѣ или пиджакѣ, но и мѣстному „панычу", котораго всѣ знаютъ.

Панское общество въ Вересаевкѣ состояло изъ 2-хъ священниковъ, 2—3 мелкихъ землевладѣльцевъ, управляющаго экономіи бывшей графа Кушелево-Безбородко, а нынѣ купца милліонера И., учительницы С., Ник. Ник. и меня. Ближе всѣхъ мнѣ были Ник. Ник. и учительница, въ особенности первый. Мягкій и даже нѣжный по натурѣ и немолодой, Ник. Ник. много испыталъ въ жизни, много выстрадалъ лично и къ этому времени успѣлъ уже выработать ясное и прочное міросозерцаніе. Въ этомъ послѣднемъ деревня хотя и занимала центральное мѣсто, но онъ самъ еще такъ недавно пережилъ крѣпостное прошлое, и въ современной деревнѣ видѣлъ не какіе нибудь мистическіе незыблемые устои, а едва только начинавшуюся свободную жизнь, въ которой только намѣчались вѣхи культуры и гражданственности. Общество Ник. Ник. было для меня всего дороже, такъ какъ отъ него я многому научился и въ пониманіи деревенской жизни и во всемъ, что для меня было неясно въ земскихъ дѣлахъ. Къ сожалѣнію Ник. Ник. часто выѣзжалъ изъ Вересаевки то для разбора дѣла въ участокъ, то по своимъ личнымъ дѣламъ.

Стоялъ конецъ марта и распутица была въ полномъ разгарѣ: на улицахъ лужи и непролазная грязь; ѣздить къ больнымъ можно было только верхомъ. О выѣздѣ изъ Вересаевки нечего было и думать. Ник. Ник. едва дотащился изъ города и привезъ одно извѣстіе, сильно меня взволновавшее.

Въ кругу пріятелей-земцевъ онъ высказалъ желаніе удержать меня какимъ-нибудь образомъ на службѣ въ Н-скомъ земствѣ. Судили-рядили и порѣшили ходатайствовать отъ земской управы передъ М. В. Дѣлъ объ освобожденіи меня отъ обязательной казенной службы, причемъ земство брало на себя уплату всѣхъ денегъ, затраченныхъ казною на мою стипендію. Ходатайство это рѣшено было подкрѣпить письмомъ отъ предсѣдателя нашей управы управляющему придворной медициной д-ру Ц-ну, у котораго было имѣніе въ Н-скомъ уѣздѣ. Я вспомнилъ, что въ той мѣстности, гдѣ живутъ мои родные, есть помѣщикъ М., женатый на дочери Ц-на. Я много разъ встрѣчалъ М. въ домѣ моего большого пріятеля д-ра Р. Рѣшено было написать Р. чтобы тотъ уговорилъ дочь Ц-на просить отца ходатайствовать за меня. Нѣсколько дней меня волновали противоположныя чувства — надежды и отчаянія, но дѣйствительность требовала постояннаго отвлеченія работой и я понемногу успокоился. Наступила Пасха. Дороги стали понемногу высыхать, но меня никуда не вызывали и я сидѣлъ въ Вересаевкѣ. Ник. Ник. уѣхалъ въ городъ. Томило одиночество, на душѣ было не весело, а природа обновлялась и ликовала. На улицахъ толпы одѣтыхъ по праздничному людей; вездѣ слышны звонкія пѣсни молодежи. Особенно людно у деревенскихъ качелей. Все ликуетъ, а я одинокій, для всѣхъ только—„ликарь"—чужой человѣкъ.

Вскорѣ послѣ Пасхи я получилъ бумагу изъ университета о назначеніи меня уѣзднымъ врачемъ въ г. Мезень, Архангельской губ.

Ник. Ник. былъ въ это время дома и совѣтовалъ немедленно ѣхать въ Н., справиться въ управѣ, что тамъ сдѣлано по вопросу о ходатайствѣ за меня земства: поѣздку же въ Мезень можно на мѣсяцъ, другой, отложить, а тамъ что будетъ—то будетъ... Я такъ и сдѣлалъ. При мнѣ было отослано ходатайство въ Мин. Вн. Дѣлъ. Теперь всѣ мнѣ совѣтовали самому ѣхать въ Петербургъ—хлопотать за себя лично. Я написалъ роднымъ въ К., чтобы извѣстили меня о результатахъ переговоровъ д-ра Р. съ дочерью Ц-на.

Прошло больше недѣли до полученія отвѣта отъ родныхъ, извѣщавшихъ меня, что дочь Ц-на охотно согласилась написать обо

мнѣ отцу. Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ, заручившись еще письмомъ отъ председателя управы къ Ц-ну. Поѣздка въ Петербургъ продлилась двѣ недѣли и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: Ц-нъ далъ слово ходатайствовать за меня и сдержалъ свое слово. Я возвратился въ Н. Здѣсь всѣ поздравляли меня съ полнымъ успѣхомъ, хотя фактическое назначенiе Н-скимъ врачемъ послѣдовало нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

Къ концу апрѣля на югѣ уже началось лѣто. Просохли дороги, распустились деревья, запѣли соловьи, словомъ наступила наилучшая пора въ Малороссiи. Въ себѣ лично я ощущалъ бодрость и чувствовалъ успокоенiе отъ тревожившей раньше мысли, что меня не сегодня-завтра оторвутъ отъ земства и попхнутъ куда нибудь на далекiй сѣверъ. Теперь предстояло прочнѣе обосноваться въ земствѣ и выработать себѣ хоть какой-нибудь общiй планъ для земско-медицинской дѣятельности. Повторяю, что на этотъ счетъ въ то время не было никакихъ указанiй со стороны самого земства, да иначе и не могло быть, такъ какъ дѣло это было совершенно новое, и прошлое не давало ему никакого опыта въ этомъ отношенiи. Въ самомъ дѣлѣ, что имѣла деревня въ дѣлѣ подаванiя медицинской помощи въ дореформенное время? Ровно ничего или—одинъ врачъ на губернiю, да два-три фельдшера на уѣздъ, какъ пояснилъ намъ бывшiй врачъ государств. имуществъ д-ръ Росланевскiй; но и эта благодать была только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жило много государственныхъ крестьянъ. Крѣпостная деревня и этого не знала. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда тамъ бывали убiйства или, вообще, случаи насильственной смерти,—она видѣла уѣзднаго врача. Но этотъ послѣднiй внушалъ деревенскому люду только одинъ страхъ и отвращенiе, такъ какъ имѣлъ дѣло съ мертвыми тѣлами. Къ кому же было обращаться за медицинской помощью? Ѣхать въ городъ, гдѣ жили врачи? Да крестьяне и теперь всячески избѣгаютъ городъ, чуждый имъ по образу жизни и понятiямъ и являются туда только для рынка да по вызову начальства. Оставалось пользоваться своей доморощенной медициной и такая медицина существовала въ деревнѣ съ незапамятныхъ временъ въ видѣ знахарей и знахарокъ. Я не стану распространяться о томъ, какъ лѣчили знахари и знахарки. Невѣжество и подчасъ жестокiе прiемы этихъ лѣчителей давно уже всѣмъ хорошо извѣстны.

Такимъ образомъ земству предстояло разрѣшить весьма нелегкiй вопросъ о томъ, какъ организовать медицинскую помощь, чтобы

она сдѣлалась доступной всему населенію? Вся трудность разрѣшенія этого вопроса, какъ тогда, такъ и теперь, заключается, помимо всего прочаго, въ недостаточности средствъ на болѣе или менѣе широкую постановку дѣла. Земство, которое недруги обвиняютъ въ расточительности, всегда отличалось крайней сдержанностью, чтобы не сказать скупостью, въ ассигновкѣ средствъ. Денегъ на медицинскую часть требовалось не мало. Чтобы привлечь темное, невѣжественное населеніе къ медицинѣ, нужны были образованные и гуманные врачи и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше, нужны были и помощники-фельдшера, нужны лѣкарства, а все это обходилось не дешево. Нельзя винить земство за то, что оно, не узнавъ дѣла, не рѣшалось затрачивать сразу большія денежныя средства на медицинскую часть. Присматриваясь за эти три мѣсяца къ деревенской жизни, я не видѣлъ собственно того отчужденія крестьянъ отъ медицины, о которомъ говорили раньше врачи ся. Больные приходили ежедневно ко мнѣ, звали на домъ и, вообще, лѣчились какъ у меня, такъ и у фельдшера.

Первый случай, когда я встрѣтился съ дѣйствіями одного деревенскаго знахаря, произошелъ въ маѣ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Одна молодая дѣвушка была засыпана на работѣ обваломъ глины. Къ счастью, вблизи работали люди, быстро откопавшіе несчастную, не давъ ей задохнуться. Обваломъ глины у нея была сломана нога. Происшествіе это стало скоро извѣстнымъ въ селѣ, и я ждалъ, что меня позовутъ къ пострадавшей. Прошло нѣсколько дней, меня не звали; фельдшеръ увѣрялъ, что насъ и не позовутъ къ больнымъ, потому что въ Вересаевкѣ живетъ извѣстный всему уѣзду костоправъ Стацько, къ которому крестьяне и обращаются во всѣхъ случаяхъ переломовъ и вывиховъ. Однакоже, спустя недѣли двѣ, меня таки позвали къ пострадавшей дѣвушкѣ. У нея теперь распухла и почернѣла вся правая стопа, причемъ правая голень была задѣлана въ лубки, туго связанные веревкой. Я осторожно развязалъ ногу и убѣдился, что сломаны обѣ кости голени. Переломъ простой, кости правильно сложены и между ними уже образовалась спайка, пока еще мягкая, не окостенѣвшая. Опухоль стопы и поверхностная гангрена кожи, ее покрывавшей, очевидно произошли отъ того, что слишкомъ тугой, а главное неправильной перевязкой ноги, былъ задержанъ оттокъ венозной крови снизу вверхъ. Мнѣ очень хотѣлось видѣть костоправа и поговорить съ нимъ насчетъ перевязки ноги. Я послалъ за нимъ, но костоправъ не пришелъ, отговариваясь какой-то не-

отложной работой. Очевидно, ему не хотѣлось встрѣчаться со мной. Перевязавъ больную по своему, я сталъ посѣщать ее ежедневно. Опухоль стала быстро проходить, гангрена кожи ограничилась очень поверхностнымъ слоемъ и больная черезъ нѣсколько недѣль совершенно поправилась. Съ костоправомъ, Стыцькомъ, мнѣ много времени спустя пришлось встрѣтиться на улицѣ. Я шелъ съ о. Григоріемъ, прихожаниномъ котораго былъ Стыцько. О. Григорій указалъ мнѣ его издали. Это былъ средняго роста, коренастый человѣкъ, лѣтъ 45. Встрѣтившись съ нами, онъ подошелъ къ о. Григорію подъ благословеніе, послѣ чего я заговорилъ съ нимъ о нашей общей больной, похвалилъ его умѣнье складывать кости и просилъ зайти когда нибудь ко мнѣ—поговорить о костоправскомъ дѣлѣ. Онъ смотрѣлъ на меня изподлобья и видно было, что не будь здѣсь священника, онъ не сталъ бы со мной разговаривать. Само собою разумѣется, что Стыцько ни разу ко мнѣ не являлся.

Костоправовъ нельзя назвать въ собственномъ смыслѣ знахарями, такъ какъ они дѣйствуютъ тѣми-же способами, что и врачи, т. е. при вывихахъ—вытяженіемъ вывихнутой руки или ноги, при переломахъ— тщательнымъ выравниваніемъ и складываніемъ обломковъ костей, а затѣмъ наложеніемъ неподвижной повязки, преимущественно изъ лубка. Правда, производя всѣ эти манипуляціи, костоправы что-то еще нашептываютъ, но мнѣ кажется, что это дѣлается больше для утѣшенія деревенской публики, увѣренной, что безъ нашептыванія какихъ-нибудь, часто совершенно безсвязныхъ словъ, никакое знахарское дѣло не можетъ обойтись. Пережитокъ вѣры въ искусство костоправовъ сохранился до нашихъ дней даже среди интеллигенціи. Такъ, въ 1893 г. въ Кобелякскомъ земствѣ, Полтавской губ., въ смѣту расходовъ на медицинскую часть было внесено на жалованье костоправу, кажется, 60 р. въ годъ и вопросъ объ этомъ обсуждался на земскомъ собраніи. Сколько мнѣ помнится, вопросъ рѣшили въ утвердительномъ смыслѣ, не смотря на то, что въ уѣздѣ жило 4 земскихъ врача, а въ городѣ имѣлась земская больница, въ которой производилось много крупныхъ хирургическихъ операцій.

Во время моихъ объѣздовъ по участку, неоднократно приходилось выслушивать жалобы на участковыхъ фельдшеровъ, что послѣдніе рѣдко выѣзжаютъ въ свои участки и жалобы эти были не всегда несправедливыми. Переговоривъ объ этомъ съ фельдшерами, я нашелъ возможнымъ, чтобы каждый изъ нихъ выѣз-

жалъ въ отдѣльныя села своего участка по одному разу въ недѣлю и *непремѣнно* въ опредѣленный день, о которомъ населеніе должно быть заранѣе извѣщено.

Составивъ вмѣстѣ съ фельдшерами росписаніе ихъ выѣздовъ, а затѣмъ, переговоривъ лично со всѣми священниками, прося ихъ оповѣстить своихъ прихожанъ, я рѣшилъ, во время своихъ объѣздовъ участка, дѣлать ревизіи фельдшерской дѣятельности, не предупреждая о томъ фельдшеровъ и строго держался этого рѣшенія во время моей службы въ Вересаевскомъ участкѣ. Такимъ образомъ, теперь явилась хоть какая-нибудь планомѣрность въ дѣятельности участковаго медицинскаго персонала. Правда, дальнѣйшее развитіе земско-медицинскаго дѣла показало непригодность частыхъ разъѣздовъ медицинскаго персонала и намъ пришлось перейти къ такъ называемой стаціонарной системѣ медицинской помощи, тѣмъ не менѣе, въ самомъ началѣ, при введеніи медицины въ деревнѣ, разъѣздная система была необходима и я рѣшительно утверждаю, что въ исторіи развитія земской медицины разъѣздная система играетъ свою положительную роль. Я уже говорилъ выше, что до земства деревня не знала ни медиковъ, ни лѣкарствъ, исключая тѣхъ немногихъ деревень, гдѣ постоянно жили помѣщики и гдѣ нѣкоторыя изъ помѣщицъ занимались лѣченіемъ крестьянъ.

При первомъ появленіи врача въ деревенской сборной избѣ, къ нему шли не только больные, но и просто любопытные посмотрѣть что за штука докторъ? Но уже послѣ двухъ-трехъ посѣщеній какой-нибудь деревни къ вечеру стали являться больные увѣреннѣе, и я, съ радостью, сталъ отмѣчать случаи, когда ко мнѣ въ Вересаевку больные пріѣзжали за 20, 30 верстъ, прося имъ помочь такъ, какъ я уже помогъ какому нибудь Ивану или Петру, ихъ односельчанину. Меня больше всего удивляла нестрогая оцѣнка случаевъ, въ которыхъ была удачно оказана медицинская помощь. Тутъ все шло въ счетъ: какая нибудь удачная глазная примочка или капли отъ конъюнктивита, хининъ, касторка и пр. Оцѣнка пріобрѣтавшаго довѣріе врача выражалась словами — „винъ знае". Это укрѣпляло во мнѣ бодрость и я сталъ чаще выѣзжать и заглядывать и въ самые глухіе уголки, знакомя населеніе съ своей персоной.

Наступили знойные іюньскіе, а затѣмъ и іюльскіе дни, только изрѣдка освѣжаемые благодѣтельными дождиками. Деревенская страда была въ полномъ разгарѣ. На поляхъ отъ зари до зари

работали люди подъ жгучими лучами солнца, загорѣлые и измученные. Тяжело было смотрѣть на эту каторжную работу и какъ въ это лѣто, такъ и позднѣе, становилось какъ-то неловко и какъ будто стыдно за свой сравнительно легкій и хорошо оплачиваемый трудъ.

Въ концѣ іюля я былъ вызванъ въ управу. Тамъ была получена изъ врачебнаго управленія бумага, въ которой требовалось, по распоряженію медицинскаго департамента, отобрать отъ меня подписку въ томъ, что, поступая на земскую службу, я лишаюсь правъ на пенсію и сохраняю за собой только право по чинопроизводству. Такимъ образомъ, дѣло о переводѣ меня на земскую службу было, очевидно, закончено, оставалось выполнить только нѣкоторыя формальности. Въ управѣ всѣ поздравили меня съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла. Но тутъ-же, рядомъ съ этимъ пріятнымъ извѣстіемъ, огорошили меня предложеніемъ перейти въ Михайловку, гдѣ у земскаго врача С. вышли какія-то недоразумѣнія съ населеніемъ, вслѣдствіе чего ему предложили уволиться отъ службы. Старикъ предсѣдатель отечески уговаривалъ меня перейти въ Михайловку, гдѣ меня хорошо помнятъ съ холернаго времени и гдѣ о моемъ переводѣ сильно хлопочетъ старшина Носенко.

Я обѣщалъ предсѣдателю дать отвѣтъ черезъ три дня, разсчитывая посовѣтоваться съ Ник. Ник.

По пріѣздѣ въ Вересаевку мы долго толковали съ Ник. Ник. о переводѣ въ Михайловку. Мнѣ было жаль разставаться и съ Вересаевкой, гдѣ я уже поработалъ болѣе полугода и, въ особенности, было жаль оставить Ник. Ник. Хотя Михайловка была и не Богъ вѣсть какъ далеко отъ Вересаевки, а все-же я не могъ такъ часто видѣться съ Ник. Ник., какъ теперь, а въ немъ я терялъ друга и опытнаго руководителя въ земскомъ дѣлѣ. Ник. Ник. рѣшительно мнѣ совѣтовалъ переходить въ Михайловку. Онъ доказывалъ мнѣ, что въ Михайловкѣ, откуда такъ много плохихъ гласныхъ въ земствѣ, необходимо имѣть своего человѣка, какимъ онъ уже считалъ меня.

Къ условному времени я послалъ въ управу свое согласіе на переходъ въ Михайловку, оттуда тотчасъ-же получилъ оффиціальную бумагу о переводѣ, причемъ Вересаевскій участокъ оставался въ моемъ завѣдываніи до пріисканія новаго врача.

IV.

Сборы мои продолжались недолго и, распрощавшись со всѣми Вересаевскими знакомыми, я выѣхалъ отдуда около половины августа. Изъ Вересаевки я взялъ съ собою работника о. Григорія—Марка. О немъ я долженъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ онъ былъ моимъ практическимъ руководителемъ во всѣхъ перепетіяхъ деревенской жизни. Марко былъ очень красивый и неглупый парень, лѣтъ 20-ти, и несмотря на то, что нравился всѣмъ деревенскимъ дѣвушкамъ, велъ себя очень скромно, нигдѣ и никогда не посѣщалъ деревенскихъ «вечерныцъ». О. Григорій съ большимъ неудовольствіемъ отпускалъ его въ Михайловку, подозрѣвая, что Марко больше къ нему не вернется. Больше всего цѣнилъ въ немъ о. Григорій серьезность, трезвость, трудолюбіе, любовь къ лошадямъ и умѣнье дѣлать всякія домашнія починки телѣгъ, сбруи и пр. Я же больше всего цѣнилъ въ Маркѣ любознательность и пытливость, чѣмъ онъ рѣзко отличался отъ прочихъ деревенскихъ «парубковъ», у которыхъ всѣ мысли поглощены «дивчатами». Кругъ наблюденій у Марка ограничивался не одною Вересаевкою, онъ нѣсколько разъ ѣздилъ съ о. Григоріемъ въ губернскій городъ и около года прослужилъ въ сосѣднемъ уѣздѣ въ нѣмецкой колоніи, обитателей которой называлъ «пруссами».

Въ Михайловкѣ мы прямо заѣхали къ моему старому знакомому о. Александру Короткевичу, здѣсь меня встрѣтили, по обыкновенію, радушно, хотя жалѣли объ отъѣздѣ д-ра С., какъ хорошаго знакомаго, но были, видимо, довольны тѣмъ, что на его мѣсто попалъ знакомый врачъ. Тѣмъ не менѣе я просилъ о. Александра рекомендовать мнѣ поскорѣе квартиру, такъ какъ въ Михайловкѣ въ это время свирѣпствовала эпидемія натуральной оспы, а я не хотѣлъ подвергать опасности цѣлую семью.

На другой день квартира была найдена. Едва я кое-какъ устроился на новосельѣ, какъ пришелъ фельдшеръ, старый мой знакомый по холерѣ—Дементій Ивановичъ К. Онъ высказалъ удовольствіе, что придется служить съ знакомымъ врачемъ и разсказалъ, что въ Михайловкѣ сильно свирѣпствуетъ оспа; приходится много ѣздить по всему мѣстечку. На мой вопросъ объ оспопрививаніи и кто этимъ занимается,—Дементій Ивановичъ отвѣтилъ, что онъ и не помнитъ, чтобъ здѣсь когда нибудь прививалась

оспа, хотя оспопрививателемъ и числится какой-то старый казакъ. Мы рѣшили вмѣстѣ объѣхать всѣхъ больныхъ и разыскать оспопрививателя.

Больныхъ натуральной оспой было много и до обѣда мы объѣхали только половину Михайловки. На Вербовѣ мы отыскали оспопрививателя. Это былъ уже очень старый казакъ, болѣе 30 лѣтъ занимавшійся оспопрививаніемъ. Въ то время детрита не знали и прививали гуманизированную лимфу съ руки на руку. Трудъ оспопрививателя вознаграждался волостью, платившей ему отъ 25—30 руб. въ годъ. Оспопрививатель сознался, что въ этомъ году онъ прививки никому не дѣлалъ, потому что у него еще съ прошлаго года «затерялась» лимфа, а добыть новой онъ нигдѣ не могъ. Работа оспопрививателей никѣмъ не контролировалась и, естественно, что они вели свое дѣло „какъ Богъ на душу положитъ", дѣлая прививку только тѣмъ, за которыхъ имъ заплатятъ.

Осматривая сегодня оспенныхъ больныхъ, я замѣтилъ, что только у очень немногихъ изъ нихъ была привита оспа. Пришлось призадуматься надъ тѣмъ, какъ быть теперь съ оспопрививаніемъ, какъ съ единственной мѣрой, ограничивающей развитіе оспенной эпидеміи? Я объѣхалъ къ вечеру всѣхъ больныхъ и затѣмъ рѣшилъ завтра же съѣздить въ городъ посовѣтоваться съ Управой.

Управа въ этотъ день была въ полномъ составѣ, пригласили еще и Ковнера. Всѣ быстро пришли къ соглашенію о необходимости немедленно начать въ Михайловкѣ усиленное оспопрививаніе, для чего взять туда изъ отдаленныхъ волостей 2—3 оспопрививателей и назначить имъ особую плату отъ земства.

Дѣло уладилось: мнѣ обѣщали немедленно прислать 2—3 оспопрививателей и поручили контролировать ихъ дѣйствія, по составляемымъ ими еженедѣльно спискамъ о прививкахъ дѣтямъ. Иванъ Ив., какъ уѣздный врачъ, въ вѣдѣніи котораго находились оспопрививатели, имѣлъ большой запасъ гуманизированной лимфы и снабдилъ меня нѣсколькими стеклышками послѣдней.

Снова работа въ Михайловкѣ закипѣла и нѣсколько напоминала мнѣ холерное время: съ утра до вечера я почти не слазилъ съ повозки, такъ что старшина Посенко, въ подмогу моимъ лошадямъ, далъ еще и волостную подводу. Отъ оспы немного умирало, но зато сколько оставалось изуродованныхъ и даже искалеченныхъ, въ особенности слѣпыхъ, съ сросшимися ноздрями и проч.

Больше всего времени приходилось посвятить экстренному оспопрививанію. Надо было организовать это дѣло.

Институтъ оспопрививателей—учрежденіе дореформенное. Въ оспопрививатели поступали грамотные люди изъ сельскихъ жителей и своему ремеслу обучались, обыкновенно, у старыхъ оспопрививателей, а затѣмъ, по испытаніи врачами, получали свидѣтельства на право прививать оспу. Для каждой волости былъ особый оспопрививатель и жалованье ему назначалось волостнымъ сходомъ. Жалованье было, конечно, небольшое и дѣломъ своимъ оспопрививатели занимались небрежно, въ свободное отъ крестьянскихъ работъ время, никѣмъ не контролируемые. Велись, правда, какіе то списки привитыхъ, но никто этихъ списковъ не провѣрялъ и туда можно было вписывать кого заблагоразсудится. Михайловка была теперь раздѣлена на 3 района, въ центрѣ которыхъ были поселены оспопрививатели. Для каждой улицы отводилась особая хата, куда приносили дѣтей для прививки оспы. Прививали уже не по спискамъ родившихся, взятыхъ у священниковъ, а производились предварительные осмотры всѣхъ дѣтей, въ каждомъ домѣ, и раньше не привитымъ—дѣлалась прививка.

Впрочемъ, такіе осмотры съ самаго начала оказались излишними, какъ какъ у всѣхъ дѣтей, за весьма малыми исключеніями, оспа не была привита. Предложено было также прививать и взрослымъ, но охотниковъ не оказалось. Дѣтямъ тоже не всѣ охотно дѣлали прививку. Матери, подъ всякимъ предлогомъ, вродѣ:— «та воно ще мале» или «воно нездужа» (боленъ)--старались уклониться отъ прививки. Особенно тягостнымъ былъ для матерей тотъ моментъ, когда съ руки ихъ ребенка *снимали* лимфу для прививки другому. Для этого созрѣвшую пастулу приходилось расковыривать. Какъ только закричитъ ребенокъ—ему вторятъ и другія дѣти. Отъ этого дѣтскаго крика непривычному человѣку становилось не по себѣ.

Наладивъ оспопрививаніе въ Михайловкѣ, я рѣшился выѣхать въ сосѣднія волости участка, чтобы и тамъ, если понадобится, сдѣлать то же.

Проѣзжая по селеніямъ Мринской вол., ближайшей къ Михайловкѣ, я нашелъ нѣсколько спорадическихъ случаевъ заболѣваній натуральной оспой, а въ селеніяхъ Плоской вол. не оказалось ни одного такого заболѣванія.

Фельдшеромъ въ с. Плоскомъ былъ все тотъ же молодой Сущенко, который два года тому назадъ, въ холерное время, смѣнилъ пьянаго Курдюмова. Сущенко нѣсколько возмужалъ за это время и остался все такимъ-же скромнымъ и симпатичнымъ.

Онъ занималъ прежнюю кварину Курдюмова, при волостномъ правленіи, но отъ прежней грязи не осталось и слѣда. Всюду былъ порядокъ и чистота; аптечный шкафъ и лѣкарства въ немъ содержались въ наилучшемъ видѣ. Осматривая комнату, я увидѣлъ висящую на стѣнѣ полку съ книгами, чего я до сихъ поръ не замѣчалъ ни у одного изъ фельдшеровъ. Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза желтая обложка незабвенныхъ „Отечественныхъ Записокъ". За чаемъ мы заговорили о житьѣ-бытьѣ Сущенка въ Плоскомъ. Онъ разсказалъ, что первый годъ онъ здѣсь сильно скучалъ отъ недостатка подходящаго общества, что народъ здѣсь очень привереженъ къ пьянству, но что недавно ему и мѣстному священнику удалось убѣдить нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ на сходахъ, чтобы сельское общество не давало согласія на открытіе у нихъ кабака, въ чемъ ему много помогли также деревенскія бабы. Вспомнивъ о замѣченныхъ мною на полкѣ „Отечественныхъ Запискахъ", я спросилъ, у кого онъ достаетъ книги. Онъ сказалъ, что недавно познакомился въ Мринѣ съ новымъ учителемъ, нѣкимъ Бочаровымъ, бывшимъ студентомъ С.-Петербургскаго университета, у котораго очень много книгъ. Сущенко съ восхищеніемъ отзывался объ этомъ учителѣ и совѣтовалъ мнѣ непремѣнно съ нимъ познакомиться.

На обратномъ пути я заѣхалъ въ Мринѣ къ Павлу Степановичу К. Небольшая усадьба его, огороженная частоколомъ съ коегдѣ одиноко торчащими ветлами, расположена почти на срединѣ селенія. Въ глубинѣ двора стоялъ маленькій деревянный домикъ съ ветхою крышею и покосившимся крылечкомъ. Павелъ Степановичъ встрѣтилъ меня на крылечкѣ и потащилъ въ домъ. Изъ передней дверь вела въ небольшое низенькое зальце, гдѣ, въ глубокомъ креслѣ, сидѣла старуха, мать Павла Степановича.

Было уже около 7 часовъ вечера. Дневной жаръ понемногу спадалъ и въ открытыя окна подувало легкой прохладой. Скоро насъ позвали въ столовую пить чай. Разговоръ коснулся школъ и учителей. Павелъ Степановичъ сообщилъ мнѣ о недавно полученномъ имъ письмѣ отъ вересаевской учительницы С., съ извѣщеніемъ, что она больше къ намъ не вернется и мы оба пожалѣли объ этомъ. Какъ бы въ утѣшеніе Павелъ Степановичъ прибавилъ, что на дняхъ получено заявленіе отъ 2-хъ учителей, желающихъ здѣсь получить мѣсто. Одинъ изъ нихъ—ученикъ послѣдняго класса Псковской гимназіи, а другой—студентъ-технологъ. Обоихъ онъ предполагалъ размѣстить въ предѣлахъ моего участка: гимназиста

Я. ко мнѣ въ Михайловку, а студента О-ко въ сосѣднюю съ Михайловкой волость. Я очень обрадовался тому, что у меня образуется кружокъ вполнѣ интеллигентныхъ учителей и спросилъ его о Мринскомъ учителѣ—Бочаровѣ.

— Это очень хорошій человѣкъ, вполнѣ преданный школѣ,— отвѣтилъ Павелъ Степановичъ. Да вотъ послѣ чаю мы зайдемъ къ нему и я васъ познакомлю.

Вскорѣ послѣ этого мы вышли изъ дому. На сельской площади красовалось новое, внутри еще не вполнѣ отдѣланное зданіе съ желѣзной крышей. Это было училище, строящееся на средства Павла Степановича для мринскихъ обывателей. Черезъ широкое крыльцо мы вошли внутрь дома, гдѣ плотники заканчивали уже настилку половъ. Домъ этотъ показался мнѣ даже роскошнымъ для сельской школы, что я тотчасъ же и высказалъ Павлу Степановичу. Изъ школы мы пошли къ квартирѣ учителя. Онъ жилъ въ крестьянской избѣ, и когда мы подходили къ ней, сидѣлъ у открытаго окна. Пав. Степ пригласилъ его гулять въ поле; Бочаровъ охотно согласился и тотчасъ же вышелъ на улицу. Мы познакомились. Это былъ молодой человѣкъ, съ окладистой русой бородой, судя по акценту великоросъ, какъ оказалось, уроженецъ Новгородской губ., учился въ Петербургскомъ университетѣ, но, не окончивъ курса, рѣшилъ идти въ народные учителя.

Мы незамѣтно вышли въ поле. Хлѣбъ уже былъ убранъ и свезенъ съ полей, которыя теперь желтѣли только низкой щетиной стерки. Невдалекѣ отъ деревни потянулся небольшой лѣсокъ, къ которому мы и направились. Бочаровъ замѣтилъ, что онъ ежедневно ходитъ въ этотъ лѣсокъ, напоминающій ему далекую родину. Лѣсокъ почти весь заросъ молодымъ дубнякомъ, а у самаго края его розовѣло еще цѣлое поле недозрѣвшей гречи. Заходящее солнце посылало свои послѣдніе лучи на землю. Лѣсъ слегка шумѣлъ и оттуда доносился стихавшій хоръ лѣсныхъ птицъ. Съ поля подувало нѣсколько пряннымъ запахомъ цвѣтущей гречи. Бочаровъ сидѣлъ молча, о чемъ-то задумавшись. Павелъ Степ. повелъ разговоръ на занимавшій его неотвязчивый вопросъ объ учительскихъ семинаріяхъ, и замѣтилъ:—„Вотъ у нихъ, въ Новгородѣ, учительская школа существуетъ съ 1869 года и во главѣ ея стоитъ такое лицо, какъ извѣстный баронъ Корфъ, а у насъ ничего этого нѣтъ, да едва ли скоро и будетъ“, съ грустью закончилъ онъ.

Долго тянулся разговоръ на эту тему. Бочаровъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Павла Степан. о необходимости открытія учитель-

скихъ семинарій, безъ чего, по его мнѣнію, дѣло народнаго образованія будетъ развиваться медленно, какъ ни сочувствуетъ этому молодежь, учащаяся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; на одну эту молодежь въ такомъ громадномъ дѣлѣ нельзя разсчитывать.

На дворѣ быстро темнѣло и я поспѣшилъ уѣхать въ Михайловку, какъ ни просилъ меня остаться ночевать Павелъ Степановичъ.

Эпидемія оспы въ Михайловкѣ тянулась довольно долго, вполнѣ прекратилась она только въ концѣ сентября. Въ это время я былъ такъ занятъ оспенными больными, что почти никуда не выѣзжалъ и только однажды былъ экстренно вызванъ въ село Дѣвицу, въ экономію княгини Г. Тамъ крестьяне побили лѣсника, оберегавшаго лѣсныя дачи княгини.

Фельдшеромъ въ Дѣвицѣ былъ тотъ же Парковичъ, котораго 2 года назадъ, во время холеры, я видѣлъ безусымъ и безбородымъ мальчикомъ. Съ нимъ и съ управляющимъ экономіи мы поѣхали версты за 3 въ лѣсъ, гдѣ въ маленькой хаткѣ лежалъ побитый лѣсникъ. Лѣсникъ оказался жестоко избитымъ: лице его представляло сплошной кровоподтекъ, на головѣ нѣсколько ранъ и три ребра съ правой стороны переломлены. Случай этотъ произвелъ большую сенсацію не только въ Дѣвицѣ, но о немъ скоро стали много говорить въ Михайловкѣ и даже въ городѣ, причемъ больше всего сокрушались о томъ, что настали такія времена, когда собственность не обезпечена отъ грабителей и пр. Княгиня въ это время жила въ Крыму и, когда ей было дано знать о происшествіи, она потребовала, чтобы лѣсника какъ можно чаще навѣщалъ докторъ и о ходѣ его болѣзни ее постоянно извѣщали. Много разъ я посѣщалъ больного и онъ, наконецъ, поправился. Значительно позднѣе, глубокой осенью, за мной прислали лошадей отъ самой княгини Г. Она благодарила меня за лѣченіе ея лѣсника и просила ѣхать съ нею въ одну изъ ея деревень къ больной женщинѣ.

Больная, къ которой меня привезла княгиня, страдала какимъ-то внутреннимъ хроническимъ недугомъ, обострявшимся благодаря тяжелымъ и негигіеническимъ условіямъ крестьянской жизни и труда. Я сказалъ княгинѣ, что больной необходимъ покой и хорошее питаніе. Княгиня обѣщала оказать ей свое материнское содѣйствіе и поддержать. На обратномъ пути у насъ зашелъ раз-

говоръ о лѣченіи крестьянъ и княгиня выразила желаніе чѣмъ нибудь помочь въ этомъ дѣлѣ. Она признавала, что земство не можетъ сдѣлать того, чтобы въ каждой деревнѣ подавалась правильная медицинская помощь; но ей хотѣлось бы, чтобы крестьяне ея трехъ деревень получали правильную помощь при затратѣ небольшихъ средствъ съ ея стороны. Я сказалъ ей, что наилучшей медицинской помощью для крестьянъ я считаю лѣченіе въ больницѣ и такъ какъ всѣ три бывшія ея деревни расположены недалеко одна отъ другой, то больницу всего лучше устроить въ ея главной экономіи, въ Дѣвицѣ. Княгиня на этотъ разъ ничего мнѣ не отвѣтила и разговоръ о лѣченіи ея крестьянъ не возобновлялся до слѣдующаго года.

Въ концѣ октября въ Н. происходило земское собраніе. Это было первое земское собраніе, какое мнѣ приходилось видѣть. Продолжалось оно дней 6—7 и я все это время жилъ въ городѣ, на одной квартирѣ съ Ник. Ник. Преобладающее большинство гласныхъ были крестьяне и казаки. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ они присоединяли свои голоса къ той или иной партіи дворянъ, рѣзко обособившихся на либераловъ и консерваторовъ. Во главѣ первыхъ былъ Викторъ Аппол. Р., а послѣднихъ—отставной артиллерійскій капитанъ Ф., толстый съ жирнымъ затылкомъ господинъ, вѣроятно для большей внушительности не покидавшій и здѣсь своего отставного военнаго мундира.

Послѣ засѣданій мы чаще всего собирались въ квартирѣ Виктора Апполоновича, занимавшаго два большихъ номера въ гостинницѣ. Здѣсь происходили предварительныя совѣщанія, подсчитывались голоса за и противъ намѣченныхъ партіей рѣшеній. Павелъ Степановичъ долженъ былъ выступить съ большимъ докладомъ по народному образованію, въ которомъ проводилъ мысль о необходимости открытія учительской семинаріи. Здѣсь всѣ съ нимъ соглашались, но онъ очень волновался, не зная какъ пойдетъ дѣло въ собраніи. Мое предложеніе, изложенное въ медицинскомъ отчетѣ, и состоявшее въ томъ, что въ Михайловкѣ необходимо устроить больницу на 10—15 кроватей, также встрѣтило здѣсь сочувствіе. Одинъ только Викторъ Апполоновичъ замѣтилъ, что мое предложеніе, если пройдетъ въ собраніи, что очень и очень

сомнительно, то, во всякомъ случаѣ, только съ принципіальной стороны, ибо для детальнаго обсужденія его необходимо представить планъ и смѣту, чего мною, по неопытности, не сдѣлано.

Много толковъ возбудило оригинальное предложеніе Ник. Ник., касавшееся способовъ исправленія дорогъ, особенно почтоваго тракта, идущаго черезъ его участокъ. Онъ думаетъ, что ежегодныя затраты сотенъ рублей на знаменитую Вересочскую-греблю (плотину) совершенно излишни и что, по его мнѣнію, не слѣдуетъ вовсе исправлять полотно дороги и чинить греблю, а надо только копать по обѣимъ сторонамъ дороги канавы и отводить воду съ болѣе низкихъ мѣстъ. Особенно вызывали замѣчанія и смѣхъ слова Ник. Ник.: „не надо чинить полотно дороги и исправлять греблю.“ Одинъ только молчаливый Тычина отнесся серьезно къ дѣлу и совѣтовалъ Ник. Ник., на случай, если бы собраніе отклонило его предложеніе, взять прорытіе канавъ на свой счетъ, причемъ половину расходовъ онъ, Тычина, беретъ на себя. Частенько во время такихъ предварительныхъ обсужденій посылали за кѣмъ нибудь изъ вожаковъ казачьей и крестьянской партіи. Сиренко, хотя и не былъ гласнымъ въ это трехлѣтіе, пріѣхалъ тоже въ Н. и велъ агитацію среди крестьянъ въ пользу тѣхъ или иныхъ постановленій собранія. Во всю эту недѣлю я такъ былъ захваченъ земскими дѣлами, что мало спалъ и ѣлъ. Общія засѣданія собранія происходили днемъ, вечеромъ работали коммиссіи, въ одной изъ которыхъ—медицинской, принимали участіе и мы, врачи. Дѣло съ больницей въ Михайловкѣ прошло такъ, какъ и предсказывалъ Викторъ Апполоновичъ: въ коммисіи, а затѣмъ и въ земскомъ собраніи, согласились въ принципѣ съ необходимостью постройки больницы въ Михайловкѣ, *если это будетъ стоить недорого.* Пока-что рѣшили нанять въ Михайловкѣ лучшее помѣщеніе для аптеки, въ которомъ была-бы и комната съ 1 или 2 кроватями для нуждающихся въ больничномъ лѣченіи. Для составленія плана и смѣты земской больницы въ Михайловкѣ избрана была коммиссія изъ михайловскихъ гласныхъ, съ непремѣннымъ участіемъ земскаго врача. Въ собраніи по моему адресу было сказано михайловскими и вересаевскими гласными нѣсколько лестныхъ словъ, а послѣ собранія вересаевскіе гласные—Зоценко и Кононенко предлагали снова перейти въ Вересаевку, гдѣ до сихъ поръ не было еще врача.

Предложеніе Павла Степановича объ открытіи учительской семинаріи не встрѣтило общаго сочувствія. Крестьяне и казаки

поражали меня своимъ явнымъ противодѣйствіемъ дѣлу народнаго образованія. Даже выдающіеся изъ нихъ, какъ Посенко, Сватко и др., публично высказывались противъ открытія новыхъ школъ и съ ихъ языка почти не сходила стереотипная фраза: „и дидивъ, и батькивъ нашихъ не училы, та воны не дурнише насъ булы!“ Только Копопенко и Зоценко энергично поддерживали Павла Степановича въ школьномъ дѣлѣ и имъ удалось провести открытіе нѣсколькихъ новыхъ школъ. Но Павелъ Степановичъ былъ очень огорченъ несочувствіемъ большинства собранія къ учительской семинаріи, какъ его ни увѣряли друзья, что то или другое постановленіе Н-скаго Собранія не будетъ имѣть никакого вліянія на рѣшеніе вопроса о семинаріи въ губернскомъ земскомъ собраніи. Но больше всего я былъ удивленъ, когда предложеніе Ник. Ник. относительно способа исправленія дорогъ не только не встрѣтило насмѣшекъ въ земскомъ собраніи, но даже прошло значительнымъ большинствомъ голосовъ, причемъ ему заявлена была просьба собранія взять на себя починку дороги отъ Вересаевки до границы Ч-скаго уѣзда, куда входила Вересочская гребля.

Собраніе, наконецъ, закончилось и надо было разъѣзжаться по домамъ. Не смотря на сильное утомленіе, настроеніе мое было очень приподнято всѣмъ происходившимъ въ эту недѣлю. Я первый разъ увидѣлъ на дѣлѣ, какъ люди могутъ цѣликомъ отдаваться общественнымъ интересамъ, понялъ, что на служеніе земскому дѣлу можно посвятить всю свою жизнь.

V.

Вскорѣ по возвращеніи въ Михайловку мнѣ представился случай побывать въ земской школѣ и познакомиться съ новымъ учителемъ Я. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ 18—19, сильно близорукій, въ очкахъ, съ рѣзкимъ сѣвернымъ акцентомъ на о. На вопросъ мой: „не затрудняетъ ли его при занятіяхъ въ школѣ незнаніе малороссійскаго языка, онъ отвѣчалъ утвердительно, прибавивъ, что самъ теперь изучаетъ малороссійскій языкъ, записываетъ незнакомыя слова и обороты рѣчи. Я просилъ учителя заходить ко мнѣ, не откладывая знакомства въ долгій ящикъ и онъ въ тотъ же день пришелъ ко мнѣ. Молодой учитель поражалъ меня своей серьезностью, такъ несвойственной его годамъ. Онъ былъ довольно начитанный юноша, хорошо учил-

ся въ гимназіи, гдѣ успѣшно окончилъ 7 классовъ. Вышелъ же онъ изъ гимназіи, не дождавшись аттестата зрѣлости, только потому, что хотѣлъ поскорѣе поселиться въ деревнѣ и посвятить себя просвѣщенію простого деревенскаго люда. Знакомство съ Я., съ которымъ во все время моего пребыванія въ Михайловкѣ мы были неразлучны, много скрашивало мои одинокіе досуги. Въ свободное время мы вмѣстѣ читали газеты, журналы и книги. Такъ проходило у насъ время до Рождественскихъ святокъ.

На святкахъ однообразная жизнь михайловскихъ обывателей смѣнилась безшабашнымъ весельемъ, причемъ не проходило ни одного вечера, чтобы у кого-нибудь не собирались гости. Въ Михайловкѣ былъ расквартированъ батальонъ пѣхотнаго полка, молодые офицера котораго составляли настоящую находку для скучающихъ деревенскихъ барышень и молодыхъ барынь. Приглашали всюду и насъ съ учителемъ, но я не могъ долго отдаваться веселью, такъ какъ безсонныя ночи дурно отзывались на работѣ послѣдующаго дня. За святки была возможность познакомиться со всѣми досужими михайловскими обывателями, но, къ сожалѣнію, между ними не нашлось ни одного сколько-нибудь интереснаго человѣка. Семья священника Коротkевича была все-таки лучше другихъ по простотѣ и сердечности. Здѣсь мы съ учителемъ чаще всего коротали длинные зимніе вечера. Изъ Михайловки мнѣ рѣдко теперь приходилось выѣзжать, такъ какъ здѣсь и при небольшомъ числѣ больныхъ требовалось много времени для переѣздовъ къ нимъ съ одного конца мѣстечка на другой.

Весною 1875 года въ Михайловкѣ появился дифтеритъ. Случилось это неожиданно, такъ какъ нигдѣ въ сосѣднихъ уѣздахъ дифтерита не было. Заѣзжаетъ какъ-то ко мнѣ о. Александръ и проситъ осмотрѣть одну больную въ его приходѣ, которую онъ не могъ пріобщить, такъ какъ она совсѣмъ не можетъ глотать.

Мы поѣхали вмѣстѣ. Больная была дѣвушка лѣтъ 17-ти. У нея сильно распухла шея, ротъ едва открывался, оба миндаля были покрыты сѣровато-желтымъ налетомъ, переходившимъ на мягкое и даже на твердое небо. Больная въ сильномъ жару, часто и порывисто дышетъ, сознаніе сохранено, но говоритъ съ трудомъ и, какъ бы въ носъ. Предположивъ, что имѣю дѣло съ нарывомъ въ обѣихъ миндалевидныхъ железахъ, я рѣшилъ ѣхать за инструментами. Дома я, на всякій случай, пересмотрѣлъ всѣ имѣвшіеся у меня учебники и убѣдился, что имѣю дѣло не съ нарывомъ, а съ настоящимъ и, притомъ, септическимъ

дифтеритомъ. Вмѣсто инструментовъ, я долженъ былъ приготовить смазываніе для горла, но, пока я возился съ этимъ, больной ничего уже не было нужно—она умирала! Весь день я провелъ въ самомъ отвратительномъ состояніи духа. На слѣдующій день меня опять позвали въ тотъ-же домъ, гдѣ еще заболѣли дифтеритомъ двое дѣтей, а умершая вчера не была похоронена. Къ концу недѣли заболѣли въ этомъ домѣ остальные двое дѣтей и *всѣ пять* умерли. Почти одновременно стали появляться заболѣванія дифтеритомъ въ двухъ домахъ и вскорѣ весь „кутокъ" охваченъ былъ этой ужасной болѣзнью. Первый случай дифтерита появился въ началѣ марта, а къ концу мѣсяца болѣзнь распространилась по всему мѣстечку. Смертность была ужасающая. Снова съ утра до вечера раздавался, какъ во время холеры, похоронный звонъ во всѣхъ церквахъ. По цѣлымъ днямъ я не выходилъ изъ повозки, объѣзжая больныхъ съ лѣкарствами и кисточками для смазыванія горла, но ничто не помогало и несчастныя дѣти погибали сотнями. Я удивлялся, какъ еще сохранилась хотя капля вѣры въ медицину, но видно «утопающій хватается за соломинку», и несчастныя матери переносили крикъ и страданія своихъ дѣтей, съ ужасомъ открывавшихъ ротъ для смазыванія, а чаще корчившихся отъ страха и боли, когда имъ приходилось открывать его насильно. Я испытывалъ ужасное состояніе духа впродолженіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ. Однажды поѣхалъ даже въ К. совѣтоваться съ товарищами и профессорами, но въ то время наука наша была безсильна въ борьбѣ съ этой болѣзнью, и тамъ мнѣ ничего не могли сказать новаго, чего уже я не перепробовалъ раньше. Занятый по цѣлымъ днямъ съ дифтеритными больными, я почти не имѣлъ времени и возможности слѣдить за другими больными, которые, такимъ образомъ, всецѣло очутились на рукахъ Дементія Ивановича, такъ что не прошло и 8-ми мѣсяцевъ моего пребыванія въ Михайловкѣ, а я уже двумя эпидеміями (натуральной оспы и дифтерита)—на 4 слишкомъ мѣсяца былъ отстраненъ отъ правильной врачебной дѣятельности. Это обстоятельство еще болѣе увеличивало и безъ того до крайности угнетенное состояніе духа и приводило къ разочарованію въ полезности земской медицины. Такую перемѣну замѣтилъ во мнѣ и Ник. Ник., когда въ началѣ мая мы встрѣтились съ нимъ въ Н., гдѣ въ это время происходили выборы гласныхъ на новое трехлѣтіе.

Къ концу мая, когда дифтеритъ сталъ совершенно затихать, я могъ приступить къ своимъ обычнымъ занятіямъ, но тяжелое состояніе духа, навѣянное эпидеміей, нисколько не проходило. За время существованія дифтерита я очень рѣдко посѣщалъ пріемный покой: теперь я сталъ ходить туда ежедневно, стараясь являться къ 8-ми часамъ утра и оставаться тамъ нѣсколько часовъ, терпѣливо выжидая больныхъ. Но Дементій Ивановичъ, очевидно, еще раньше моего прихода заканчивалъ главный пріемъ, а такъ какъ для сельскихъ жителей, встающихъ лѣтомъ съ зарей, ранніе пріемы были очень удобны, то я и не рѣшился протестовать противъ этого, прося Дем. Иванов. оставлять мнѣ къ моему приходу болѣе тяжелыхъ больныхъ. Теперь я окончательно убѣдился, что Дем. Иванов. непріятно было мое вмѣшательство въ дѣло лѣченія больныхъ. Всего лучше для него было бы, чтобы докторъ получалъ жалованье и жилъ бариномъ, а медицинское дѣло велъ онъ одинъ, старый опытный фельдшеръ. Мнѣ думалось тогда, что Дем. Иван. пользовался большимъ довѣріемъ населенія, чѣмъ я, молодой, малоопытный врачъ. На самомъ же дѣлѣ никто изъ насъ особеннымъ довѣріемъ большинства населенія не пользовался. И это не удивительно, если принять въ соображеніе, что такое была Михайловка. Въ первомъ моемъ очеркѣ: «На холерѣ въ 1872 г.» я уже говорилъ, что Михайловка, растянутая на 12 верстъ, съ населеніемъ около 15 тысячъ душъ, представляла изъ себя скорѣе городъ, чѣмъ деревню. Правда, что населеніе Михайловки почти сплошь состояло изъ крестьянъ и казаковъ, но все же въ ней жило семействъ до 100 помѣщиковъ, духовенства и евреевъ-торговцевъ. Вотъ этотъ болѣе культурный слой населенія одинъ только могъ болѣе или менѣе критически относиться къ нашимъ знаніямъ по медицинѣ и нашей опытности. Я не могъ пожаловаться на нихъ, такъ какъ многіе изъ нихъ обращались ко мнѣ за медицинскими совѣтами и звали къ себѣ на домъ. Но эта часть населенія мало меня интересовала, мнѣ надо было захватить довѣріе сѣраго люда, а этого-то и не удалось добиться.

И въ самомъ дѣлѣ, амбулаторія въ 100—150 человѣкъ въ мѣсяцъ для такого огромнаго мѣстечка была незначительна. Но больше-ли она была у Дем. Иван.?—оставалось для меня не выясненнымъ, какъ я этого не добивался. Коечныхъ больныхъ въ пріемномъ покоѣ до сихъ поръ тоже не было ни одного человѣка, несмотря на то, что помѣщеніе съ двумя кроватями открыто было еще въ январѣ мѣсяцѣ. Все это до такой степени разстроило

меня, что я сталъ не на шутку подумывать о томъ, чтобы совсѣмъ бросить медицину и заняться чѣмъ нибудь другимъ. Но чѣмъ другимъ заняться въ деревнѣ, что носило-бы характеръ общественной дѣятельности? Разумѣется, я не могъ ничего придумать.—Съ внѣшней стороны жизнь моя въ Михайловкѣ была обставлена не дурно. Еще весной Варвара Михайловна К. подыскала для меня новую, удобную квартиру у одной старухи-помѣщицы. Квартира состояла изъ двухъ комнатъ для меня и небольшой комнаты для Марка.

На лѣто къ старухѣ пріѣхала ея внучка, молодая женщина съ двумя маленькими дѣвочками. Учитель Я-въ теперь поселился у меня на все лѣто. Внучка хозяйки оказалась очень живой и веселой барыней, а ея дѣвочки оживляли домъ дѣтскимъ смѣхомъ и лепетомъ. Съ этой молодой компаніей, съ прибавленіемъ семьи о. Александра, мы нерѣдко устраивали гулянья и пикники. Но на душѣ у меня засѣлъ червякъ неудовлетворенія жизнью и нѣтъ-нѣтъ да и давалъ о себѣ знать.

Наступили жаркіе іюльскіе дни.

Въ Михайловкѣ все шло по-старому, только больныхъ стало еще меньше.

Однажды за мной неожиданно прислали лошадей изъ Дѣвицы отъ княгини Г. Княгиня встрѣтила меня очень любезно и сказала, что много думала въ минувшую зиму о лѣченіи больныхъ среди бывшихъ ея крестьянъ и пришла къ убѣжденію, что больница необходима и что она ее выстроитъ непремѣнно. Но пока это сдѣлается, она бы хотѣла убѣдиться въ довѣріи крестьянъ къ медицинѣ, для чего предположила каждое воскресенье производить у нея пріемъ больныхъ, причемъ лекарства она будетъ покупать на свой счетъ.

Я согласился и мы съ ней тотчасъ-же пошли осматривать амбаръ, въ которомъ предположено было принимать больныхъ. Амбаръ оказался просторнымъ и свѣтлымъ, оставалось только поставить столы и скамьи для больныхъ.

На этой недѣлѣ былъ какой-то праздникъ и княгиня рѣшила просить священника оповѣстить прихожанъ о томъ, что въ ея экономіи будутъ еженедѣльные пріемы больныхъ.

Въ слѣдующее воскресенье начался пріемъ больныхъ въ Дѣвицѣ. Я заѣхалъ, по обыкновенію, къ управляющему. Тамъ мнѣ сказали, что больныхъ въ амбарѣ видимо-невидимо. Въ амбарѣ я засталъ уже княгиню и какую-то пожилую монахиню, сказавшуюся игу-

меньей Н-скаго монастыря. Начался пріемъ. Я разговаривалъ съ больными по малорусски, что удивило игуменью и она громко сказала объ этомъ княгинѣ. На пріемѣ, какъ всегда, преобладали женщины и дѣти. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я шутилъ, что, по временамъ, вызывало дружественый смѣхъ присутствующихъ, нисколько, впрочемъ, не мѣшавшій дѣлу. Но это, видимо, не нравилось чопорной монахинѣ, а я не обращалъ на нее вниманія. Княгиня, не желавшая оставаться праздной, помогала фельдшеру завертывать порошки. Неизлѣчимыхъ княгиня отдѣляла для собственнаго лѣченія гомеопатіей. Пріемъ больныхъ затянулся почти до самаго вечера. Я остался имъ доволенъ, такъ какъ давно уже не приходилось видѣть больныхъ въ такомъ большомъ количествѣ. Княгиня, видимо, также осталась довольна, что и выразила мнѣ, когда я сидѣлъ послѣ пріема у нея за чаемъ. Число больныхъ не уменьшалось и на дальнѣйшихъ пріемахъ, которые аккуратно производились каждое воскресенье до отъѣзда княгини въ Петербургъ, т. е. до половины октября. О больницѣ княгиня что-то помалкивала. Одинъ только разъ зашла у насъ рѣчь объ этомъ, причемъ она сказала, что мысли о больницѣ она не покидаетъ, тѣмъ болѣе, что теперь сама убѣдилась въ довѣріи населенія къ медицинѣ, но постройка больницы обойдется не дешево, а у нея въ настоящемъ году не предвидится свободныхъ денегъ. Впослѣдствіи я узналъ отъ управляющаго, что княгиня не разъ съ нимъ толковала о постройкѣ больницы, составляла даже приблизительную смѣту, но что онъ, управляющій, убѣждалъ отложить постройку, такъ какъ денежныя дѣла ихъ были не блестящи.

Кромѣ воскресныхъ выѣздовъ въ Дѣвицу, въ августѣ мнѣ приходилось бывать почти еженедѣльно въ городѣ, гдѣ въ это время происходили первые учительскіе курсы въ Н-скомъ земствѣ. Руководителемъ курсовъ приглашенъ былъ извѣстный въ то время педагогъ баронъ Косинскій, бывшій директоръ Новгородской учительской семинаріи, о которомъ мнѣ много говорилъ учитель Бочаровъ. Для учителей это былъ истинный праздникъ. Всѣ они, какъ я уже говорилъ выше, не имѣли спеціальной педагогической подготовки, хотя нѣкоторые изъ нихъ обладали серьезнымъ общимъ образованіемъ и развитіемъ. Одинъ изъ нихъ, учитель К., весной этого года ѣздилъ въ Александровскій уѣздъ къ барону Корфу, кое что позаимствовалъ тамъ и теперь, на курсахъ Косинскаго, былъ единственнымъ слушателемъ, сколько-нибудь ознакомленнымъ съ новѣйшими методами преподаванія въ низшей шко-

лѣ. На курсахъ читались также лекціи по гигіенѣ. Лекторомъ былъ мой бывшій профессоръ Хржонщевскій. Я пріѣзжалъ въ городъ только на его лекціи и помогалъ ему въ демонстраціи микроскопическихъ препаратовъ. Для записыванія лекцій по гигіенѣ былъ выписанъ стенографъ. Впослѣдствіи эти лекціи, исправленныя самимъ профессоромъ, были отпечатаны губернскимъ земствомъ и разосланы всѣмъ сельскимъ учителямъ губерніи. На занятіяхъ Косинскаго мнѣ не пришлось ни разу побывать, но лично съ нимъ я познакомился у Виктора Аполон., долго съ нимъ бесѣдовалъ и вынесъ о немъ наилучшее впечатлѣніе, какъ о человѣкѣ сердечномъ, гуманномъ и преданномъ общественнымъ интересамъ. Учителя были въ восторгѣ отъ него, какъ отъ педагога. Лекціи-же Хржонщевскаго производили положительный фуроръ не только среди учителей, но и городская публика собиралась на нихъ въ такомъ количествѣ, что довольно просторная зала не могла вмѣщать всѣхъ слушателей, такъ что многіе толпились въ передней и слушали черезъ открытую дверь. Хржонщевскій прочелъ всего 8 лекцій и такъ какъ имѣлъ передъ собой недостаточно подготовленную аудиторію, то, прежде чѣмъ приступить къ гигіенѣ, долженъ быть сообщить краткія предварительныя свѣдѣнія по анатоміи, гистологіи и физіологіи. Онъ обладалъ чуднымъ даромъ слова, умѣньемъ популяризировать, приноравливаясь къ подготовкѣ своихъ слушателей. Къ сожалѣнію, число его лекцій было слишкомъ ограничено, причемъ каждая изъ нихъ сопровождалась демонстраціей микроскопическихъ препаратовъ, на что также уходило не мало времени. Тѣмъ не менѣе, когда лекціи были напечатаны, я слышалъ отъ многихъ учителей наилучшій о нихъ отзывъ и охотно повѣрилъ этому, такъ какъ въ тѣ времена не существовало никакихъ популярныхъ изданій по гигіенѣ.

Приближалось время земскаго собранія. Кромѣ медицинскаго отчета, мнѣ надо было готовить докладъ о постройкѣ больницы въ Михайловкѣ съ планомъ и смѣтой. Михайловская коммиссія по постройкѣ больницы собиралась уже нѣсколько разъ. Наши гласные Сватко и Носенко, видимо, желали, чтобы въ Михайловкѣ была больница, но на смѣту были очень скупы и совсѣмъ не хотѣли строить дома для квартиры медицинскаго персонала. Коекакъ удалось убѣдить ихъ, чтобы при больницѣ была квартира хотя для фельдшера. Не смотря на всѣ сокращенія, смѣта превышала 5 тысячъ. Сватко и Носенко очень боялись, что наша больница провалится въ собраніи. Н-ское земское собраніе въ этомъ

году было очень бурное. Партія крѣпостниковъ хотѣла во что бы то ни стало провалить нынѣшній составъ управы. Гласный Ф. и нашъ Михайловскій судья яростно нападали на каждый докладъ управы, но Викт. Аппол. съ друзьями отражалъ всѣ нападки противниковъ и за нихъ стояло большинство новаго состава гласныхъ. Имъ удалось выбрать нынѣшнюю управу и на слѣдующее трехлѣтіе. Медицинскіе вопросы разсматривались въ послѣдній день собранія. Я шелъ въ собраніе неувѣренный, что вопросъ о Михайловской больницѣ пройдетъ благополучно. На это были намеки въ разговорахъ между собой гласныхъ, крестьянъ и казаковъ: „на бисового батька ти больныци?“ говорилось тамъ нѣкоторыми. И дѣйствительно, какъ только былъ прочитанъ докладъ о Михайловской больницѣ, противъ нея заговорилъ Ф., къ нему присоединились всѣ крѣпостники, много крестьянъ и казаковъ и между ними, къ моему удивленію, Зоценко. Какъ ни распинались Викт. Аппол. и Носенко, Ф. удалось поставить на окончательное рѣшеніе собранія такое предложеніе: „строить больницы во всѣхъ участкахъ или ихъ вовсе не надо.“ Рѣшено: „больницъ нигдѣ не строить“. Я былъ внѣ себя отъ огорченія и тутъ же безповоротно рѣшилъ больше въ Михайловкѣ не оставаться. Мало думалъ я теперь и о Вересаевкѣ, потому что Ник. Никол. тамъ уже не было. Случилось это за нѣсколько мѣсяцевъ до настоящаго собранія; на экстренномъ собраніи губернскаго земства для выбора члена губернской земской управы, взамѣнъ одного выбывшаго, новымъ членомъ былъ избранъ Ник. Ник. Услыхавъ объ этомъ, я долго не могъ понять, какъ Ник. Ник. на это согласился. Съ нимъ я давно не видался и вотъ теперь только Ник. Ник. разсказалъ мнѣ, что долго не соглашался бросить Вересаевку, но друзья уговорили его. Кромѣ этого была еще одна причина, чисто личнаго характера, о которой онъ мнѣ теперь не можетъ сказать. Позже я узналъ и эту причину, когда мнѣ пришлось быть у него шаферомъ. Онъ женился на одной богатой помѣщицѣ, жившей въ своемъ имѣніи, вблизи губернскаго города, и не желавшей разставаться съ нимъ. Ник. Никол. много разсказывалъ мнѣ о своей новой жизни въ Ч., о новыхъ знакомыхъ среди земскихъ дѣятелей, очень хвалилъ составъ губернской земской управы и въ особенности предсѣдателя ея, Александра Павловича Карпинскаго, съ которымъ онъ имѣлъ теперь возможность ближе познакомиться и даже сойтись. Вспомнивъ, что онъ тамъ какъ-то слышалъ разговоръ объ открывающейся вакансіи земскаго врача въ

Ч-скомъ уѣздѣ, онъ прибавилъ: „Вотъ, если вы уже окончательно рѣшите бросить Н-ское земство, я постараюсь узнать въ Ч. о новой вакансіи и тотчасъ-же дамъ вамъ знать. Мнѣ бы не хотѣлось потерять васъ для нашей губерніи“.

Послѣ собранія я взялъ двухнедѣльный отпускъ, чтобы поѣхать къ роднымъ хоть немного разсѣяться. Дома какъ будто даже были довольны моими земскими огорченіями и дѣятельно занялись устройствомъ моей судьбы по-своему. Имъ хотѣлось поселить меня поближе къ себѣ. Особенно этого хотѣлось старику-отцу Оказалось, что вблизи К. было свободное мѣсто врача на сахарныхъ заводахъ. Пошли переговоры съ заводчиками черезъ мѣстнаго уѣзднаго врача и служба съ жалованьемъ не меньше, если не больше земскаго, была найдена въ 15 вер. отъ К. Но для меня это было уже поздно: земская жизнь уже успѣла захватить меня могучей волной и я отказался отъ мѣста, несмотря на усиленныя просьбы отца. Возвратясь въ Михайловку, я засталъ письмо отъ Ник. Ник., въ которомъ онъ извѣщалъ меня о свободномъ мѣстѣ земскаго врача въ Ч-скомъ уѣздѣ, въ 15 вер. отъ губернскаго города. Я не долго колебался и черезъ нѣсколько дней послалъ въ Ч-скую управу свое заявленіе. Такъ окончилась моя первая, почти двухлѣтняя служба въ земствѣ, и что же я изъ нея вынесъ? Прежде всего, ознакомившись съ ходомъ земскаго дѣла, я *убѣдился*, что это дѣло живое, затрагивающее всѣ интересы мѣстнаго населенія, въ особенности сельскаго. Далѣе, я *убѣдился* въ огромной, почти исключительной роли въ этомъ дѣлѣ *интеллигенціи*, которой принадлежитъ не только иниціатива, но и практическое проведеніе въ жизнь всякаго рода полезныхъ для общества *начинаній* и *мѣропріятій*. *Я убѣдился*, наконецъ, что жизнь въ деревнѣ вовсе уже не такъ тягостна для нашего брата-горожанина, а если сравнивать эту жизнь съ безполезнымъ обывательскимъ прозябаніемъ въ захолустныхъ городишкахъ, то она можетъ оказаться много интереснѣе. Одно, чего пока не удалось добиться и что временами повергало меня въ безконечное уныніе,—это разрѣшеніе вопроса о томъ, какъ наилучше использовать въ интересахъ деревни свои профессіональныя знанія. Но посильное разрѣшеніе этого вопроса явилось позже, о чемъ рѣчь будетъ въ дальнѣйшихъ моихъ очеркахъ.

На службѣ въ Чер—скомъ земствѣ.

I.

Городъ Ч. въ семидесятые годы былъ до такой степени малъ и неказистъ, что его развѣ только по недоразумѣнію можно было назвать губернскимъ. Правда, черезъ Ч. проходилъ знаменитый Московскій шоссейный трактъ, по которому, въ былыя времена, тянулись обозы, двигались экипажи, скакали почтовыя тройки, но теперь все движеніе и грузовъ, и людей направлялось по желѣзнымъ дорогамъ, прорѣзывающимъ губернію въ трехъ направленіяхъ, а Ч. остался въ сторонѣ и буквально замеръ. Единственная улица, по которой хоть днемъ замѣтно какое нибудь движеніе, составляла продолженіе того же Московскаго шоссе: на ней было нѣсколько магазиновъ и гостинница. По сторонамъ отъ этой главной улицы шли немощеныя и теперь, осенью, непролазно грязныя боковыя улицы, по которымъ и среди дня мало кто пускался въ рискованный путь. Зато для любителей украинской старины Ч., по всей вѣроятности, представлялъ не малый интересъ: старинный соборъ, древніе крѣпостные валы и другіе остатки старины были краснорѣчивыми свидѣтелями славнаго прошлаго Украины.

Николай Николаевичъ поселился гдѣ-то на окраинахъ. Мнѣ съ трудомъ удалось розыскать его квартиру, такъ какъ городскіе извозчики мало его еще знали. Николаю Николаевичу и въ губернскомъ городѣ хотѣлось устроиться такъ, чтобы все напоминало деревню: поэтому онъ и нанялъ на окраинѣ домъ-особнякъ съ обширнымъ дворомъ, сараями, конюшней и проч. О поселеніи моемъ въ гостинницѣ, гдѣ я остановился, Николай Николаевичъ и слышать не хотѣлъ и тотчасъ-же послалъ своего человѣка распорядиться, чтобы Марко съ лошадьми и вещами переѣхалъ къ нему. На всѣ мои возраженія онъ упорно твердилъ: «здѣсь не деревня и, если въ Вересаевкѣ не могла быть рѣчь о стѣсненіи, то тутъ посмотрите сколько у меня пустыхъ комнатъ. Квартира немного далека отъ центра, но у меня есть лошади и васъ во всякое время свезутъ, куда вамъ нужно».

Дѣлать было нечего,—я согласился. Мнѣ отвели двѣ довольно изолированныя комнаты. Ник. Ник. скоро уѣхалъ, а я дождавшись Марка съ вещами и кое-какъ устроившись, рѣшился направиться въ уѣздную управу.

Весь составъ управы—предсѣдатель и два члена—былъ налицо. Предсѣдатель, Александръ Анемподистовичъ Т.—мужчина среднихъ лѣтъ, съ широкой темнорусой бородой, медленными, лѣнивыми движеніями, очень привѣтливый и ласковый. Изъ двухъ членовъ одинъ —бритый, по виду отставной чиновникъ, а другой — не то крестьянинъ, не то казакъ. Предсѣдатель сказалъ мнѣ, что мой предшественникъ, д-ръ Щ—въ, въ настоящее время въ городѣ и ждетъ моего пріѣзда, чтобы сдать участокъ. Онъ распорядился послать за Щ—вымъ, а въ ожиданіи прихода его разспрашивалъ меня о земско-медицинскихъ порядкахъ въ Н—скомъ уѣздѣ. О своемъ уѣздѣ предсѣдатель разсказывалъ, что участковая медицина существуетъ у нихъ два года и уѣздъ раздѣленъ на 4 медицинскихъ участка, изъ коихъ въ одномъ, сосѣднемъ съ моимъ участкомъ, до сихъ поръ не было врача и мнѣ придется временно завѣдывать этимъ участкомъ. Въ утѣшеніе предсѣдатель замѣтилъ, что продлится это не долго, такъ какъ на дняхъ поступило заявленіе одного врача, по фамиліи Яворскій, и спросилъ меня, не знаю ли я этого врача? Я зналъ Яворскаго и рекомендовалъ предсѣдателю съ наилучшей стороны.

Пришелъ наконецъ и д-ръ Щ—овъ. Это былъ упитанный джентельменъ, лѣтъ 35, изящно одѣтый, ничѣмъ не напоминавшiи деревенскаго врача, какимъ онъ по тогдашнимъ временамъ долженъ былъ быть. Познакомившись со мною, онъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ воскликнулъ:—«Наконецъ-то вы меня освободите отъ участка, я этого жду не дождусь: ужъ очень мнѣ надоѣла вся эта деревенщина». При этомъ онъ добавилъ, что участокъ свой готовъ сдать хоть сегодня, такъ какъ окончательно переѣхалъ въ городъ и не намѣренъ больше возвращаться въ деревню. Порѣшили на томъ, что кое-какіе инструменты и бумаги, привезенные Щ—вымъ въ городъ, я приму отъ него, а остальное—отъ фельдшера. Съ этимъ согласился и предсѣдатель. Оказалось, что по постановленію только что закончившагося земскаго собранія произошли нѣкоторыя перемѣны въ моемъ будущемъ участкѣ, а именно: пріемный покой и постоянное мѣстопребываніе врача переведены ближе къ городу. Земскій фельдшеръ живетъ пока въ ожиданіи врача на старомъ мѣстѣ. Щ—овъ передалъ мнѣ, что онъ уже намѣтилъ будущую квартиру для пріемнаго покоя въ селѣ Козлѣ, куда теперь переведенъ участокъ, и совѣтовалъ заѣхать въ волостное правленіе и спросить у писаря объ этой квартирѣ. Мы вышли изъ управы съ Щ—вымъ, къ которому

теперь и отправились. Уходя, я сказалъ председателю, что пробуду въ городѣ дня 2—3, такъ какъ мнѣ необходимо сдѣлать кое-какія закупки для новаго обзаведенія.

Щ—овъ жилъ въ небольшомъ съ виду домишкѣ въ центрѣ города. Однако-жъ квартира его для холостяка была слишкомъ просторной и обставлена довольно комфортабельно. Щ—овъ высказывалъ серьезное сожалѣніе о томъ, что, поддавшись увѣщанію нѣкоторыхъ знакомыхъ помѣщиковъ, согласился переѣхать въ деревню. Въ городѣ у него была хотя и небольшая, но все-таки обезпечивавшая его одинокое существованіе практика, а теперь многіе изъ его бывшихъ паціентовъ перешли къ другимъ врачамъ и ему до поры до времени придется ограничиваться малымъ. Разговорившись съ Щ—вымъ, я убѣдился, что онъ добрый малый, не дурной практическій врачъ, но, стоя совершенно въ сторонѣ отъ какихъ бы то ни было общественныхъ интересовъ, въ земскіе врачи, особенно въ то время, когда только что начиналось земско-медицинское строительство, рѣшительно не годился. Онъ, впрочемъ, самъ это прекрасно сознавалъ и неоднократно высказывалъ. Мы проболтали довольно долго, пока я получилъ отъ него всѣ бумаги и нѣкоторые инструменты. А Ник. Ник. все ждалъ меня съ обѣдомъ. Когда я, наконецъ, пріѣхалъ и сталъ разсказывать всѣ приключенія этого дня, онъ одобрилъ мое намѣреніе прожить немного въ Ч., чтобы познакомиться съ нѣкоторыми выдающимися земцами какъ въ уѣздномъ, такъ и въ губернскомъ земствѣ. Онъ задумалъ завтра же вечеромъ пригласить къ себѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ ближайшихъ пріятелей-земцевъ и мнѣ представлялась возможность еще ближе ознакомиться съ ними.

На другой день, часамъ къ 10-ти я отправился съ визитомъ къ своему председателю. Онъ жилъ въ собственномъ деревянномъ домикѣ на рыночной площади и содержалъ книжную лавку съ продажей въ ней табаку и папиросъ Онъ былъ женатъ на француженкѣ, бывшей гувернанткѣ, плохо говорившей по русски. Принялъ онъ меня очень радушно. Разсказывалъ о своихъ университетскихъ годахъ, о своемъ долгомъ скитальничествѣ въ качествѣ учителя у разныхъ аристократовъ и пр. Бесѣда съ председателемъ произвела на меня самое отрадное впечатлѣніе: несомнѣнно я имѣлъ дѣло съ добрымъ, отзывчивымъ и интеллигентнымъ человѣкомъ. Я побывалъ еще у Ал. Н. Карпинскаго, Р. и Ник. Ал. Константиновича, но никого изъ нихъ не засталъ дома. Зато вечеромъ я всѣхъ ихъ увидѣлъ у Ник. Ник. Фигура Карпинскаго

сразу бросалась въ глаза: это былъ высокій полный человѣкъ съ открытымъ широкимъ лбомъ, бритымъ лицомъ и длинными опущенными внизъ усами. Лѣтъ ему было больше 40. Типъ лица чисто малорусскій, а манера говорить—прямо чарующая. О Карпинскомъ мнѣ много разсказывалъ раньше Ник. Ник. Онъ очень уважалъ Карпинскаго и считалъ его человѣкомъ выдающагося ума, хотя недостаточно широко образованнаго. Карпинскій происходилъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ Ч—ской губ., окончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ въ нашемъ университетѣ въ началѣ 60-хъ годовъ и служилъ уѣзднымъ врачемъ въ С—комъ уѣздѣ. По введеніи земскихъ учрежденій онъ былъ избранъ въ уѣздные и губернскіе гласные. Въ губернскомъ земскомъ собраніи онъ скоро обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися способностями и къ тому времени, когда я его увидѣлъ, былъ уже, кажется, въ 3-й разъ председателемъ губернской земской управы, а въ самое послѣднее время состоялъ кромѣ того управляющимъ отдѣленіемъ банка Общества поземельнаго кредита. Разговаривая со мною, Карпинскій замѣтилъ, что онъ очень интересуется земской медициной, что ему приходилось уже два раза бросать предсѣдательское мѣсто среди трехлѣтія и брать мѣсто участковаго врача; да и теперь онъ не увѣренъ, придется ли ему дотянуть до конца трехлѣтія. Въ предстоящемъ губернскомъ земскомъ собраніи будетъ поставленъ на очередь вопросъ о приглашеніи статистиковъ для оцѣнки доходности земель по всей губерніи, безъ того невозможна правильная раскладка обложеній для удовлетворенія текущихъ потребностей земства. Губернская управа по этому поводу готовитъ докладъ собранію.

— Надо ожидать бури—прибавилъ онъ: и не знаю, уцѣлѣю ли я въ качествѣ предсѣдателя, или же придется снова идти въ участковые земскіе врачи.

— А ваше директорство въ отдѣленіи Общества поземельнаго кредита? Зачѣмъ же вамъ мѣсто земскаго врача?—спросилъ я.

— Не лежитъ у меня душа къ этому дѣлу. Какой ужъ изъ меня банковскій дѣлецъ?—сказалъ онъ: а впрочемъ тамъ видно будетъ.

Говоря съ Карпинскимъ о земской медицинѣ въ Н—скомъ уѣздѣ, я какъ то упомянулъ о бывшемъ у насъ раза два собраніи мѣстныхъ врачей, на которомъ обсуждались земско-медицинскія дѣла.

— А вѣдь это хорошее дѣло,—сказалъ Карпинскій:—недурно бы и у насъ въ Ч. устраивать подобныя собранія, здѣсь

и врачей побольше, чѣмъ въ Н. Есть здѣсь у меня одинъ пріятель д-ръ Л.. онъ служитъ помощникомъ врачебнаго инспектора, но очень интересуется земской медициной, къ тому же онъ и гласный въ К—скомъ уѣздѣ. Въ медицинскомъ смыслѣ онъ человѣкъ широко образованный и, по моему мнѣнію, будетъ очень полезнымъ членомъ подобныхъ совѣщаній.

Карпинскій разсказалъ при этомъ, что онъ внимательно присматривается и, по возможности, принимаетъ участіе въ земско-медицинскихъ дѣлахъ трехъ уѣздовъ своей губерніи: Сое—цкомъ, Бор—скомъ и Чер—скомъ, въ которыхъ онъ состоитъ гласнымъ. Вездѣ это дѣло идетъ неважно, потому что не выработано никакого общаго плана дѣйствій, и каждый врачъ ведетъ дѣло, какъ ему Богъ на душу положитъ: въ Бор—скомъ уѣздѣ напр., гдѣ составъ гласныхъ превосходный, медицинское дѣло не двигается ни на шагъ впередъ, новые проекты организаціи предлагаются чуть не ежегодно и все одинъ другого курьезнѣе. Въ послѣднемъ собраніи однимъ земскимъ врачомъ былъ предложенъ такой проектъ: пригласить для уѣзда 6 врачей, но, чтобы всѣ они жили въ городѣ. Каждое 1-е число выѣзжаетъ одна пара врачей въ противоположныя стороны уѣзда: въ извѣстномъ пунктѣ они встрѣчаются, послѣ чего каждый изъ нихъ проѣзжаетъ тѣ деревни, гдѣ только что побывалъ его товарищъ, и, если нужно, вновь осматриваетъ его больныхъ. Чрезъ 10 дней эта пара врачей возвращается въ городъ. Теперь выѣзжаетъ другая пара въ другихъ, также противоположныхъ направленіяхъ, и продѣлываетъ тоже, что и первая и т. д. Предусмотрительный авторъ проекта требуетъ, чтобы земство пріобрѣло для этихъ выѣздовъ особыя кареты съ низкоопущенными подножками для удобства врачей. Не доставало только колокольнаго звона при проѣздѣ врачей, добавилъ Карпинскій. Проектъ, разумѣется, потерпѣлъ полное фіаско.

Кромѣ Карпинскаго, я встрѣтилъ здѣсь Николая Александровича Константиновича и Ивана Григорьевича Р. Оба они въ это время состояли членами губернской управы. Константиновичъ — высокій, толстый, съ огненно-рыжей бородой, былъ раньше учителемъ гимназіи. Онъ очень мало говорилъ, больше прислушивался къ тому, что говорилъ Карпинскій. И. Г. Р—скій одновременно со мною учился въ университетѣ, только на юридическомъ факультетѣ. Въ университетѣ я его не зналъ и здѣсь впервые познакомился. Это былъ изящный молодой человѣкъ и, какъ говорили, художникъ и музыкантъ, но среди этой солидной компаніи какъ будто недостаточно самостоятельный въ своихъ сужденіяхъ, особенно по земскимъ вопросамъ.

Вечеръ прошелъ въ оживленной и весьма интересной бесѣдѣ. Центральной фигурой былъ Карпинскій. Ораторомъ, въ общепринятомъ смыслѣ, Карпинскаго нельзя было назвать. Онъ говорилъ негладко, медленно и безъ особаго воодушевленія, но каждое сказанное имъ слово было вѣско и авторитетно. Меня поражала его глубокая освѣдомленность по всѣмъ земскимъ вопросамъ, что въ значительной степени объясняется тѣмъ, что Карпинскій состоялъ гласнымъ въ трехъ уѣздахъ.

Въ этотъ вечеръ я случайно узналъ о судьбѣ одного моего знакомаго, бывшаго студента медико-хирургической академіи, Павла Ѳомича Б. Оказалось, что Б. принадлежитъ къ числу богатыхъ землевладѣльцевъ Ч—ской губерніи и въ настоящее время проживаетъ въ Ч. Съ Павломъ Ѳомичемъ Б. я встрѣчался въ нашихъ университетскихъ кружкахъ для самообразованія, во многомъ съ нимъ не соглашался и часто спорилъ, но уважалъ его, какъ человѣка умнаго и очень начитаннаго. Извѣстіе о томъ, что я его могу здѣсь найти, меня очень обрадовало и я рѣшилъ завтра-же къ нему направиться.

Павелъ Ѳомичъ Б. занималъ довольно большую для холостого человѣка квартиру, отъ которой значительную часть отнимала его химическая лабораторія. Онъ очень любилъ химію и, не смотря на то, что страдалъ частыми кровохарканіями, не слушалъ врачей и много занимался въ лабораторіи. Я засталъ у него нѣкоего технолога Василія В., его петербургскаго пріятеля, теперь окончившаго курсъ и, въ ожиданіи мѣста, проживавшаго въ Ч. у родныхъ. В. впослѣдствіи сдѣлался довольно извѣстнымъ статистикомъ, а потомъ и земскимъ дѣятелемъ. Павелъ Ѳомичъ, не видѣвшій меня около 3-хъ лѣтъ, разспрашивалъ о моемъ житьѣ-бытьѣ, о земской службѣ, и когда узналъ, что я поселяюсь недалеко отъ Ч., выразилъ удовольствіе и обѣщалъ, если будетъ позволять здоровье, пріѣзжать ко мнѣ въ деревню.

— Вы не повѣрите, до чего я здѣсь раскисаю. Общество небольшое, да я иногда еще по цѣлымъ недѣлямъ залеживаюсь въ постели. Врачи посылаютъ заграницу, но я тамъ ни разу не былъ, да и жаль разставаться съ родными Палестинами, а долго ли проживешь на свѣтѣ—Аллахъ вѣдаетъ!

— Если бы ты слушался добрыхъ людей, да не торчалъ вѣчно въ лабораторіи, такъ можетъ тебя и надолго бы хватило.— сердито замѣтилъ ему В.

— Да что же мнѣ дѣлать?—Отъ книгъ иной разъ одурь беретъ, а изъ людей—вотъ только ты, да Жеромъ (такъ называли въ пріятельскомъ кругу секретаря губернской управы—Я., впослѣдствіи извѣстнаго писателя); съ вами немного отведешь душу, а то набѣгутъ эти сороки-барышнята,— такъ вѣдь съ ними какой разговоръ!

— Еще бы, если ты все рычишь на нихъ да ругаешься, какъ старый брюзга,—сказалъ В.

Мнѣ ясно было, какъ опустился физически Павелъ Ѳомичъ и какъ злой недугъ подстерегалъ свою жертву. Зло брало въ душѣ на безсиліе медицины въ борьбѣ съ этой проклятой болѣзнью. Но, какъ врачъ, я утѣшалъ больного перспективами перемѣны климата и пр., а онъ и слышать не хотѣлъ о выѣздѣ изъ Ч. Я просидѣлъ долго у Б. Прощаясь, онъ также предлагалъ останавливаться у него во время пріѣздовъ въ городъ.

II.

Прошло два дня моего пребыванія въ Ч, и надо было ѣхать въ участокъ. Погода стояла отвратительная: лилъ дождь и по улицамъ города мы еле двигались, но дорога до селенія Козелъ была песчаная, мѣстами только., на низовинахъ, стояли довольно глубокія лужи и грязь. Намъ не встрѣчалось ни одного селенія, хотя недалеко въ сторонѣ видно было много селъ и хуторовъ. Добрались мы, наконецъ, до большого селенія съ 2 церквями, расположеннаго на холмахъ. Это и было село Козелъ. По улицѣ, идущей какъ бы въ оврагѣ, стояла непролазная грязь. Шагомъ тащились мы до волостного правленія, стоявшаго по серединѣ селенія. Былъ 11-й часъ дня. Въ правленіи я засталъ старшину и писаря. Послѣдній былъ лѣтъ 35—37, высокаго роста съ длинной русой бородой, довольно франтовато одѣтый. По виду его никакъ нельзя было причислить къ колѣну Левитта, а между тѣмъ оказалось, что онъ состоялъ псаломщикомъ мѣстной церкви, а писарство составляло его приватное занятіе. Онъ былъ очень внимателенъ и любезенъ и на мою просьбу—подыскать для меня квартиру, сказалъ, что здѣсь, недалеко отъ правленія, имѣется удобная квартирка, если я человѣкъ не женатый. Онъ даже предложилъ осмотрѣть со мной эту квартиру.

Въ глухомъ переулкѣ, недалеко отъ волостного правленія, стоялъ во дворѣ маленькій, крытый соломою домикъ, а ближе къ

воротамъ небольшая ветхая избенка. Мы вошли въ послѣднюю. Здѣсь жила старуха, по виду—не то просвирня, не то городская кумушка, невысокаго разбора. Это и была хозяйка дома. Съ писаремъ у хозяйки, повидимому, были пріятельскія отношенія: она его назвала „ты" Гаврила, что въ Малороссіи водится только между родственниками или очень хорошими знакомыми. Старушка жила бѣдно и была одинока. Квартира показалась мнѣ сносной, хотя немного сырои. Она состояла изъ одной большой свѣтлой комнаты и другой маленькой полутемной съ однимъ окномъ. Хозяйка утѣшала меня, что здѣсь зимою бываетъ очень тепло и указала на лежанку, занимавшую добрую половину этой крохотной комнатки. Долго мы толковали съ хозяйкой о столѣ для меня и для Марка, но, наконецъ, покончили и съ этимъ. Въ заключеніе хозяйка попотчивала насъ яичницей и чаемъ, обѣщала къ завтрашнему дню приготовить квартиру и мы распрощались.

Осмотръ квартиры для пріемнаго покоя я отложилъ до другого времени, потому что теперь надо было торопиться ѣхать въ с. Корховку, гдѣ жилъ фельдшеръ и находилось имущество пріемнаго покоя. До Корховки надо было проѣхать верстъ 13—14; дорога была настолько грязная, что лошади едва тащили бричку. Марко то и дѣло поругивался и посылалъ въ мою сторону упреки,—зачѣмъ я покинулъ благодатную Михайловку? Здѣсь ему все не нравилось: и люди, казавшіеся ему почему-то „дуже швыдкими и несуразыми", и природа—„нема широкаго степу". Къ вечеру мы дотащились таки до Корховки.

Въ пріемномъ покоѣ, гдѣ теперь не было уже ни одного больного, я засталъ фельдшера, Максима Никитича Шурпу. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 20-ти, окончившій два года тому назадъ земскую фельдшерскую школу. На вопросъ мой: „доволенъ-ли онъ переводомъ пріемнаго покоя въ село Козелъ"—Шурпа отвѣчалъ, что ждетъ не дождется, когда это случится, и что, если бы въ этомъ году переходъ въ Козелъ почему либо не состоялся, онъ просилъ бы управу перевести его въ другой участокъ.

— Чѣмъ-же здѣсь худо?—спросилъ я его.

— А вотъ посмотрите эту Корховку, вѣдь это хуторъ, а не деревня, здѣсь всего дворовъ 30, не больше: нѣтъ ни церкви, ни школы. Сидѣть здѣсь одному—одурь беретъ. Больныхъ мало, дѣла почти нѣтъ, только изрѣдка выѣзжаешь куда-нибудь къ больнымъ въ другія деревни,—отвѣчалъ онъ.

— Какъ-же здѣсь проводилъ время д-ръ Щ—овъ?

— А ему что?—У него свои лошади, на нихъ онъ и разъѣзжалъ по помѣщикамъ. Квартира только за нимъ числилась, а ночевалъ онъ больше у сосѣднихъ помѣщиковъ.

Обошли мы помѣщеніе пріемнаго покоя. Это была большая деревенская хата, съ земляными смазанными глиной полами, раздѣленная сѣнями на двѣ половины: въ одной половинѣ помѣщались на нарахъ больные, а въ другой аптека и, отдѣленная отъ нея деревянной перегородкой, крошечная комната фельдшера. Въ аптекѣ было много лѣкарствъ, были и кое-какіе инструменты, не захваченные Щ—вымъ въ городъ.

Просмотрѣлъ я и записи больныхъ въ книгахъ. Приходящихъ больныхъ было немного, около 700 человѣкъ за текущій годъ (10 мѣсяцевъ). Лѣчившихся въ больницѣ коечныхъ всего 8 человѣкъ и всѣ больные съ застарѣлыми язвами.

Выѣзды врача и фельдшера нигдѣ не записывались, но, по словамъ фельдшера, ему приходилось выѣзжать среднимъ числомъ два раза въ недѣлю, врачу нѣсколько рѣже. Вообще по мнѣнію Шурны, медицинское дѣло здѣсь, въ Корховкѣ, идетъ очень вяло.

Я остался ночевать въ Корховкѣ. На другой день, къ чаю, явился фельдшеръ и просилъ взять его съ собою въ Козелъ, чтобы тамъ нанять и устроить для себя квартиру. Мы поѣхали вмѣстѣ. Дождя не было, но грязь давала себя знать и мы все-таки болѣе двухъ часовъ тащились до Козла. Шурна зналъ тотъ домъ въ Козлѣ, въ которомъ предполагалось помѣстить пріемный покой, и мы заѣхали его осмотрѣть. По наружному виду домъ выглядѣлъ лучше моей будущей квартиры, но въ немъ одну половину занимала сама хозяйка, другая половина состояла изъ комнаты, въ которой можно было поставить двѣ кровати да за перегородкой съ дверью еще одну кровать. Помѣщенія для аптеки и для фельдшера не было.

Сколько мы ни бились съ хозяйкой,—своего помѣщенія она ни за что не хотѣла отдать въ наемъ. Рѣшили ѣхать въ волостное правленіе къ писарю, спросить его, не найдется ли въ Козлѣ другой квартиры для пріемнаго покоя. Писарь вспомнилъ еще о 2-хъ домахъ, которые хозяева могли бы отдать въ наймы и разослалъ къ владѣльцамъ ихъ посланныхъ, но оказалось, что никто не рѣшался отдать квартиру подъ больницу. Думали, думали и ни до чего больше не додумались, какъ помѣстить пріемный покой въ томъ домѣ, гдѣ мы только что побывали съ фельдшеромъ.

Вѣдь, вотъ, сколько мы бьемся и не можемъ найти помѣщенія для больницы,—сказалъ писарь: а здѣсь же, во дворѣ волостного правленія, стоитъ настоящая больница, нарочно выстроенная для нашей волости, и въ ней теперь живетъ становой приставъ; но, если бы земство пожелало взять этотъ домъ,—мы сейчасъ же бы выселили пристава.

Во дворѣ изъ окна правленія виденъ былъ такой-же домъ, какъ и само правленіе. Писарь разсказалъ мнѣ, что, сколько себя помнитъ, домъ этотъ назывался больницей и всегда пустовалъ; только въ послѣдніе три года въ немъ поселился становой приставъ, который пообѣщалъ платить 60 р. въ годъ, но до сихъ поръ онъ не давалъ ни копейки и даже не хочетъ произвести починку сарая, въ которомъ помѣщаются его же экипажи и лошади. Онъ указалъ мнѣ на сарай, на которомъ соломенная крыша была наполовину разрушена.

Существованіе спеціальнаго дома для больницы было для меня большой неожиданностью и я принялся разспрашивать писаря: когда и на какія средства выстроена больница, жилъ-ли здѣсь врачъ и когда именно? Писарь разсказалъ, что больница выстроена на средства министерства государственныхъ имуществъ, а когда—онъ не знаетъ; помнитъ только, какъ лѣтъ 20 тому назадъ здѣсь жилъ фельдшеръ, врача же въ Козлѣ никогда не было. Въ настоящее время зданіе это составляетъ собственность казенныхъ крестьянъ этой волости, и они могутъ распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію. Мы распрощались съ фельдшеромъ, условившись, когда привезутъ имущество изъ Корховки, прислать ко мнѣ одинъ аптечный шкафъ, а другой возьметъ фельдшеръ къ себѣ и, пока что,—будемъ принимать больныхъ у себя на дому.

Дня черезъ два, когда былъ привезенъ шкафъ, я, фельдшеръ и Марко принялись за установку аптеки въ моей квартирѣ. Въ большой комнатѣ былъ поставленъ аптечный шкафъ и столъ для приготовленія лекарствъ; изъ двухъ хозяйскихъ дивановъ одинъ попроще, некрашенный, поставленъ вблизи входныхъ дверей и предназначался для больныхъ, ожидающихъ очереди, другой, окрашенный охрой въ желтый цвѣтъ, поставленъ въ другомъ концѣ комнаты и вмѣстѣ съ тремя, окрашенными въ тотъ-же цвѣтъ, стульями и столомъ придавалъ этой части комнаты видъ гостиннои. Никакой другой мебели здѣсь не было. Въ другой маленькой комнатѣ съ однимъ окномъ и лежанкой помѣщалась моя спальня и кабинетъ. Я былъ очень доволенъ моей квартирой:

какъ-ни-какъ я теперь владѣлецъ 2-хъ комнатъ, хотя лучшая изъ нихъ составляла пріемную и аптеку.

Въ двухъ комнатахъ пріемнаго покоя было чисто, въ одной изъ нихъ стѣны оклеены обоями, въ другой—чисто выбѣлены, полы хорошо вымыты, но зато полный недостатокъ мебели: здѣсь была всего одна кровать. Но такъ какъ не было ни одного больного, можно было не торопясь сдѣлать новыхъ одну, двѣ кровати, тѣмъ болѣе, что изъ 200 р., ассигнованныхъ на пріемный покой, къ концу года оставался порядочный остатокъ. Поговоривъ съ хозяйкой дома о томъ, что эти комнаты должны ежедневно протапливаться, такъ какъ больные могутъ во всякое время явиться, мы ушли къ фельдшеру, который жилъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пріемнаго покоя. Фельдшеръ занималъ одну отдѣльную комнату въ семьѣ казака. Къ нашему приходу старуха-хозяйка вмѣстѣ съ молодой дѣвушкой, своей дочерью, возилась около кипѣвшаго самовара, но при нашемъ приходѣ дѣвушка тотчасъ же исчезла и мнѣ не пришлось въ этотъ день ее видѣть. Прошло нѣсколько дней; ежедневно, по вечерамъ, мы видѣлись съ фельдшеромъ, но оказалось, что ни у него, ни у меня не было еще ни одного больного. Не было ихъ, конечно, и въ пріемномъ покоѣ.

Я сталъ тревожиться: что-бы это значило, и чѣмъ все это кончится? Наконецъ, къ концу недѣли, какъ-то въ сумерки, когда пора уже было зажигать огонь, приходитъ ко мнѣ больная крестьянка и не успѣла еще кончить жалобу на свою болѣзнь, какъ за нею вбѣгаетъ другая женщина, нѣсколько постарше. Обѣ женщины смотрятъ нѣкоторое время другъ на друга растерянно, затѣмъ пришедшая позже стала какъ-бы оправдывать свое появленіе здѣсь тѣмъ, что она побывала уже у всѣхъ знахарей и знахарокъ, пересчитывая ихъ поименно, но никто и ничто ей не помогаетъ и вотъ, какъ послѣднее средство,—рѣшилась обратиться ко мнѣ. Другая сказала ей тоже самое и послѣ всего этого, какъ бы извинившись другъ передъ другомъ и передъ общественнымъ мнѣніемъ всей деревни, очевидно не оправдывавшимъ обращенія за медицинской помощью къ врачу,—обѣ больныя стали разсказывать мнѣ о своихъ болѣзняхъ. Нѣсколько дней снова не было ни одного больного, но затѣмъ больные стали появляться, но въ очень небольшомъ количествѣ и почти исключительно хроники, раньше безуспѣшно лечившіеся у знахарей.

Ни раньше, ни послѣ во время моей земско-медицинской службы я не встрѣчалъ нигдѣ такого недовѣрія къ медицинѣ, какъ въ Козлѣ и до сихъ поръ не могу понять причины этого явленія. Правда, все населеніе Козла состояло изъ казенныхъ крестьянъ и казаковъ и здѣсь не было благодѣтельныхъ барынь-помѣщицъ, такъ или иначе пріучавшихъ своихъ крестьянъ къ медицинской кухнѣ, но зато Козелъ находился на растояніи всего 15—16 верстъ отъ губернскаго города, гдѣ даже въ то время жило около десятка практикующихъ врачей.

Еще въ первые дни пріѣзда моего въ Козелъ, устроившись кое-какъ съ квартирой, я сдѣлалъ визиты выдающимся обывателямъ Козла. Такихъ оказалось 4 дома: два священника и два становыхъ пристава, изъ коихъ одинъ былъ дѣйствующій и занимающій квартиру въ бывшей волостной больницѣ, а другой отставной,—мѣстный богачъ и воротило.

Прежде всего меня потянуло къ дѣйствующему становому Борису Петровичу Березовскому. Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть его квартиру—бывшую больницу. Внѣшній видъ бывшей больницы ничѣмъ не отличался отъ обычныхъ зданій волостныхъ правленій. Фасадъ дома выходилъ на улицу 4 окнами; посрединѣ небольшое крытое крылечко, дверь изъ котораго вела въ сквозной темный корридоръ, съ дверью во дворъ на противоположномъ концѣ. Направо отъ корридора была довольно просторная комната, гдѣ помѣщалась гостиная, обставленная хорошей мебелью; здѣсь-же стоялъ новенькій рояль и фисгармонія; рядомъ съ гостиной помѣщался кабинетъ пристава. Меня очень любезно встрѣтилъ хозяинъ, небольшого роста, юркій брюнетъ, съ замѣтной просѣдью въ волосахъ. Немного позже вышла его жена, высокая полная блондинка, лѣтъ за 30. Хозяинъ и хозяйка, въ особенности послѣдняя, высказывали признательность земству за переводъ врача и фельдшера изъ Корховки въ Козелъ, что для нихъ, имѣющихъ 3-хъ малолѣтнихъ дѣтей, было очень удобно. Когда я замѣтилъ, что не всѣ жители спѣшатъ пользоваться такимъ удобствомъ, что у меня за недѣлю времени почти не было больныхъ, приставъ раздраженно отвѣтилъ, что „для такихъ болвановъ и скотовъ, какъ наши мужики, онъ и гроша-бы не затратилъ на медицину, пусть ихъ, дескать, лечатся у своихъ знахарей“. Разговоръ о глупости и разбойничествѣ мужиковъ грозилъ затянуться на долгое время; къ счастью, хозяйка привела мнѣ показать своихъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ былъ рахитикъ. Разговаривая о здоровьѣ и во-

спитаніи дѣтей, я узналъ, что они большую часть времени проводятъ въ другой половинѣ дома, гдѣ не совсѣмъ тепло, въ эту же половину ихъ не пускаютъ, потому что дѣти могутъ испортить мебель и проч. Приставъ все еще не могъ успокоиться отъ накипѣвшей въ немъ злобы противъ мужиковъ и, улучивъ удобную минуту, продолжалъ:—„Да вотъ, посудите сами, каковы здѣсь мужики и ихъ волостное начальство: третій годъ прошу исправить печь въ той половинѣ дома, покрыть на сараѣ крышу—и въ усъ не дуютъ. А я, вѣдь, живу не даромъ, плачу имъ, скотамъ, деньги. Вы не можете себѣ представить, что было въ этомъ домѣ до меня. Домъ нѣсколько лѣтъ не отапливался, крыша дала течь, никто здѣсь не жилъ, только во время волостныхъ сходовъ здѣсь собирались пьянствовать, и по всему дому валялись пьяные".

Я вспомнилъ разсказъ писаря о томъ, что становой не платитъ ни копейки за квартиру, и его же голодныя лошади попортили соломенную крышу на сараѣ.

Визитъ мой окончился приглашеніемъ любезныхъ хозяевъ бывать у нихъ почаще, запросто, но становой произвелъ на меня такое невыгодное впечатлѣніе, что я, мысленно, рѣшилъ не бывать у него, безъ особой нужды.

Второй визитъ былъ сдѣланъ старику священнику ближайшей ко мнѣ церкви о. Ивану Барану, о странной фамиліи котораго меня еще въ городѣ предупреждали каламбуромъ: „въ селѣ Козлѣ живетъ попъ Баранъ". Старикъ недавно пришелъ изъ церкви и со всей семьей, состоящей изъ трехъ лицъ: его самого, старухи-попадьи и сына, окончившаго давнымъ-давно семинарію и теперь, не смотря на свой почти сорокалѣтній возрастъ, все еще пребывающаго въ свѣтскомъ званіи. Глава семьи былъ уже древній старикъ, лѣтъ 70-ти, сѣдой, какъ лунь, но со свѣжимъ румянымъ лицомъ и довольно бодрый. Онъ очень мало говорилъ, предоставляя сыну занимать гостя. Но и сынъ его, Илья Ивановичъ, былъ не изъ словоохотливыхъ, хотя, судя по его довольно интеллигентному лицу, съ высокимъ лбомъ и задумчивыми, нѣсколько грустными глазами, онъ былъ неглупый человѣкъ. Я искренно выразилъ желаніе поближе познакомиться съ нимъ, просилъ его, какъ близкаго сосѣда, приходить ко мнѣ почаще. Онъ обѣщалъ, но просилъ избавить отъ оффиціальнаго визита и сказалъ, что придетъ ко мнѣ какъ-нибудь вечеркомъ, за что я былъ ему очень благодаренъ.

Наконецъ, третій мой визитъ былъ къ священнику другой церкви въ Козлѣ, жившему далеко отъ моей квартиры. Здѣсь я не засталъ хозяина дома, меня встрѣтила попадья, лѣтъ 40 съ небольшимъ, одѣтая очень просто, съ повязкой на головѣ, какія носятъ городскія мѣщанки. Она говорила много и скоро, чистымъ малороссійскимъ языкомъ. Вскорѣ затѣмъ она представила свою дочь, очень миловидную дѣвушку, съ роскошной косой. Здѣсь я пробылъ недолго и закончилъ свои визиты, отложивъ знакомство съ приставомъ Троцкимъ до другого времени. Этимъ, какъ увидимъ ниже, я настолько задѣлъ амбицію послѣдняго, что онъ до конца своей жизни не могъ мнѣ простить обиды и сталъ моимъ злѣйшимъ врагомъ.

А больныхъ прибывало немного и это стало не на шутку безпокоить меня! Наскучивъ, наконецъ, медицинскимъ бездѣйствіемъ, я рѣшилъ объѣхать весь свой участокъ, не пропуская ни одной деревни. Въ составъ участка входили 4 волости: Козлянская, Шибириновская, Антоновичская и Пакульская. Изъ нихъ двѣ послѣднія были наиболѣе отдаленныя. Туда я рѣшилъ ѣхать прежде всего. Большая часть селеній Пакульской волости была расположена по верхнему теченію Днѣпра.

Въ волостномъ селеніи Пакуль жилъ земскій фельдшеръ Егоровъ. Онъ оказался сѣверяниномъ, родомъ изъ Вологодской губерніи, и попалъ въ земство изъ военныхъ фельдшеровъ стоявшаго въ Чер—ѣ полка. Говорилъ онъ по-русски такимъ убійственнымъ вологодскимъ нарѣчіемъ что даже я его съ трудомъ понималъ. Егоровъ былъ ротный фельдшеръ, но такъ какъ въ тѣ времена не существовало еще правительственнаго запрещенія давать ротнымъ фельдшерамъ самостоятельные фельдшерскіе участки, то Егоровъ и былъ назначенъ участковымъ фельдшеромъ. Онъ мало зналъ медицину, но все же пробылъ нѣсколько лѣтъ въ военномъ лазаретѣ, гдѣ его учили немного анатоміи, очень мало физіологіи; практически онъ присматривался къ ходу различныхъ болѣзней, зналъ правила ухода за больными, зналъ кое-что о дѣйствіи важнѣйшихъ лѣкарствъ, умѣлъ ихъ приготовлять и зналъ дозы, въ которыхъ онѣ даются человѣку. Словомъ, какъ ни какъ, по медицинѣ онъ зналъ больше, чѣмъ любой деревенскій человѣкъ, не исключая священника и помѣщицъ, а если послѣднія нетолько не приносили вреда, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже пользу, то тѣмъ больше пользы могъ принести фельдшеръ, хотя бы даже и ротный. Все это тогда приходилось брать въ разсчетъ,

поэтому неудивительно, что такой земскій врачъ-публицистъ, какъ покойный Португаловъ, былъ сторонникомъ фельдшеризма. Даже ротный фельдшеръ, за неимѣніемъ школьнаго, былъ лучше, чѣмъ знахари и знахарки, съ которыми ротные фельдшера неустанно боролись словомъ и дѣломъ. Что знахарки не всегда лечили одними заговорами и нашептываніями, а употребляли такія средства, какъ сулема, окуриванье киноварью, и даже давали внутрь металлическую ртуть,—я зналъ тому многочисленные примѣры. При родахъ онѣ употребляли рядъ жестокихъ пытокъ, вродѣ подвѣшиванія и проч.,—это также всѣмъ было извѣстно, и вотъ, забѣгая нѣсколько впередъ, я разскажу два случая наглаго дѣйствія деревенскихъ бабъ-знахарокъ, свидѣтелемъ которыхъ я былъ самъ. Случилось это годъ спустя послѣ прибытія моего въ Козелъ. Я былъ спѣшно приглашенъ къ одному помѣщику моего участка и, не доѣзжая до усадьбы версты 4—5, былъ остановленъ въ деревнѣ старикомъ-крестьяниномъ, просившимъ зайти къ нему въ домъ, помочь его женѣ, мучившейся родами. Когда я вошелъ въ хату, то услышалъ стоны лежавшей на полу (нарахъ) женщины, лѣтъ 60-ти, съ лицомъ сплошь покрытымъ морщинами, и увидѣлъ 2-хъ стоявшихъ около нея старыхъ бабъ, у одной изъ которыхъ рукава рубахи были засучены по локоть, а правая рука запачкана кровью. На вопросъ мой: «что тутъ дѣлается»?—баба съ засученными рукавами отвѣтила: «хиба вы не бачите, що вона рожае».

А когда я спросилъ старика-мужа:—«сколько лѣтъ его женѣ, были-ли у нихъ дѣти и когда родился послѣдній изъ нихъ?»—тотъ отвѣчалъ: «та мабуть десятковъ шесть моіи баби: дитей було трое, послидния дочка вже годивъ симъ, якъ замужемъ». Удивленіе мое продолжало рости, но, когда я осмотрѣлъ животъ старухи и увидѣлъ куполообразно растянутый, доходившій до пупка мочевой пузырь, я сразу догадался, съ чѣмъ имѣю дѣло. Оказалось, что у старухи 3-и сутки задержаніе мочи и при попыткахъ къ мочеиспусканію она чувствуетъ боли въ животѣ, которыя бабка принимала за родовыя и употребляла всяческія мѣры, вплоть до введенія въ половые органы старухи засученной по локоть руки. Со мной былъ катетеръ, которымъ я немедленно выпустилъ мочу старухѣ, и мнимая роженица, тотчасъ же вскочивъ съ постели, повалилась мнѣ въ ноги, благодаря за избавленіе отъ мученій.

Другой случай такого-же вреднаго вмѣшательства бабъ-знахарокъ произошелъ въ томъ же году. Однажды приводятъ ко мнѣ въ Козелъ молодую женщину въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности. Больная жаловалась на боли внизу живота и задержаніе мочи. Осматривая ея наружные половые органы, нахожу ихъ распухшими, мѣстами оцарапанными и кровоточащими. Попытки ввести катетеръ вызываютъ боль и сопротивленіе со стороны больной. Я вглядываюсь попристальнѣе въ наружное отверстіе мочевого пузыря, нахожу его сильно распухшимъ, исцарапанымъ и вижу торчащіе изъ него кусочки не то дерева, не то очеретины (тростника), по удаленіи которыхъ мнѣ съ трудомъ удалось ввести катетеръ и вывести мочу. Когда все было благополучно окончено, я сталъ разспрашивать больную, что съ ней было, и вотъ что узнаю. Несчастная беременная должна была работать на полевыхъ работахъ, вслѣдствіе чего у нея сдѣлалось сильное опущеніе матки, препятствовавшее мочеиспусканію. Она позвала мѣстную бабку-знахарку, но и та не могла помочь горю, тогда больная обратилась за совѣтомъ къ мѣстной шинкаркѣ-еврейкѣ: послѣдняя когда-то лежала въ городѣ въ больницѣ и видѣла не разъ, какъ тамъ доктора, безъ всякаго затрудненія выводятъ мочу серебряной или желѣзной трубочкой и совѣтовала больной тотчасъ же послать за докторомъ въ Козелъ. Послать было некого: всѣ были въ полѣ. И вотъ баба-знахарка, недолго думая, разыскала тонкую очеретину, обрѣзала ее и порѣшила справиться съ этой очеретиной вмѣсто катетера. Долго она искала мочеиспускательнаго канала, по пути оцарапавъ и поранивъ всѣ сосѣдніе органы и ткани, и наконецъ, найдя его случайно, вводила очеретину съ большимъ напряженіемъ и силой и, въ концѣ-концовъ, сломала ее. Тогда только окружающія, по настоянію все той-же шинкарки, заставили мужа больной бросить все и везти ее къ доктору.

Но продолжаю прерванный разсказъ. Осмотрѣвъ нѣсколько больныхъ, я, вмѣстѣ съ фельдшеромъ, поѣхалъ въ крайнее село моего участка—Навозъ. Дорога почти все время шла лѣвымъ луговымъ берегомъ Днѣпра и мѣстами такъ близко подходила къ рѣкѣ, что я могъ вдоволь налюбоваться видомъ своей родной рѣки. Это было въ 1-й половинѣ ноября; погода нѣсколько улучшилась, т. е. прекратились дожди и по утрамъ немного морозило, хотя на рѣкѣ еще не было забереговъ. Какимъ незначительнымъ показался мнѣ здѣсь Днѣпръ! Онъ былъ немного шире Тясмина, у впаденія котораго въ Днѣпръ собственно и была моя родина. Но за то какіе роскошные луга были здѣсь и какъ много накапливалось сѣна!

Въ село Павозъ мы пріѣхали подъ вечеръ. Встрѣтилось нѣкоторое затрудненіе—гдѣ найти ночлегъ? Я думалъ было заночевать на сборной, но тамъ не оказалось свободнаго мѣста для лошадей и Марко рѣшительно запротестовалъ. Фельдшеръ совѣтовалъ заѣхать къ священнику, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ, но я стѣснялся ночевать у батюшки изъ-за лошадей, которыхъ надо же кормить сѣномъ и овсомъ, а онъ, навѣрное, откажется отъ платы. Фельдшеръ совѣтовалъ въ крайнемъ случаѣ поставить лошадей у знакомаго ему богатаго крестьянина, у котораго много сѣна и овса и который, конечно, отъ денегъ не откажется, самимъ же намъ остановиться у священника. На томъ и порѣшили и направились къ батюшкѣ. О. Петръ былъ молодой еще человѣкъ, лѣтъ около 30-ти, очень общительный и радушный. Онъ принялъ насъ на ночлегъ очень охотно, даже ни за что не соглашался отпускать лошадей и едва согласился на то, чтобы я купилъ гдѣ нибудь овесъ для лошадей, а о покупкѣ сѣна не хотѣлъ и слышать, говоря, что ужъ чѣмъ другимъ, а сѣномъ они, придиѣпровскіе жители, богаты. Словомъ, все устроилось къ обоюдному удовольствію. Говорю смѣло «къ обоюдному» потому, что и священникъ, и его жена, оба молодые люди, видимо скучали въ своемъ захолустьи и рады были пріѣзжимъ. О. Петръ Ячницкій оказался родомъ изъ одного изъ южныхъ, чисто черноземныхъ уѣздовъ губерніи. Ему вначалѣ очень трудно было привыкать къ здѣшнимъ пескамъ, сравнительной бѣдности и забитости крестьянъ.

— Да вотъ сами увидите завтра, сколько здѣсь больныхъ золотушныхъ дѣтей, да и взрослые выглядятъ какими то чахлыми, малокровными,—добавилъ о. Петръ.

И дѣйствительно, на другой день кухня о. Петра была наполнена больными дѣтьми и взрослыми, которымъ заботливый батюшка и его жена съ ранняго утра дали знать о пріѣздѣ врача и совѣтовали обратиться за помощью. Молодая матушка очень интересовалась пріемомъ больныхъ и все время при этомъ присутствовала и взяла на себя трудъ дальнѣйшихъ, послѣ нашего отъѣзда, перевязокъ ранъ, промываній, спринцованій и проч.

Больные по большей части были золотушные, анемичные и вообще страдающіе всякаго рода разстройствами отъ недостаточнаго питанія. Заходилъ я кое-куда и въ дома навозскихъ обывателей; почти всюду поражала бѣдность и какой-то заморенный видъ старыхъ и малыхъ: небольшой ростъ, блѣдныя лица, пакетъ лимфатическихъ железъ на шеѣ встрѣчались здѣсь почти постоянно.

Послѣ пріема и обхода больныхъ, а потомъ и обильной закуски у о. Петра, мы отправились дальше, въ другія села Пакульской, а затѣмъ Антоповской и Шибириновской волостей. Мы не пропускали ни одного села, деревни и даже хуторовъ, вездѣ спрашивали о больныхъ и подавали имъ медицинское пособіе. Словомъ, здѣсь я дѣлалъ то же, что и въ Н—скомъ уѣздѣ, собственно въ Вересаевскомъ участкѣ. Кое-гдѣ попадались больные съ ранами, затяжными язвами и глазными болѣзнями, которымъ я предлагалъ полечиться въ пріемномъ покоѣ, но ни одинъ изъ нихъ, какъ оказалось впослѣдствіи, не пріѣхалъ.

III.

Ко времени моего возвращенія изъ участка въ Козлѣ произошло событіе огромной для меня важности: въ пріемный покой поступило двое коечныхъ больныхъ съ ожогами. Случилось это такъ: верстахъ въ 7-ми или 8-ми отъ Козла, въ усадьбѣ одного землевладѣльца былъ пожаръ, на которомъ получили ожоги молодая служанка землевладѣльца и одинъ крестьянинъ. Пригласили фельдшера, а тотъ уговорилъ пострадавшихъ поступить въ пріемный покой. Я тотчасъ же отправился къ больнымъ. Больше всего пострадала дѣвушка, у которой оказалось нѣсколько ожоговъ на рукахъ и на ногахъ; у крестьянина же былъ одинъ только большой ожогъ на рукѣ. Легко себѣ представить, съ какимъ усердіемъ мы принялись за леченіе этихъ первыхъ больныхъ въ пріемномъ покоѣ. Къ концу выздоровленія обожженныхъ къ намъ поступилъ еще одинъ больной съ хронической, затяжной язвой голени. Этотъ былъ уже изъ самого Козла и своимъ поступленіемъ въ пріемный покой свидѣтельствовалъ о нѣкоторомъ довѣріи со стороны козлянъ къ нашей медицинѣ. Число амбулаторныхъ изъ Козла также стало увеличиваться, и приходили они уже свободно, такъ сказать, среди бѣла дня, не извиняясь и не оправдываясь передъ общественнымъ мнѣніемъ. Работа у насъ пошла поживѣе, на душѣ становилось легче.

Въ концѣ ноября надъ Козломъ стряслась бѣда: появились заболѣванія брюшнымъ тифомъ. О первыхъ изъ нихъ ни я, ни фельдшеръ ничего не знали, тамъ все дѣйствовали знахари и бабки. Дальше стали обращаться и къ намъ. Брюшной тифъ, какъ извѣстно, болѣзнь затяжная, продолжается въ среднемъ отъ 4 до 6 недѣль. Ускорить теченіе болѣзни раціональная медицина не

могла и теперь пока не можетъ, но леченіе и облегченіе отдѣльныхъ тяжелыхъ симптомовъ возможно, и такъ какъ для этого у одного больного приходится побывать нѣсколько разъ, то, невольно, сближаешься какъ съ нимъ самимъ, такъ и съ его домочадцами. Иной разъ не столько непосредственная помощь больному, сколько теплое и участливое отношеніе со стороны врачующаго, устанавливаютъ между врачемъ и больными съ его близкими наилучшія отношенія, а извѣстно, что нигдѣ такъ быстро не растетъ какъ хорошая, такъ и дурная слава о человѣкѣ, какъ въ деревнѣ. Мы оба съ фельдшеромъ были люди молодые, не озлобленные, не лѣнивые, а потому неудивительно, что насъ, то одного, то другого, охотно стали звать къ тифознымъ больнымъ. Бывая у тифозныхъ, мы, неизбѣжно, встрѣчали больныхъ и съ другими болѣзнями, которые теперь насъ не боялись, и такимъ образомъ число больныхъ, обращавшихся къ намъ за помощью, росло изо дня въ день.

Незамѣтно наступилъ и декабрь, установилась санная дорога. Незадолго до наступленія рождественскихъ праздниковъ управа пригласила насъ въ городъ на совѣщаніе по поводу выдѣленія 4-го медицинскаго участка, такъ какъ къ этому времени пріѣхалъ въ Ч. вновь приглашенный врачъ Яворскій. Когда мы всѣ собрались въ управѣ, предсѣдатель сказалъ намъ, что, по просьбѣ Карпинскаго, наше совѣщаніе будетъ происходить сегодня вечеромъ, и что на совѣщаніе, кромѣ Карпинскаго и его пріятеля д-ра Л., приглашены всѣ врачи губернской земской больницы.

Мы всѣ рады были случаю познакомиться съ этими врачами, а черезъ нихъ и съ губернской больницей. Разсчитывая недолго пробыть въ Ч, я на этотъ разъ не заѣзжалъ къ Ник. Ник. и остановился въ гостинницѣ. Тамъ же поселился и Яворскій, бывшій въ это время уже женатымъ человѣкомъ. Онъ познакомилъ меня съ женой, очень милой и образованной женщиной, и мы рѣшили обѣдать вмѣстѣ. Яворскій окончилъ университетъ однимъ или двумя годами раньше меня, но его всѣ знали студентомъ и очень любили. До поступленія въ университетъ Яворскій служилъ въ артиллеріи и студентомъ долго носилъ артиллерійскую фуражку. Этимъ и своей военной выправкой онъ былъ примѣтенъ между студентами. Онъ былъ очень бѣденъ, но, чтобы не стѣснять себя никакими обязательствами, не хотѣлъ брать казенной стипендіи, и, несмотря на это, Яворскій не только работалъ больше другихъ въ лабораторіяхъ и клиникахъ, но и никогда не про-

пускалъ ни одного изъ студенческихъ собраній, на которыхъ, впрочемъ, онъ всегда былъ молчаливымъ слушателемъ, такъ какъ не обладалъ никакимъ краснорѣчіемъ. Молчаливость и задумчивость были всегдашними его свойствами. Многіе объясняли это тѣмъ, что для поступленія въ университетъ онъ долженъ былъ принять православіе, будучи ранѣе католикомъ, такъ какъ въ нашъ университетъ католиковъ принимали въ то время только 5%. Это-ли было причиной постоянной грусти и задумчивости Яворскаго—я не знаю, но во всякомъ случаѣ надъ бѣднягой Яворскимъ разыгралась катастрофа: не прослужилъ онъ съ нами и года, какъ сошелъ съ ума и былъ увезенъ женой куда-то въ лечебницу, а года три спустя онъ умеръ. Разсказалъ я все это о Яворскомъ, нѣсколько забѣжавъ впередъ, потому, что покойный ничѣмъ между нами теперь не выдѣлялся и былъ скорѣе плохимъ врачемъ, благодаря уже начавшейся у него душевной болѣзни.

Часовъ въ 6-ть вечера всѣ мы, пріѣзжіе врачи, были уже въ управѣ и ожидали приглашенныхъ больничныхъ врачей, да Карпинскаго съ Л. Скоро стали собираться и они; насъ всѣхъ перезнакомили. Старшій больничный врачъ Давыдовъ былъ мужчина лѣтъ 45, высокій красивый брюнетъ, съ большими усами и безъ бороды. Больничный хирургъ Лагода—средняго роста, худощавый старикъ лѣтъ за 50, съ жиденькой сѣдой бородкой; движенія его были порывистыя, нервныя и, какъ мнѣ показалось,—руки у него дрожали. Всѣмъ было извѣстно, что Лагода былъ морфинистъ, что ему не препятствовало быть здѣсь единственнымъ хирургомъ. Зато необыкновенно мягки и плавны были всѣ движенія терапевта Ф. Онъ хотя былъ уже тоже не молодъ, но весь обликъ этого франтовато одѣтаго старика свидѣтельствовалъ о томъ, что, какъ врачъ, онъ имѣлъ доступъ во всѣ губернскіе аристократическіе дома. Четвертый, собственно сверхштатный, больничный врачъ, д-ръ С. былъ еще не старый,—лѣтъ 35—37, высокій мужчина, небрежно одѣтый въ какой-то затрапезный пиджакъ, не смотря на то, что С. имѣлъ въ городѣ большую практику, правда, преимущественно среди бѣдныхъ пацієнтовъ. Послѣдними пришли на засѣданіе Карпинскій со своимъ пріятелемъ Л. Д-ръ Л. былъ невысокъ ростомъ, медлителенъ въ разговорѣ и движеніяхъ, какъ подобаетъ истому хохлу. Если ему приходилось держать долгую рѣчь, то онъ, говоря съ частыми остановками, какъ бы подыскивая слова для своей непослушной рѣчи, безпрестанно гладилъ правой рукой свою лысую голову или же съ силой покручивалъ

рыжіе усы. Между тѣмъ, говорилъ онъ всегда дѣльно и къ его рѣчамъ всѣ прислушивались. Собственно предметомъ сегодняшняго совѣщанія было выкраиваніе 4-го медицинскаго участка для Яворскаго изъ нашихъ трехъ участковъ, что поручено было собраніемъ самой управѣ. Дѣло съ новымъ участкомъ не вызывало почти споровъ и было довольно скоро улажено. Но вотъ въ частной бесѣдѣ одинъ изъ больничныхъ врачей сталъ насъ упрекать въ большой тратѣ лекарствъ, чѣмъ мы, якобы, ослабляемъ ихъ и безъ того небогатую больничную аптеку. Дѣло въ томъ, что Чер—ское уѣздное земство брало лекарства изъ губернской больничной аптеки и расплачивалось за нихъ по дѣйствительной стоимости въ концѣ года. Аптекарскому персоналу прибавлялось работы, о чемъ д-ръ Ф., возбудившій вопросъ о лекарствахъ, ничего не сказалъ, а сваливалъ вину на участковыхъ врачей, будто-бы безъ нужды обирающихъ ихъ аптеку. Въ дѣло вмѣшался Карпинскій и потребовалъ объясненія отъ Ф.—какихъ именно лекарствъ чрезмѣрно выписываютъ участковые врачи и въ какомъ именно количествѣ. Ф. сказалъ, что требуютъ пудами рыбій жиръ и касторку. Такъ какъ лекарства выписывались ежемѣсячно, то каждый изъ насъ могъ помнить, сколько онъ выписываетъ, и, оказалось, разумѣется, что пудами никто и ничего ежемѣсячно не выписывалъ. Тогда Карпинскій обратился къ старшему врачу, прося выяснить, въ чемъ тутъ дѣло, а тотъ и сказалъ откровенно, что выпиской недовольны служащіе въ аптекѣ, потому что имъ теперь прибавилось работы. Карпинскій, недолюбливавшій старшаго врача, замѣтилъ ему, что это его дѣло и давно надо было требовать отъ губернскаго земства прибавить служащихъ въ аптекѣ, что, разумѣется, охотно возьметъ на себя уѣздное земство дѣлая небольшую надбавку на цѣну лекарствъ. Послѣ этого кто-то изъ участковыхъ врачей замѣтилъ, что, если быть кому недовольнымъ, то скорѣе уѣздному земству на губернскую больницу за плохую подготовку земскихъ фельдшеровъ. Это замѣчаніе подлило масла въ огонь: самый горячій и рѣзкій споръ затянулся на нѣсколько часовъ. Карпинскій, бывавшій не одинъ разъ на экзаменахъ въ фельдшерской школѣ, тоже высказался за плохую, особенно теоретическую, подготовку фельдшеровъ, а д-ръ Л. прямо заявилъ, что необходимо обновить преподавательскій персоналъ въ школѣ, что онъ каждый годъ предсѣдательствуетъ въ экзаменаціонной коммиссіи и рѣшительно недоволенъ подготовкой фельдшеровъ. Споръ грозилъ перейти въ открытую ссору и только умѣнье и тактъ

Карпинскаго кое-какъ примирили спорящихъ. Во всякомъ случаѣ, мы, участковые врачи, вынесли сознаніе, что съ наличнымъ персоналомъ врачей губернской больницы у насъ не можетъ быть никакой солидарности. Всѣ они уже были въ почтенномъ возрастѣ, нѣкоторые изъ нихъ пользовались въ городѣ репутаціей хорошихъ врачей-практиковъ, тогда какъ мы—зеленая молодежь, имѣющая въ активѣ только горячую преданность земскому дѣлу. Въ глазахъ нашихъ губернскихъ коллегъ, въ лучшемъ случаѣ, мы представлялись мальчиками, фантастами. Такъ окончилось наше первое совѣщаніе въ Ч. Въ ту же ночь я уѣхалъ домой, въ деревню.

Незамѣтно наступили и рождественскіе праздники. Зима была въ самомъ разгарѣ, санная дорога даже по проселкамъ была отлично наѣзжена. Такъ и подмывало куда нибудь выѣхать. Въ Козлѣ все шло по прежнему: эпидемія тифа продолжалась. Работы для насъ было много. Знакомые звали въ городъ, но мнѣ нельзя было надолго оставлять больныхъ и только одинъ разъ выѣхавъ изъ Козла вечеромъ, я провелъ его въ театрѣ, а къ утру вернулся обратно.

За время праздниковъ я ближе познакомился съ нѣкоторыми изъ Козлянскихъ обывателей. Лучшими изъ нихъ оказались: сынъ священника Илья Ивановичъ Баранъ и мѣстный учитель. Илья Ивановичъ раза два заходилъ ко мнѣ съ писаремъ. Послѣдній, хотя и былъ человѣкъ себѣ на умѣ, но весьма неглупый и энергичный; онъ иногда не прочь былъ порадѣть и объ общественномъ благѣ, въ особенности, когда это не расходилось съ его собственными интересами.

Однажды разговоръ коснулся бывшей Козлянской больницы, теперь квартиры станового пристава. Я хвалилъ помѣщеніе и высказалъ сожалѣніе, что нельзя имъ теперь пользоваться для больницы.

Илья Ивановичъ сказалъ писарю:—„ты бы, Гаврило Яковлевичъ, похлопоталъ, вѣдь это дѣло не пустое. Ты самъ видѣлъ, что въ больницу идутъ больные и даже наши Козляне“.

— Да я бы и очень не прочь, да какъ старшина, не знаю; очень ужъ онъ боится пристава. Вотъ, если бы вашъ батюшка сказалъ словечко старшинѣ, его бы онъ послушалъ,—отвѣтилъ писарь.

На этомъ у насъ разговоръ пока и окончился. Но вотъ, недѣли двѣ спустя, ко мнѣ зашелъ писарь и сказалъ, что въ правленіи получена бумага отъ земской управы съ предложеніемъ

отдать въ наемъ домъ для больницы, въ которомъ живетъ становой приставъ, что старшина согласенъ и предполагаютъ созвать волостной сходъ для рѣшенія этого дѣла. На сходѣ, разумѣется, будетъ присутствовать самъ становой, а потому они со старшиной просятъ и меня придти на сходъ. Писарь ручался за своихъ представителей, т. е. выборныхъ отъ Козла, за представителей же другихъ деревень онъ не ручается, но такъ какъ отъ Козла будетъ гораздо больше выборныхъ, то въ исходѣ дѣла въ пользу земства онъ не сомнѣвается.

Прошло послѣ этого нѣсколько дней и вотъ въ ближайшее воскресенье, вечеромъ, я получаю записку отъ писаря съ просьбою немедленно придти въ правленіе на волостной сходъ. Въ корридорѣ правленія меня встрѣтилъ писарь и объявилъ, что сейчасъ на сходѣ будетъ обсуждаться вопросъ о наймѣ дома подъ больницу, что самъ становой не явился, а вмѣсто него пришелъ старый становой—Троцкій. Этого боялся писарь больше, чѣмъ дѣйствительнаго станового, такъ какъ Троцкій былъ умнѣе, богаче, имѣлъ въ Козлѣ свои земли, которыя отдавалъ крестьянамъ въ аренду за деньги и на отработки, поэтому многіе жители Козла были отъ него въ зависимости. Я вошелъ въ правленіе. Комната была биткомъ набита народомъ и я съ трудомъ протолкался къ столу. За столомъ возсѣдалъ какой-то старикъ, одѣтый въ заплатанный и ничѣмъ не покрытый полушубокъ. Большая и совсѣмъ сѣдая голова старика была покрыта густыми волосами, въ глубокихъ впадинахъ свѣтились еще молодымъ блескомъ маленкіе сѣрые глаза, хотя старику было уже лѣтъ за 70-ть. Это и былъ старый становой Троцкій,—нѣкогда гроза Козлянской округи, а нынѣ крупный землевладѣлецъ и богатый человѣкъ, обладавшій большимъ денежнымъ капиталомъ, часть котораго онъ пускалъ въ ростъ за немилосердные проценты. О прошломъ Троцкаго, какъ и о настоящей жизни, мнѣ много говорили прямо невѣроятнаго. Въ домашней жизни Троцкій былъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, Плюшкинъ. Онъ жилъ холостякомъ и не имѣлъ никого изъ близкихъ родственниковъ. Домъ его въ хозяйственномъ отношеніи представлялъ полную чашу: амбары круглый годъ наполнены хлѣбомъ, обиліе всякой живности:—домашней птицы и въ особенности много свиней. Всѣмъ этимъ онъ мало пользовался и все посылалъ на продажу въ городъ. О Троцкомъ, какъ становомъ приставѣ николаевскихъ временъ, сохранились въ Козлѣ также самыя невѣроятныя преданія. По разсказамъ, онъ былъ типичный „куродапъ“, у котораго

разбѣгались глаза на все чужое, а примѣромъ его произвола и жестокости служило слѣдующее преданіе, передававшееся козлянскими обывателями всякому вновь пріѣзжему. Въ сороковыхъ или пятидесятыхъ годахъ вздумалось начальству обсадить деревьями дорогу, идущую изъ Козла въ городъ. Исполненіе дѣла было поручено становому Троцкому. Посадивъ деревья, Троцкій объявилъ сотскимъ, десятскимъ и прочимъ сельскимъ властямъ, что за всякое попорченное деревцо онъ прежде всего накажетъ розгами того десятскаго или сотскаго, въ участкѣ котораго будетъ произведена порча, наказанные-же съ своей стороны должны выслѣдить, кто испортилъ дерево. Если таковаго не находилось, то Троцкій, во время своихъ проѣздовъ по этому тракту, велѣлъ хватать перваго проѣзжавшаго крестьянина, одного или нѣсколькихъ, и тутъ же, около попорченнаго деревца, производилъ надъ ними экзекуцію съ педагогическою цѣлью, чтобы тѣ десятскому заказывали, какъ расправляется Троцкій за порчу деревьевъ. Такими мѣрами Троцкому удалось развести роскошную аллею отъ Козла до города, на протяженіи 15-ти верстъ. Она поддерживалась до освобожденія крестьянъ, послѣ чего деревья злобно уничтожались крестьянами, такъ что мнѣ ужъ пришлось видѣть немного густо разросшихся вербъ и березъ. Съ такимъ-то экземпляромъ дореформеннаго прошлаго надо было публично вести борьбу за общественное дѣло. Началось съ чтенія писаремъ бумаги отъ земской управы, предлагавшей отдать въ наймы земству помѣщеніе, занимаемое подъ квартиру становаго пристава. Едва писарь дочиталъ бумагу, какъ среди стоявшихъ въ комнатѣ раздались голоса.

— Нехай тутъ буде больныця!

Услышавъ это Троцкій злобно посмотрѣлъ на толпу и прорычалъ:

— Навищо вамъ сдалась та больныця? Хиба, щобъ свиней моихъ туды загоняты?

Въ толпѣ раздался смѣхъ и послышались голоса:

— Про якыхъ свиней винъ тамъ городыть?

Троцкій, обратясь къ старшинѣ, спросилъ, нѣтъ-ли здѣсь стариковъ, его, Троцкаго, однолѣтокъ, и, когда старшина указалъ ему на двухъ, которыхъ назвалъ: „Андрей Шило и Игнатъ Брытый“, Троцкій обратился къ нимъ:

— А чи вы, Андрій та Гнате, сгадаете, щобъ у цій больныци бувъ колы ныбудь хочь одинъ недужій?

— Ни, не сгадаемъ, тай не було тамъ николы недужихъ, отвѣтили тѣ.

— Ось бачите, сказалъ Троцкій, а я самъ строивъ ту больныцю годовъ 40 тому назадъ и не бачивъ тамъ больныхъ, а разъ, це дило було годивъ за три до воли, пріихавъ сюды якойсь чыновникъ государственныхъ имуществъ и зохотывъ поглядить больныцю. Фершала тоди не було дома, десь винъ пьянствовавъ, такъ я того пана самъ водывъ по больныци: ходымо мы изъ хаты въ хату, скризь пусто, стоять прибранные лыжки и ни одной живой души не выдно, я взявъ та въ аптеци наровно придержавъ того пана, а мій хлопецъ тимъ часомъ загнавъ съ заднего ганка свиней, тай причинывъ двери. Выходимъ мы съ паномъ въ корридоръ, а тамъ повнисенько свиней та поросятъ. Панъ ставъ, чимъ дужь, гиготать, а ему и кажу: „окримо оцихъ персонъ, що бачите, ни одна людына сюды зроду и не заглядувала.

Среди присутствующихъ хохотъ долго не умолкалъ, а Троцкій продолжалъ.

— Такъ ось чуете, люды добри, хто въ цю больныцю ходывъ за вси сорокъ литъ, якъ ей выстроивъ. Правда, разъ привезли мертве тило якогось пьяныци, що замерзъ зимою въ дорози, та бильше никого я тутъ не бачивъ и не чувъ, щобъ хто й бачивъ. Такъ на бисоваго жъ батька вамъ захотилось, щобъ була тутъ больныця?

Когда смѣхъ, вызванный разсказомъ Троцкаго, немного поутихъ, я обратился къ присутствующимъ и сказалъ, что вѣрю всему слышанному, но ручаюсь, что въ больницу больше не будутъ загонять ничьихъ свиней, а будутъ тамъ лежать больные, какъ лежатъ и теперь въ пріемномъ покоѣ, хотя не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ со дня его открытія въ Козлѣ. Когда я кончилъ, Троцкій обратился къ старшинѣ и спросилъ:

— Кто це такый и яке право винъ мае тутъ размовляты?

Старшина растерянно молчалъ.

Тогда я сказалъ, что формальныхъ правъ на присутствіе здѣсь я имѣю *не больше*, но и не меньше, чѣмъ самъ Троцкій, а что касается до дѣла по существу, то, разумѣется, какъ земскій врачъ, я обязанъ больше интересоваться земской больницей, чѣмъ кто другой.

Кто-то изъ козлянскихъ обывателей спросилъ:—„сколько лѣтъ живетъ становой въ больничномъ домѣ и платитъ-ли онъ деньги“? Старшина долженъ былъ отвѣчать, что становой живетъ нѣсколько лѣтъ и до сихъ поръ ни копейки не заплатилъ. Послѣ этого поднялся невообразимый шумъ и гвалтъ: почти всѣ козлянскіе обы-

ватели кричали, что надо отобрать домъ у становаго и отдать подъ больницу. Троцкій съ нѣсколькими выборными изъ другихъ деревень были противъ этого. Часа два или больше горячились, кричали, въ концѣ концовъ козлянскіе представители одержали верхъ и больница осталась за земствомъ.

Уходя со схода, Троцкій все время рычалъ и бранился съ присутствовавшими, а въ мою сторону кидалъ злобные взоры. Кто-то изъ спорящихъ выпалилъ Троцкому, что онъ защищаетъ становаго въ своихъ личныхъ интересахъ, что сосѣдство становаго и множество разныхъ сотскихъ и десятскихъ, вѣчно проживающихъ у послѣдняго, охраняютъ амбары и прочее имущество Троцкаго отъ кражъ и поджоговъ.

Злобно огрызаясь отъ нападавшихъ, Троцкій кричалъ: — „А якъ же зъ вами злодіями житы, якъ бы не полыція, то хоть все продавай и тикай изъ Козла“.

Уходя изъ правленія, я почувствовалъ нѣкоторое удовлетвореніе: въ первый разъ приходилось мнѣ въ такомъ большомъ собраніи сельскихъ обывателей защищать общественное дѣло. Но торжество мое было, какъ оказалось впослѣдствіи, слишкомъ преждевременнымъ.

Уже вскорѣ послѣ волостного схода приставъ Б. при встрѣчѣ со мною нагло объявилъ: — „Посмотримъ, удастся-ли вамъ выжить меня изъ дома?“

И дѣйствительно, дѣло оказалось не такимъ легкимъ. Приставъ Б. былъ въ фаворѣ у мѣстнаго губернатора, а этотъ послѣдній былъ большой взяточникъ. Въ иностранныхъ газетахъ была опубликована такса, по которой получались мѣста, зависѣвшія отъ назначенія губернатора.

Приставъ Б. среди чиновъ мѣстной полиціи былъ наиболѣе состоятельный человѣкъ. Благодаря этому, жалобы земства на противозаконное проживаніе Б. въ общественномъ домѣ оказались недѣйствительными. Къ счастью для насъ, вѣсти о подвигахъ губернатора дошли до Петербурга и его убрали, а вслѣдъ за нимъ полетѣлъ съ должности и нашъ становой. Но все это произошло только въ слѣдующее лѣто, а до того времени становой приставъ преспокойно жилъ въ чужомъ домѣ и, при встрѣчахъ со мной, только посмѣивался: „что, молъ, взялъ“!

IV.

Вскорѣ послѣ памятнаго для меня волостного схода я поѣхалъ въ городъ. Тамъ теперь шли засѣданія очередного губернскаго земскаго собранія, которое мнѣ пришлось видѣть въ первый разъ.

Собраніе происходило въ дворянскомъ домѣ,—одноэтажномъ особнякѣ съ большой залой въ два свѣта. Моимъ чичероне былъ на этотъ разъ Павелъ Ѳомичъ Б. Онъ зналъ почти всѣхъ выдающихся гласныхъ и разсказывалъ вкратцѣ біографію каждаго изъ нихъ. Въ головѣ разставленныхъ „покоемъ" столовъ, покрытыхъ зеленымъ сукномъ, возсѣдалъ предсѣдатель—губернскій предводитель дворянства Н. Онъ принадлежалъ къ крупнымъ и богатымъ землевладѣльцамъ Чер—ской губерніи и былъ убѣжденный консерваторъ, не выносившій Карпинскаго и его партіи. Рядомъ съ предсѣдателемъ сидѣли два избранныхъ секретаря изъ гласныхъ. По правую руку отъ Н. занимала мѣсто управа, съ Карпинскимъ во главѣ, а за ними прочіе члены ихъ партіи. Здѣсь были Н-скіе гласные: Викторъ Аполлоновичъ, Троцино, молодой Юленьевъ, были и знакомые мои Чер-скіе гласные, которыхъ я встрѣчалъ у Ник. Ник.

Павелъ Ѳомичъ Б. обратилъ мое вниманіе на двухъ выдающихся гласныхъ изъ другихъ уѣздовъ: И. И. П—вича и А. А. Линдфорса: оба они, по его словамъ, составляли боевую силу либеральной партіи. И. И. П—вичъ былъ въ то время молодой мужчина, лѣтъ за 30-ть, съ короткими непокорно торчавшими ежомъ волосами и очень жиденькой бородкой. Небольшіе каріе глаза его свѣтились насмѣшливо; вся фигура его была какъ-бы приподнята, во всякое время готовая ринуться въ бой. Совсѣмъ инымъ выглядѣлъ гласный Линдфорсъ. Это былъ моложавый, свѣтлый блондинъ съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ и большими голубыми глазами; всѣ движенія его нерѣшительны, скрывая врожденную застѣнчивость этого съ перваго взгляда очень симпатичнаго человѣка.

Въ противной партіи Павелъ Ѳомичъ Б. указалъ мнѣ также на двухъ выдающихся гласныхъ. Оба они были экс-профессорами. Одинъ изъ нихъ, Ж—скій, высокій смуглый брюнетъ съ длинными черными волосами и густой такого-же цвѣта бородой. Онъ былъ прежде профессоромъ недавно реформированнаго юридическаго лицея, а теперь директоромъ Чер—ской учительской семи-

наріи. Другой, Р—скій, бывшій профессоръ Московскаго университета, богатый землевладѣлецъ одного уѣзда съ предсѣдателемъ П. Р—скій въ то время уже былъ почти сѣдой, но съ очень моложавымъ лицомъ.

Въ сегодняшнемъ засѣданіи предметомъ горячаго спора и сшибки враждующихъ партій была программа предстоявшихъ статистическихъ работъ, представленная на утвержденіе собранія вновь организованнымъ при губернской управѣ статистическимъ отдѣленіемъ. Программу разрабатывали статистики А. А. Р—овъ, В. В—ръ и П. П. Ч—вскій подъ предсѣдательствомъ члена управы П. А. Константиновича. Программу защищали сами статистики, одного изъ которыхъ - В--ра, какъ упомянуто выше, я часто встрѣчалъ у Павла Ѳомича. А. А. Р—ова я зналъ раньше, —одно время онъ былъ учителемъ въ нашемъ университетскомъ городкѣ и бросилъ учительство, какъ только наступилъ пресловутый толстовскій режимъ, когда все разумное и честное, такъ или иначе, выживалось изъ педагогическаго міра. Третьяго, статистика—Ч—вскаго, я видѣлъ въ первый разъ и отъ Павла Ѳомича узналъ, что онъ авторъ, надѣлавшихъ въ то время много шуму, статей о деревнѣ, подписанныхъ иниціалами П. Ч., съ которымъ ѣдко полемизировалъ покойный Михайловскій.

Когда была прочитана программа, первый возсталъ противъ нея экс-профессоръ Ж—скій. Прежде всего онъ упрекалъ составителей въ ненаучности метода, которымъ пользовались составители, а затѣмъ указывалъ на опасность подробнаго изслѣдованія крестьянскихъ хозяйствъ, такъ какъ этимъ, будто-бы, данъ будетъ поводъ для нападокъ со стороны всякаго рода крамольныхъ элементовъ.

Научную сторону нападокъ удачно отражали сами статистики; къ нимъ изрѣдка присоединяли свой голосъ гласные Троцинио и Линдфорсъ. Когда же дошло дѣло до второго обвиненія программы, такъ сказать въ неблагонадежности ея, то къ Ж—скому присоединилось много голосовъ изъ его партіи, но всѣхъ ихъ прекрасно отпарировалъ гласный И. П. П—вичъ, поражая противниковъ убійственной иронiей и сарказмами. Я, какъ и почти вся публика, все время съ восторгомъ слушали его короткія саркастическія рѣчи и любовались смѣлымъ, вызывающимъ видомъ борца. Споры о программѣ длились нѣсколько часовъ и программа безъ существенныхъ измѣненій была принята большинствомъ.

Такимъ образомъ я въ этотъ день впервые познакомился какъ съ общимъ характеромъ губернскихъ земскихъ собраній, такъ и съ личнымъ составомъ обѣихъ враждебныхъ партій.

Уже по одному внѣшнему виду рѣзко бросалась въ глаза разница между уѣздными и губернскимъ земствомъ:—крестьянскій элементъ въ послѣднемъ былъ слабо представленъ, кое-гдѣ только виднѣлись казачьи чемарки и рѣшительно поглощались сверкавшими бѣлизной рубахъ представителями дворянства и разночинцевъ.

Пренія, принимавшія иногда въ уѣздныхъ собраніяхъ характеръ своевольнаго и безпорядочнаго шума волостныхъ сходовъ, велись здѣсь сдержанно, корректно. Отдѣльныя рѣчи, какъ, напримѣръ, по вопросу о программѣ собиранія статистическихъ свѣдѣній, поднимались на высоту чисто научныхъ диспутовъ. Словомъ, разница между обоими видами собраній, какъ по существу, такъ и по внѣшнему виду, была громадная, но, признаюсь, для меня, успѣвшаго уже къ этому времени стать деревенскимъ человѣкомъ, уѣздное собраніе, несмотря на его внѣшнюю неказистость, было болѣе привлекательнымъ, такъ какъ непосредственные интересы деревни, казалось мнѣ, были *ближе* уѣздному земству.—

Жизнь въ Козлѣ протекала съ изумительнымъ однообразіемъ, прерываемымъ только ежемѣсячными объѣздами участка. Выѣзды къ отдѣльнымъ больнымъ были очень рѣдки, и то, большею частью, къ помѣщикамъ. Крестьяне же въ то время еще не привыкли вызывать къ себѣ врача. Даже о тяжелыхъ случаяхъ родовъ, иногда оканчивавшихся смертью роженицъ, я узнавалъ потомъ, какъ-нибудь случайно. Акушерокъ въ Чер—скомъ земствѣ не было и здѣсь вполнѣ царили еще деревенскія бабки, боявшіяся какой-бы то ни было огласки своей дѣятельности.

Не могу сказать, чтобъ я скучалъ въ Козлѣ, хотя жизнь моя проходила въ одиночествѣ; но этимъ я былъ больше доволенъ, чѣмъ безпорядочнымъ обществомъ въ Михайловкѣ. Жаль мнѣ только семейства о. Короткевича да Михайловскаго. Учитель въ Козлѣ, Максименко, съ которымъ я познакомился при посредствѣ Ильи Ивановича, былъ также молодой человѣкъ, но какая разница въ образованіи и умственномъ развитіи этого учителя и Михайловскаго! Максименко вышелъ изъ 3-го класса классической гимназіи. Онъ былъ отъ природы неглупымъ человѣкомъ, происходилъ изъ городской чиновничьей среды и мѣстомъ своимъ дорожилъ, какъ средствомъ освободиться отъ военной службы. Тѣмъ не менѣе, Максименко сознавалъ свою слабую подготовку и

откровенно говорилъ мнѣ объ этомъ. Въ особенности смущало его міровѣдѣніе, преподаваніе котораго требовалось въ послѣдней выпускной группѣ и спрашивалось на экзаменѣ; да и въ младшихъ группахъ учителю приходилось давать при объяснительномъ чтеніи кое-какія свѣдѣнія о различныхъ явленіяхъ природы. Я обѣщалъ Максименкѣ достать книги, кое-какія картины и вообще руководить его занятіями по міровѣдѣнію. Весною прошелъ слухъ, что приставъ Б. выходитъ въ отставку. Вскорѣ началась и перевозка его имущества и семьи въ городъ; наконецъ уѣхалъ и онъ самъ. Нѣкоторое время у насъ было полицейское междуцарствіе. Пользуясь этимъ, я торопился привести въ порядокъ больничный домъ и перевести въ него больныхъ. Сильно озабочивала меня бѣдность, можно сказать, даже нищенство моего больничнаго инвентаря: у насъ было двѣ или три старыхъ, деревянныхъ кровати и почти полное отсутствіе постельнаго бѣлья. Я не хотѣлъ поднимать вопроса объ этомъ въ управѣ, такъ какъ все равно управа безъ разрѣшенія земскаго собранія ничего не могла сдѣлать, а для того, чтобы собраніе ассигновало больше денегъ на больнички, надобно сперва доказать ихъ пригодность. Въ виду этого, когда у меня явилась надежда оттягать отъ станового домъ для больницы, я сталъ откладывать гонораръ отъ частной практики у помѣщиковъ. Такихъ денегъ накопилось болѣе ста рублей и вотъ теперь мы съ Маркомъ стали думать думу, какъ оборудовать больничный инвентарь подешевле. Кровати мы рѣшили дѣлать деревянныя, потому что цѣна на желѣзныя кровати въ то время была еще высокая. Всю деревянную работу, какъ-то: кровати, столы и табуретки, взялся дѣлать Марко, прося только дать ему денегъ на покупку нѣкоторыхъ инструментовъ. Бѣлье же мы рѣшили заготовить изъ деревенскаго холста, покупку котораго у деревенскихъ бабъ и матушекъ, а также на ближайшихъ деревенскихъ ярмаркахъ, взяла на себя наша хозяйка, и въ скоромъ времени въ углахъ моей квартиры появились куски холста, количество которыхъ прибывало въ теченіи всего лѣта. Вскорѣ и Марко, закупивъ въ городѣ необходимые столярные инструменты и лѣсъ, принялся за работу. Марко теперь вставалъ очень рано и цѣлый день возился въ мастерской. Я его освободилъ почти отъ всякой работы, кромѣ уборки лошадей. Въ свободные часы я и самъ просиживалъ въ мастерской, слѣдилъ за ходомъ работы, а иногда принимался что нибудь строгать, за что получалъ замѣчанія отъ мастера. Тутъ велись

у насъ безконечные разговоры на различныя житейскія темы. По вечерамъ приходили сюда сосѣди, крестьяне, знакомые Марка, которыхъ у него появилось теперь очень много. Старики, въ отсутствіе Марка, расхваливали его передо мною, удивляясь его серьезности, скромности и розуму: „Вінъ такый у васъ розумный, до всякаго дила дотепный, це Богъ вамъ, панычу, пославъ такого робітныка!“ И въ этомъ не было ни капли преувеличенія, такъ какъ Марко былъ не по годамъ серьезный и разсудительный человѣкъ и рѣдко можно было слышать отъ него какой-нибудь шутливый разговоръ; всего меньше онъ любилъ говорить о „дивчатахъ“, что такъ свойственно молодости. Изъ сосѣдей чаще всего посѣщалъ нашу мастерскую самый ближайшій—старикъ Семенъ и его сынъ Денисъ. Семену было уже за 60 лѣтъ, хотя онъ выглядѣлъ совсѣмъ еще молодцомъ и въ его густой, черной бородѣ едва пробивалась сѣдина. Семенъ былъ степенный и умный мужикъ и даже слылъ знахаремъ: кидалъ кровь, преимущественно лошадямъ, и умѣлъ различными заговорами останавливать ее. Но Семенъ упорно отрицалъ это послѣднее свое искусство и на мои настойчивые вопросы отвѣчалъ:

— Це на мене брешуть; кыдать конямъ кровъ я трохы вмію, а того не знаю, то брехня.

Однакожъ „брехня“, но не людская, а его, Семена, въ это же лѣто обнаружилась и вотъ по какому поводу.—Дома черезъ два отъ моей квартиры пилили лѣсъ, распиливали толстыя и очень тяжелыя дубовыя бревна, причемъ бревно становилось не въ козлы, а надъ нарочито выкопанной ямой. Распиливали бревно отецъ съ сыномъ; отецъ стоялъ наверху, а сынъ въ ямѣ, и вдругъ толстый конецъ бревна соскользнулъ, опустился внизъ и разможжилъ голову молодому человѣку. Его безъ сознанія отнесли въ хату. По дорогѣ къ умирающему я встрѣтилъ Семена, выходящаго изъ этого дома; онъ сухо поклонился и ничего не сказалъ. Въ сѣняхъ меня встрѣтила плачущая мать умирающаго и просила немного пообождать.

— Пидождить трохы, будьте ласковы, тамъ Одарка, вона заразъ выйде. Тут тилько що бувъ Семенъ, такъ спасыби ему, кровъ стыхла, а теперь треба загомонить ударъ.

Одарка, старуха лѣтъ 60-ти, славилась въ Козлѣ лучшей знахаркой и, несмотря на то, что жила на другомъ концѣ деревни, а я въ двухъ шагахъ отъ больного, была призвана сюда раньше меня. Въ полуоткрытую дверь я видѣлъ окровавленное

лицо умирающаго и, стоящую у его изголовья, Одарку, которая вспрыскивала больного водицею и что-то нашептывала. Увидѣвъ меня, Одарка стала замѣтно торопиться въ своихъ дѣйствіяхъ и скоро удалилась изъ хаты.

У постели умирающаго стояла его рыдающая жена. Я сталъ осматривать паціента. Онъ рѣдко дышалъ, пульсъ едва прощупывался, сквозь слѣпившіеся кровью волосы, на правомъ вискѣ, зіяла рана съ проломленнымъ черепомъ и вдавленными внутрь осколками, смѣшанными съ мозговыми массами.

При тогдашнемъ состояніи научныхъ знаній о раненіяхъ черепа и мозга такой случай считался безнадежнымъ, да и призванъ-то я былъ сюда только затѣмъ, чтобы рѣшить вопросъ будетъ-ли жить раненый или нѣтъ? Всѣ-же лечебныя манипуляціи довѣрялись родными не мнѣ, а Семену и Одаркѣ.

Послѣ этого случая Семенъ, на всѣ мои вопросы о его лечебной практикѣ, угрюмо отмалчивался. Сынъ его, Денисъ, былъ очень живой и подвижной человѣкъ. Ему не было еще 30 лѣтъ, но онъ уже давно былъ женатъ и имѣлъ сердитую и, кажется, ревнивую жену и дѣтей. Почти все свободное время Денисъ проводилъ у Марка и мнѣ не разъ самому приходилось слышать, по вечерамъ, сердитые окрики его жены, раздававшіеся изъ-за плетневаго забора, отдѣлявшаго нашъ дворъ отъ Семена. Позднѣе—осенью и зимой разъяренная супруга Дениса врывалась иногда къ намъ въ домъ и здѣсь часто происходила пренепріятная супружеская перебранка. Мнѣ не разъ приходилъ въ голову вопросъ: „что такъ неудержимо влекло Дениса къ намъ, собственно къ Марку“? Прежде всего, разумѣется, однообразіе и скука домашней жизни, въ которой всѣ часы досуга проходили въ снѣ. Марко къ этому времени научился порядочно читать и любилъ чтеніе, въ особенности Шевченко, благодаря чему подаренная Марку книжка стихотвореній Шевченко распухла, пріобрѣла толщину въ три раза больше нормальной и была такъ затаскана и испачкана грязными руками чтеца, что нѣкоторыя строки стихотвореній трудно было разобрать; но этого и не требовалось, такъ какъ именно эти строки и чтецъ, и слушатели знали наизусть. Къ концу лѣта къ Марку, кромѣ Дениса, стали приходить еще двое сосѣдей—мірошникъ (мельникъ) Мына и Егоръ. Оба они были тоже женаты, но женъ ихъ я никогда не видѣлъ, такъ какъ они жили подальше отъ насъ. Егоръ былъ какой-то безвѣстный человѣчекъ, ничѣмъ не выдавался и все больше молчалъ. Не таковъ—

Мына. Онъ слылъ въ Козлѣ и въ окрестныхъ деревняхъ за очень искуснаго мельника и строителя мельницъ, причемъ главное искусство заключалось въ выборѣ и постановкѣ жернововъ. Благодаря этому у Мыны всегда водилась копѣйка на выпивку и онъ частенько приходилъ къ намъ подъ хмѣлькомъ. Огромная, широкоплечая фигура Мыны, вседа испачканнаго мукой, съ открытымъ зарумяненнымъ лицомъ и шапкой русыхъ волосъ, покрытыхъ потертымъ и расплющеннымъ, въ видѣ блина, картузомъ густо обсыпаннымъ мукой, мнѣ очень нравилась. Въ противоположность Денису, онъ говорилъ медленно, не торопясь, и всегда какъ будто поучалъ слушателей. Онъ не долюбливалъ Дениса за его быструю рѣчь и движенія и называлъ „тараторкой“. Между ними часто завязывались споры, особенно при оцѣнкѣ разныхъ лицъ, преимущественно изъ деревенскихъ богатѣевъ, имѣвшихъ вліяніе на сельскихъ сходахъ. Мына относился къ нимъ безъ разбора, одинаково презрительно. Денисъ же дѣлалъ между ними различіе. Изъ этихъ споровъ для меня выяснились характеры и наклонности спорщиковъ: Мына былъ умный и дѣловой человѣкъ, но почти совсѣмъ не интересовался дѣлами общественными, тогда какъ Денисъ, нисколько не уступая въ умѣ первому, этими дѣлами очень интересовался, не разъ говорилъ мнѣ, что почти всегда бываетъ на сельскихъ сходахъ, хотя, къ сожалѣнію, не имѣетъ на нихъ права голоса, пока живъ его отецъ.

Мына очень интересовался грамотой и просилъ Марка научить его, но Марко откладывалъ дѣло до зимы, такъ какъ лѣтомъ у него совсѣмъ не было времени.

Выѣзды свои по ближайшимъ деревнямъ я теперь дѣлалъ одинъ, безъ Марка и все больше и больше ознакамливался съ населеніемъ сосѣднихъ деревень.

Амбулаторія въ Козлѣ, особенно по праздничнымъ днямъ, возрастала. Для меня теперь все больше и больше выяснялось, что дѣятельность земскаго врача въ участкѣ можетъ быть производительна на радіусѣ въ 10—15 верстъ. На такихъ разстояніяхъ врачъ не только можетъ своевременно являться по требованію къ тяжко больнымъ, но нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ можетъ посѣщать во 2-й и 3-й разъ. Но что всего важнѣе, при такихъ условіяхъ мыслима болѣе или менѣе правильная амбулаторія и леченіе коечныхъ больныхъ въ больницѣ. И какъ я былъ обрадованъ, прочитавъ въ журналѣ д-ръ Сиримона „Медицинское Обозрѣніе“, что къ такому же почти выводу пришли земскіе врачи Московской губерніи.

впервые провозгласившіе принципъ *стаціонарной* организаціи земской медицины, причемъ *участковая больница* и постоянная при ней амбулаторія являлись краеугольнымъ камнемъ этой организаціи.

При радіусѣ участка даже въ 20 верстъ, думалось мнѣ, еще возможно допустить, и такіе случаи бывали нерѣдки, когда больные являлись къ врачу за помощью въ амбулаторію, но приходъ или пріѣздъ больныхъ за 40 верстъ, если и случался, то уже какъ исключеніе. Что-же дѣлать съ этими далекими деревнями, находящимися на периферіи участка? Вѣдь гласные съ тѣхъ мѣстъ никогда не помирятся съ совершенно безполезнымъ для нихъ налогомъ на земскую медицину. Приходится мириться съ поѣздками въ тѣ мѣста, но производить эти поѣздки какъ можно рѣже, чтобы, разъѣзжая тамъ по недѣлямъ, не лишиться больныхъ изъ деревень, ближайшихъ къ больницѣ, которые, не заставъ врача дома, разъ-другой, потеряютъ всякую охоту искать медицинской помощи. Остановившись на этомъ рѣшеніи, я успокоился, сталъ ревностнѣе относиться къ больницѣ, амбулаторіи и вызовамъ по частнымъ требованіямъ, которыхъ, естественно, всего больше было изъ ближайшихъ ко мнѣ деревень. Къ тяжелымъ больнымъ въ Козлѣ я ждалъ только перваго приглашенія, а затѣмъ уже навѣщалъ ихъ до исхода заболѣванія, не ожидая дальнѣйшихъ приглашеній. Такимъ образомъ создавалась болѣе или менѣе правильная медицинская дѣятельность. Душевная тревога по вопросу о полезности и необходимости земской медицины понемногу утихала.

Въ настоящее время, когда противъ основныхъ принциповъ стаціонарной системы никто ужъ не споритъ, врачи могутъ хлопотать о большихъ удобствахъ личной жизни въ деревнѣ: удобной квартирѣ для врача, близости желѣзной дороги и проч. Но тогда, когда мы ощупью искали путей къ правильной организаціи,—провозглашеніе принципа *стаціонарности* для сельской медицины было настоящимъ открытіемъ. Я былъ безконечно благодаренъ журналу „Медицинское Обозрѣніе“ за статью о стаціонарной системѣ и рѣшилъ въ первую-же поѣздку взять ее съ собою въ городъ—прочитать Ник. Ник., а его просить передать эту книжку Карпинскому. Какъ оказалось, Карпинскій также заинтересовался статьей и обѣщалъ осенью, передъ земскимъ собраніемъ, собрать совѣщаніе врачей и тамъ потолковать объ этомъ.

Работа Марка съ мебелью подвигалась впередъ. Нѣсколько новыхъ кроватей были выкрашены и уже поставлены въ больницѣ; кое-что изъ постельнаго бѣлья также было уже готово и я сталъ понемногу приводить свою больницу въ порядокъ. Какъ разъ къ этому времени женился мой фельдшеръ на дочери своего хозяина, богатой казачкѣ, противъ воли ея братьевъ. У нихъ пошли семейныя ссоры и фельдшеръ съ молодою женою перебрался на жительство въ больницу. Я былъ доволенъ этимъ, такъ какъ теперь непосредственный надзоръ за больницей былъ обезпеченъ, къ тому же жена фельдшера оказалась хорошей хозяйкой и зорко наблюдала за чистотой въ больницѣ, за прислугой и приготовленіемъ пищи для больныхъ.

Приближалась осень 1876 года. Въ концѣ сентября насъ просили поторопиться составленіемъ годовыхъ отчетовъ къ предстоящему земскому собранію. Никакой программы для составленія отчетовъ въ тѣ времена еще не было и каждый врачъ писалъ по своему собственному плану. Принялся и я за отчетъ. При сведеніи итоговъ годичной дѣятельности и раздѣленіи больныхъ на категоріи по мѣсту поданія имъ медицинской помощи, у меня оказалось всего 1500 больныхъ, принятыхъ въ Козлянской амбулаторіи и около 40 коечныхъ больныхъ. Такія малыя цифры меня мало смущали, такъ какъ я зналъ, что и онѣ появились за конецъ года, когда почти съ каждымъ днемъ амбулаторія увеличивалась. Это означало, что медицинское дѣло въ Козлѣ прививалось и дальнѣйшее его развитіе обезпечено. Наконецъ, годовой отчетъ былъ оконченъ и отосланъ въ управу. Послѣ я узналъ, что предсѣдатель управы, прочитавшій внимательно всѣ наши отчеты, говорилъ о нихъ съ Карпинскимъ, а тотъ просилъ ихъ передать на пересмотръ д-ру Л.

Такимъ образомъ, ко времени медицинскаго совѣщанія наши отчеты были уже извѣстны 3 членамъ этого совѣщанія. Въ срединѣ октября насъ вызвали въ городъ. Вечеромъ явились все тѣ же врачи, что и въ прошломъ году. Дѣло началось съ чтенія нашихъ отчетовъ. Предсѣдатель предложилъ, чтобы не затягивать засѣданія, дѣлать замѣчанія на отчеты только по прочтеніи всѣхъ ихъ. Самымъ серьезнымъ и придирчивымъ критикомъ отчетовъ и всей нашей земско-медицинской дѣятельности явился д-ръ Л. Собственно говоря, онъ былъ даже принципіальнымъ противникомъ всего направленія нашей медицинской дѣятельности, исключительно лечебной, и сторонникомъ санитарнаго направленія, что въ тѣ

времена было совершенною новостью. Доводы свои онъ, главнымъ образомъ, обосновывалъ на примѣрѣ Англіи, гдѣ, съ развитіемъ санитарной дѣятельности, явилось поразительное уменьшеніе смертности. Съ этой точки зрѣнія онъ критиковалъ наши отчеты, не находя въ нихъ и тѣни излюбленной имъ санитаріи. Такъ, онъ упрекалъ насъ: 1) въ небрежности нашей отчетности по оспопрививанію, этого единственнаго предупредительнаго мѣропріятія въ борьбѣ съ натуральной оспой, 2) въ отсутствіи таблицъ рождаемости и смертности и выводовъ изъ нихъ о приростѣ населенія, 3) въ отсутствіи указанія причинъ развитія эпидемій и эндемій и карты заболѣваемости острозаразными болѣзнями, и, наконецъ, 4) въ отсутствіи необходимаго, по его мнѣнію, медико-топографическаго описанія участковъ.

Повторяю, что новое направленіе въ медицинѣ, провозглашенное теперь д-ромъ Л., котораго послѣ этого мы почему-то прозвали де-Ливрономъ, поразило всѣхъ, и всѣ ему возражали, но больше всѣхъ кипятился я, потому что Л. не придавалъ никакого значенія стаціонарной организаціи земской медицины, рѣшительнымъ сторонникомъ которой я теперь становился.

Споръ затянулся у насъ далеко за полночь, и единственное соглашеніе, къ которому мы тогда пришли почти единогласно, состояло въ томъ, что намъ необходимо заняться выработкой программы отчетности, которая была бы обязательна для всѣхъ врачей нашего уѣзда. Я возвратился въ деревню недовольный послѣднимъ совѣщаніемъ.

Наступили хмурые осенніе дни,—чуть не ежедневно лились дожди, въ деревнѣ стояла непроѣздная грязь. Два раза въ день я ѣздилъ въ больницу. Проѣхать селомъ въ экипажѣ нечего было и думать, отъ чего чаще приходилось ѣздить верхомъ и объѣзжать деревню кругомъ, версты за двѣ, полемъ. Но еще хуже, разумѣется, приходилось выѣзжать въ другія деревни, а это было теперь необходимо, потому что въ Козлянской волости, въ деревняхъ, расположенныхъ ближе къ городу, появился брюшной тифъ. Я ѣздилъ туда не менѣе одного раза въ недѣлю, а иногда и чаще.

Въ концѣ октября открывалось земское собраніе, къ концу котораго, когда долженъ былъ идти вопросъ о медицинѣ, поѣхалъ въ городъ и я. Собраніе происходило въ управѣ, гдѣ не было большой залы, а между тѣмъ посторонней публики собралось много.

Дѣленіе гласныхъ на либераловъ и консерваторовъ и отношенія между партіями были здѣсь еще рѣзче чѣмъ въ Н., потому что консерваторы почти всѣ были помѣщики, живущіе доходами отъ своихъ имѣній, а большинство либераловъ состояло изъ *служилой* интеллигенціи. Общаго между этими двумя партіями даже въ экономическомъ отношеніи ничего не было. Не было между этими партіями и средины, въ видѣ казачьей партіи въ Н. Были и здѣсь, правда, гласные изъ казаковъ и крестьянъ, но всѣ они выглядѣли какими-то забитыми и во всякомъ случаѣ не имѣли такихъ главарей, какими были въ Н. Посенко, Сиренко, Зоценко и другіе, да и гласныхъ крестьянско-казачьей партіи здѣсь было меньше, чѣмъ въ Н.

Дворяне-консерваторы объединились вокругъ своего предводителя дворянства П. Чахоточный и злой, онъ вѣчно кипятился и сталкивался съ Карпинскимъ, который игралъ съ нимъ, какъ кошка съ мышкой. Консерваторы, какъ водится, обрушивались на медицину и на школы. Управа въ своемъ докладѣ по народному здравію выразила благодарность земскимъ врачамъ за ихъ дѣятельность. Эта благодарность подлила масла въ огонь: посыпались нападки на врачей, что они дармоѣды, сидятъ дома, никуда не ѣздятъ. Предводитель и одинъ изъ гласныхъ моего участка заявили, что въ ихъ деревняхъ никогда не бывалъ земскій врачъ. Меня это страшно разозлило и я, что называется,—не взвидѣлъ свѣта, обратился изъ публики къ предсѣдателю, требуя дать мнѣ право сказать слово въ свое оправданіе. Предводитель опалѣлъ отъ неожиданности и я думалъ, что онъ меня попроситъ выйти изъ залы засѣданія. Противники П. потребовали, чтобы мнѣ было разрѣшено говорить. Я сказалъ гласному П., что въ его деревнѣ, гдѣ теперь свирѣпствуетъ брюшной тифъ, я бываю еженедѣльно и помню имена больныхъ, которыхъ посѣщаю и назвалъ ихъ. Гласный этотъ, живя постоянно въ городѣ, разумѣется не зналъ этого, послѣ моихъ словъ сконфузился и извинился. Объясненія мои съ предводителемъ вышли ужъ совсѣмъ курьезными. Дѣло въ томъ, что деревня его когда-то, до пріѣзда д-ра Яворскаго, принадлежала въ теченіе двухъ мѣсяцевъ къ моему участку, во время объѣзда котораго я тамъ былъ, принималъ больныхъ и даже *ночевалъ* въ домѣ самого предводителя, благодаря любезности его старухи-экономки, чего, разумѣется, не зналъ П. Я сказалъ ему, что лечилъ, живущаго рядомъ съ его усадьбой, какого-то отставного солдата, лечилъ его экономку и

другихъ больныхъ и прибавилъ, что, пользуясь теперь случаемъ, я, хоть и нѣсколько поздно, благодарю его за гостепріимство, т. е. за ночлегъ въ его домѣ. Моя ироническая благодарность вызвала сильное замѣшательство у П. и громкій, неудержимый смѣхъ почти всего собранія. П. растерялся и объявилъ перерывъ засѣданія. Во время перерыва всѣ гласные, часть публики и мы, врачи, отправились закусывать въ ближайшую гостиницу. Пришелъ туда и П. Меня встрѣтили тамъ знакомые гласные дружными рукопожатіями и смѣхомъ, а кто-то, несмотря на присутствіе здѣсь П., обращаясь ко мнѣ, громко сказалъ: „Вотъ видите, какъ выгодно иногда бываетъ заночевать у предводителя". Раздался снова смѣхъ и П. позеленѣлъ отъ злости. Съ этого времени до конца моего пребыванія въ Чер—скомъ земствѣ я имѣлъ въ П. злѣйшаго и непримиримаго врага.

Медицинскій вопросъ въ собраніи прошелъ совсѣмъ благополучно. Предсѣдатель и его компанія совсѣмъ присмирѣли и даже не слышалось никакихъ возраженій, когда читали вдвое увеличенную смѣту на Козлянскую больницу—вмѣсто 200—400 руб.

V.

Дожди все не переставали лить. День настолько укоротился, что его не хватало иногда для исполненія всѣхъ вызововъ къ больнымъ даже въ самомъ Козлѣ, и нѣкоторыя посѣщенія больныхъ приходилось откладывать до другого дня. Зато вечера становились необъятно велики. Я давно уже утратилъ то чувство одиночества, какое испытывалъ когда-то въ Вересаевкѣ и, отчасти, въ Михайловкѣ. Деревня уже не представлялась мнѣ какой-то безлюдной пустыней. У меня теперь по вечерамъ собиралось свое общество: Дынысъ, Мына и Егоръ стали нашими ежедневными гостями. Я началъ обучать ихъ грамотѣ. Дѣло началось съ того, что Марко спросилъ у меня однажды совѣтъ, какъ ему быть съ Дынысомъ и Мыной, что они прохода ему не даютъ своими приставаніями—обучить ихъ читать и писать.

— А мені такъ обрыдло, якъ мене вчивъ старый діаконъ «буки азъ—ба», що хай имъ бисъ съ ихъ грамотою—энергично закончилъ Марко.

Тогда я вспомнилъ разговоры о быстромъ обученіи грамотѣ съ помощью звукового метода и рѣшился поговорить при свиданіи

съ учителемъ, нельзя-ли достать у него подвижныхъ буквъ и посовѣтоваться на счетъ обученія. И вотъ черезъ нѣсколько дней, вечеромъ, мы съ тремя своими бородатыми учениками разсѣлись вокругъ стола и пошло у насъ шипѣнье, гудѣнье и всякая звуковая галиматья. Но надо было видѣть умиленныя лица моихъ бородатыхъ учениковъ, когда они могли сложить первое слово: б-а-б-а. Особенно хохоталъ и неистовствовалъ экспансивный Дынысъ, такъ что на шумъ и смѣхъ пришелъ къ намъ Марко, оторвавшись отъ какого-то дѣла.

— Що тутъ у васъ діется? спрашивалъ Марко. Въ отвѣтъ Дынысъ торжественно показываетъ ему 4 буквы подвижной азбуки и читаетъ: „б-а-б-а". Марко высказываетъ сомнѣніе въ умѣніи Дыныса: „Ти брешешь, хиба ти вміешь". Тогда я приказываю Егору выбрать изъ смѣшанныхъ буквъ и сложить „б-а-б-а", что тотъ довольно скоро исполняетъ. Удивленіе Марка возрастаетъ, но онъ все таки, видимо, ничего не понимаетъ. Въ слѣдующіе дни онъ присутствовалъ во время нашихъ занятій и послѣ говорилъ мнѣ съ упрекомъ, почему я раньше не научилъ его грамотѣ такимъ легкимъ способомъ.

Занятія наши шли аккуратно въ тѣ вечера, когда я бывалъ дома, не въ участкѣ, и дѣло помаленьку подвигалось. Особенно большіе успѣхи дѣлалъ Мына, которому больше всего нравилось писаніе. Онъ и дома въ свободное время писалъ разныя каракули и приносилъ мнѣ показывать. Все шло-бы хорошо, но не прошло и двухъ недѣль, какъ Марко сообщилъ намъ о своемъ разговорѣ съ хозяйкой по поводу нашихъ занятій. На улицахъ молодыя бабы стали подсмѣиваться надъ женами моихъ учениковъ, говоря, что ихъ мужья ходятъ учиться, причемъ прибавляли, что этимъ ученикамъ не столько нужно ученье, сколько—пить у пана чай съ сахаромъ.

Всѣ мы смѣялись надъ этимъ; одинъ только Дынысъ не смѣялся. У него, повидимому продолжались сцены со своей бабой и, дѣйствительно, какъ то позже, зимой уже, пришелъ Дынысъ раньше другихъ и горько жаловался мнѣ, что у него нѣтъ «ніякого зладу съ жинкой», что сегодня, напримѣръ, она нарочно гдѣ то спрятала его шапку, разсчитывая, что по морозу онъ безъ шапки не пойдетъ ко мнѣ и что это дѣлается уже не въ первый разъ.

Тифъ въ Козлянской волости не прекращался и въ декабрѣ. Однажды я посовѣтовалъ привезти одного тифознаго, въ болѣе

тяжелой формѣ, въ больницу. Въ тѣ времена и въ клиникахъ тифозныхъ не отдѣляли отъ другихъ больныхъ. Однако-жъ, мой тифозный причинилъ въ Козлянской больницѣ много бѣдъ: всѣ, лежащіе тамъ, 6 человѣкъ, заразились и переболѣли тифомъ, а одинъ изъ нихъ, принятый въ больницу съ острымъ воспаленіемъ роговой оболочки глаза, не только перенесъ тяжелый тифъ, но лишился и ноги, такъ какъ тифъ у него осложнился гангреной конечности, послѣ чего ему пришлось отнять ногу. Часто мнѣ потомъ приходилось встрѣчать этого несчастнаго въ его деревнѣ на деревяшкѣ (нога отнята была до колѣна) и всякій разъ меня пронизывало острое чувство горечи за причиненное несчастье. Но что дѣлать? Въ такомъ состояніи находилась тогда наша наука.

Какъ бы въ отместку за всѣ несчастія, нечаянно причиненныя мною больницѣ, я и самъ захворалъ брюшнымъ тифомъ. Отчетливо припоминается мнѣ теперь начало моего заболѣванія. Послѣ объѣзда тифозныхъ меня вызвали къ одному помѣщику. Я уѣхалъ туда съ начавшеюся у меня съ утра головною болью. У помѣщика пришлось заночевать и я не спалъ всю ночь отъ головной боли. На слѣдующій день утромъ пріѣхалъ домой и вечеромъ почувствовалъ небольшой ознобъ, выпилъ нѣсколько стакановъ малины, все еще не подозрѣвая настоящаго своего заболѣванія, и только на другой день, когда, послѣ безсонной ночи, я уже не могъ вставать съ постели — я не сомнѣвался, что у меня тифъ. Послалъ за фельдшеромъ и просилъ его навѣщать меня и лечить по моимъ указаніямъ до того времени, пока я не стану назначать себѣ что нибудь несуразное; а тогда уже ѣхать на моихъ лошадяхъ въ городъ и сказать Ник. Ник. и предсѣдателю управы, чтобы они дѣлали со мной, что заблагоразсудятъ. На 9-й или 10-й день болѣзни я сталъ уже очень бредить и фельдшеръ отправился въ городъ объявить о моей болѣзни. Тамъ подняли суету: никто изъ докторовъ городскихъ не хотѣлъ ѣхать, такъ какъ въ тотъ день была большая мятель и на дорогѣ навѣяло сугробы снѣга. Согласился, наконецъ, ѣхать одинъ вольно-практикующій врачъ, широко практиковавшій, особенно среди бѣдняковъ, нѣкто д-ръ Сикорскій. Марко потомъ разсказывалъ мнѣ, съ какими затрудненіями онъ въ ту ночь возилъ Сикорскаго въ Козелъ и обратно.

Сикорскій черезъ нѣсколько дней пріѣзжалъ ко мнѣ, а потомъ побывали и товарищи по службѣ — В—скій и Яворскій, но ничего этого я самъ не помнилъ и все мнѣ потомъ разсказывали окружающіе. Очнулся я только на 21-й день болѣзни и увидѣлъ около

себя дорогое лицо моего друга и товарища по курсу, Афанасія Ивановича М—ча. Оказалось, что онъ жилъ у меня уже больше недѣли, окружалъ меня старательнымъ уходомъ, усердно лечилъ ваннами, противъ чего я, по его словамъ, выказывалъ сильное сопротивленіе.

Еще до моей болѣзни наша управа пригласила Афанасія Ивановича врачомъ въ Горбатовскій участокъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Ч., ему сказали, что я боленъ и онъ отправился въ Козелъ лечить меня и завѣдывать моимъ участкомъ до моего выздоровленія. Какъ только понизилась температура, я сталъ быстро поправляться и чрезъ недѣлю уже кое-какъ передвигался по комнатѣ. Афанасію Ивановичу предстояло теперь большое затрудненіе съ кормленіемъ меня. Аппетитъ у меня былъ громадный, а кормить въ деревнѣ было нечѣмъ, такъ какъ хозяйка не отличалась большимъ искусствомъ въ кулинарномъ дѣлѣ. Рѣшено было отвезти меня въ городъ, гдѣ Ник. Ник. уступалъ двѣ комнаты, а столъ можно было носить изъ гостинницы. Это было въ концѣ рождественскихъ праздниковъ. Я прожилъ въ городѣ почти до конца января и когда окончательно оправился, сталъ ежедневно посѣщать губернское земское собраніе. Въ этотъ годъ губернское собраніе прошло очень бурно и даже было закрыто раньше срока. Причиной было обращеніе правительства къ земству,— оказать ему помощь въ борбѣ съ крамолой. Собраніемъ избрана была коммисія для составленія отвѣта. На другой день, когда я подъѣхалъ къ собранію, у наружныхъ дверей стояли жандармы и никого изъ публики не пропускали въ залъ засѣданія. Народу собралась порядочная кучка и всѣ мы ни съ чѣмъ разошлись по домамъ, такъ какъ собраніе было закрыто губернаторомъ. Знакомые гласные потомъ передавали, что, когда докладчикъ, гласный Н. Н—вичъ, сталъ читать отвѣтъ правительству, предсѣдатель остановилъ его, послѣ чего вмѣстѣ съ докладчикомъ добрая половина собранія удалилась, а присутствовавшій здѣсь, вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ, губернаторъ закрылъ собраніе. Въ городѣ шли самые разнообразные толки по поводу этого инцидента, по рукамъ ходила копія недопущеннаго къ прочтенію доклада коммиссіи.

Дома меня ждала большая непріятность: мой вѣрный Марко, который былъ для меня скорѣе совѣтникомъ и другомъ, чѣмъ слугою, оставлялъ меня навсегда. Еще раньше, вскорѣ послѣ моего выздоровленія, Марко просился съѣздить къ роднымъ въ

Вересаевку. Я съ удовольствіемъ отпустилъ его отдохнуть послѣ возни со мною, больнымъ. Марко возвратился отъ родныхъ не одинъ, а со своимъ старшимъ братомъ и объявилъ, что долженъ уходить отъ меня, потому что отецъ и мать требуютъ, чтобы онъ женился и занимался дома хозяйствомъ. Я былъ совершенно ошеломленъ этимъ извѣстіемъ. Придя въ себя, я спросилъ Марка: „Чи-жъ тоби не жалко кыдать мене"?

— Якъ не жалко, отвѣтилъ онъ: жалко и Васъ и коней, и своего тутъ житья, такъ що-жъ маю робыты: батько и маты велятъ.

На мои дальнѣйшіе вопросы: нравится ли ему невѣста, онъ отвѣчалъ полнымъ безразличіемъ: „батько и маты велять".

Въ этомъ заключался весь смыслъ и строй крестьянской жизни.

Я просилъ Марко подождать съ недѣлю, такъ какъ мнѣ надобно было найти деньги, чтобы расплатиться съ нимъ, да и пріискать ему замѣстителя. Были пущены въ ходъ всѣ наши деревенскія связи и знакомства, чтобы найти замѣстителя Марка. Наконецъ спустя нѣсколько дней, найденъ былъ безземельный казакъ Грыцько, человѣкъ уже не молодой, лѣтъ 40 и многосемейный. Дня два Марко его пріучалъ къ нашему нехитрому домашнему обиходу и къ уходу за лошадьми. Послѣднихъ, какъ мнѣ казалось, Марко жалѣлъ больше, чѣмъ меня. Наступило, наконецъ, прощаніе и отъѣздъ Марка. Наканунѣ мы ѣздили съ нимъ куда то недалеко отъ Козла. Я попытался еще разъ уговаривать Марка остаться здѣсь и, если ужъ ему такъ надобно жениться и хозяйничать, такъ ужъ лучше жениться на знакомой намъ богатой дѣвушкѣ, которая была неравнодушна къ нему да и ему самому нравилась. Марко отвѣчалъ, что ему очень тяжело уѣзжать отсюда, но что невозможно бросать своихъ стариковъ и хозяйство, что отецъ его уже очень старъ и становится совсѣмъ негоднымъ къ работѣ, а старшій братъ, хотя и трудяга, но „не дуже дотепный до работы", что старая ихъ хата почти валится и весною ее надо непремѣнно переставить.

Прощаніе было тяжелое: къ намъ пришли нѣсколько человѣкъ, знакомыхъ Марка. Онъ угощалъ ихъ водкой и чуть не плакалъ. На прощаніе онъ обѣщалъ намъ писать, но мнѣ пришлось получить отъ него изъ Вересаевки всего одно письмо.

Еще во время моей болѣзни къ хозяйкѣ пріѣхалъ ея мужъ, Григорій Петровичъ Дудукаловъ. Онъ былъ лѣтъ на 10—15

моложе своей жены, любилъ сильно выпить и въ такомъ видѣ поколачивалъ свою супругу, которую, очевидно, не любилъ. „Грыша“, какъ его всѣ звали, по виду совсѣмъ не былъ похожъ на деревенскаго обывателя, хотя происходилъ изъ мѣстныхъ казаковъ. Онъ носилъ кургузый городской пиджакъ и свысока посматривалъ на моихъ пріятелей -Дыныса и Мыну. Съ перваго раза мнѣ этотъ „Грыша“ очень не понравился, но Мына и Дынысъ относились къ нему хорошо, называя его хотя и „дурнымъ“, т. е. глупымъ, нехозяйственнымъ, но добрымъ человѣкомъ. Они больше недолюбливали жену его за скупость. Однажды Грыша явился къ намъ вечеромъ совсѣмъ пьянымъ и сталъ куражиться. Я попросилъ его выйти и больше въ такомъ видѣ ко мнѣ не являться. Долго я потомъ не видѣлъ своего хозяина и даже думалъ, что онъ совсѣмъ уѣхалъ изъ Козла, но онъ не уѣхалъ и въ какой-то праздничный день явился ко мнѣ совсѣмъ трезвый, просилъ извиненія за свое прежнее неприличное поведеніе и выразилъ желаніе бывать у меня и пользоваться книгами, которыми, какъ ему показалось, я былъ очень богатъ. Я далъ ему какую-то книженку для легкаго чтенія и, такимъ образомъ, между нами состоялось примиреніе. Къ тому-же и хозяйка какъ то сказала мнѣ, что ея Грыша значительно исправился: рѣже напивался пьянымъ, не бранитъ и не колотитъ ее. Съ этого времени Грыша сталъ частенько заглядывать ко мнѣ и, когда я былъ свободенъ, присаживался побесѣдовать. Я мало-по-малу сталъ убѣждаться, что онъ дѣйствительно не дурной человѣкъ, но какой-то ломаный и легкомысленный. Трезвый онъ хорошо отзывался о своей женѣ, находя ее недурной хозяйкой, хотя и не любилъ за крайнюю скупость, говоря при этомъ, что, по ихъ состоянію и при отсутствіи дѣтей, онъ могъ бы обходиться и безъ службы, но скупость жены вынуждаетъ его служить. Я очень хорошо видѣлъ и зналъ, что не все зависѣло отъ скупости жены, что его собственная лѣнь и пьянство вынуждали жену быть разсчетливой, иначе они бы раззорились, и муженекъ спустилъ-бы всю свою землю. Но Грыша былъ еще молодой человѣкъ и довольно мягкаго характера; вся бѣда происходила отъ пьянства и съ этимъ его недостаткомъ я разсчитывалъ бороться.

Въ больницѣ у меня дѣло шло недурно. По пріѣздѣ я произвелъ тщательную очистку палатъ, бѣлье было вымыто и ремонтировано и, когда все было окончено, на всѣ 6 коекъ уже имѣлись кандидаты. Амбулаторія тоже замѣтно увеличилась. Я

произвелъ объѣздъ всего участка, но не вдругъ, а по частямъ, чтобы надолго не отлучаться отъ больницы. Но вотъ наступилъ мартъ и неизбѣжная распутица. Я сталъ рѣже выѣзжать. Свободнаго времени прибавилось. Въ это время какъ то зашелъ ко мнѣ учитель Максименко и разсказывалъ, какъ на дняхъ къ нему неожиданно пріѣхалъ предводитель П. и сталъ производить ревизію училища. Зайдя потомъ къ нему въ комнату, П. увидѣлъ на столѣ развернутую книгу и полюбопытствовалъ посмотрѣть ее. Книга эта была,—недавно подаренная мною „Жизнь европейскихъ народовъ“ Водовозовой. Прочитавъ заглавіе книги, П. сдѣлалъ удивленную, почти испуганную мину и спросилъ, откуда у него эта книга? Учитель сказалъ, что книга подарена ему земскимъ докторомъ. П. объявилъ, что онъ возьметъ эту книгу съ собой и дѣйствительно взялъ ее.

Инциденту этому мы тогда не придали никакого значенія, но каково-же было наше удивленіе, когда я узналъ, что книгу эту П. увезъ съ собою въ городъ, какъ доказательство моей политической неблагонадежности и немедленно созвалъ засѣданіе училищнаго совѣта, куда и представилъ поличное моего вреднаго образа мыслей и вліянія на учителей. Присутствовавшій въ училищномъ совѣтѣ гласный К., бывшій учитель гимназіи, со смѣхомъ замѣтилъ П., что это цензурное изданіе и предназначено для дѣтскаго и юношескаго возраста. Въ городѣ много говорили объ этомъ и смѣялись, что, разумѣется, еще больше озлобляло противъ меня предводителя.

Учитель снова сталъ жаловаться, что у него плохо идетъ дѣло съ міровѣдѣніемъ, а между тѣмъ въ маѣ будутъ экзамены, на которые онъ готовитъ къ выпуску мальчиковъ 5 или 6.

Долго мы толковали о томъ минимумѣ познаній по міровѣдѣнію, какія, по нашему мнѣнію, соотвѣтствуютъ и недолгому сроку обученія въ школахъ, и возрасту оканчивающихъ въ нихъ курсъ, и, наконецъ, выработали сообща небольшую программу по этому предмету. Максименко просилъ меня время отъ времени заглядывать въ школу—провѣрять, какъ идетъ у него это дѣло, а когда у меня выберется нѣсколько свободныхъ часовъ, то заняться съ выпускными и сообщить имъ самое необходимое по анатоміи и физіологіи человѣка. У меня были анатомическія картины и нѣкоторыя кости скелета. Учитель просилъ все это взять съ собой въ школу и показать дѣтямъ, тогда уроки выйдутъ нагляднѣе и надолго все уляжется въ памяти.

Я согласился и предложилъ въ послѣобѣденные часы заѣзжать къ нему въ школу. Я сталъ ѣздить въ школу, правда, не регулярно, но все-же довольно часто и дѣти охотно слушали мои бесѣды и тутъ же повторяли своему учителю все отъ меня слышанное. Мы оба были довольны ходомъ занятій, но до меня стали доходить слухи о томъ, что бывшій становой Троцкій распространяетъ между родителями учениковъ слухи, что докторъ не зря возится съ ними, а что онъ готовитъ изъ нихъ фельдшеровъ къ ожидавшейся тогда турецкой войнѣ и что, какъ только ученики выдержатъ экзаменъ, ихъ всѣхъ заберутъ на войну фельдшерами. Несмотря на всю нелѣпость распускаемыхъ слуховъ, нѣкоторые изъ учениковъ перестали ходить въ школу на мои уроки и жаловались учителю, что родители ихъ не пускаютъ, боясь, что ихъ потомъ заберутъ на войну. Учитель позвалъ въ школу родителей этихъ дѣтей, растолковалъ имъ всю нелѣпость распускаемыхъ школьными недоброхотами слуховъ, пояснивъ, какая-бы это была смѣшная война, на которую понадобились 12—13 лѣтнія дѣти. Тѣмъ это дѣло и кончилось и ученики снова начали ходить на уроки. Занятія мои въ школѣ продолжались, впрочемъ, не долго: наступила пасха, а потомъ стали просыхать дороги и мнѣ уже было не до школы. Въ апрѣлѣ заболѣлъ мой неукротимый врагъ въ Козлѣ—Троцкій. Онъ схватилъ крупозное воспаленіе легкихъ и слегъ въ постель. Такъ какъ Троцкій жилъ рядомъ съ больницей, то мнѣ чуть не ежедневно сообщали о ходѣ его болѣзни. Въ началѣ болѣзни ему совѣтовали обратиться ко мнѣ за медицинской помощью, но гордый старикъ отвѣтилъ, что онъ не хочетъ кланяться молокоссу, а пригласитъ изъ города самого врачебнаго инспектора. Съ большими затрудненіями привезли инспектора къ больному, въ другой разъ онъ не поѣхалъ, а болѣзнь подтачивала и безъ того ослабленныя старостью силы больного. Въ концѣ концовъ Троцкій вынужденъ былъ послать за мной. Я тотчасъ-же отправился къ больному, но было уже поздно: наступалъ 10-й или 11-й день болѣзни, а воспаленіе и не думало разрѣшаться, между тѣмъ, при очень высокой температурѣ, силы больного падали и онъ уже началъ бредить. Приходя въ себя, Троцкій узнавалъ меня и умолялъ спасти его. Я бывалъ у больного по нѣсколько разъ въ день, но черезъ два дня его не стало. Тяжела была обстановка умиравшаго Плюшкина. Троцкій былъ старый холостякъ и у него, кромѣ прислуги, никого не было

близкихъ. Въ послѣдніе дни, правда, наѣхало къ нему нѣсколько дальнихъ родственниковъ изъ города и другихъ уѣздовъ, но всѣ они смотрѣли другъ на друга враждебно, не принимали никакого участія въ уходѣ за больнымъ и, видимо, съ нетерпѣніемъ ждали желаннаго для нихъ конца, т. е. смерти Троцкаго. Зато похороны справлены были очень помпезно: за гробомъ шла огромная толпа народа, а послѣ похоронъ весь обширный дворъ Троцкаго былъ занятъ обѣдавшими крестьянами, между которыми, какъ говорили, было много изъ другихъ деревень.

Такъ не стало моего злѣйшаго врага, успѣвшаго, впрочемъ, наговорить предводителю Н., его хорошему знакомому, много всякаго вздора о моихъ отношеніяхъ къ мѣстной школѣ и о моей частной жизни. И плоды этого злостнаго сплетничанья созрѣли очень скоро: въ маѣ мѣсяцѣ въ управѣ была получена бумага отъ губернатора, въ которой рекомендовалось земству внушить земскимъ врачамъ, чтобы они занимались прямымъ своимъ дѣломъ и никоимъ образомъ не касались школьныхъ дѣлъ. Тутъ дѣло шло явно обо мнѣ и о моемъ пріятелѣ Афанасіѣ Ивановичѣ, любителѣ хорового пѣнія малороссійскихъ пѣсенъ, устроившемъ хоръ изъ учениковъ Горбовскаго училища, о чемъ друзья просвѣщенія не замедлили донести губернатору.

Въ іюнѣ ко мнѣ пріѣхалъ мой старый знакомый и пріятель, михайловскій народный учитель, Николай Михайловичъ Я. Съ нимъ случилась бѣда: его *заподозрили* въ политической неблагонадежности и ему пришлось бросить учительство, а такъ какъ осенью ему предстояло отбываніе воинской повинности, то онъ задумалъ держать экзаменъ на фельдшера. Пріѣзду Николая Михайловича я былъ очень радъ, особенно теперь, лѣтомъ, когда я опять сталъ почти одинокимъ, такъ какъ по причинѣ страды рѣдко видѣлся со знакомыми крестьянами.

Николай Михайловичъ запасся всякими фельдшерскими учебниками. Я познакомилъ его съ фельдшеромъ и тотъ охотно училъ его аптекарскому дѣлу и перевязкамъ. Кромѣ того, Николай Михайловичъ не упускалъ случая ѣздить со мной въ участокъ и очень скоро сдѣлался хорошимъ помощникомъ по раздачѣ лекарствъ больнымъ. Словомъ, я нисколько не сомнѣвался въ томъ, что Ник. Мих. приготовится къ осени и выдержитъ экзаменъ, что на самомъ дѣлѣ и случилось.

Съ пріятелемъ своимъ Афанасіемъ Ивановичемъ М—чемъ я видѣлся теперь довольно часто. Еще въ университетѣ съ первыхъ

курсовъ мы довольно близко сошлись съ нимъ, хотя сходился Афанасій Ивановичъ далеко не со всѣми. Всѣ его уважали, но онъ былъ слишкомъ серьезенъ, жилъ одиноко и много занимался. Отецъ его былъ небогатый сельскій священникъ. Афанасій Ивановичъ жилъ въ университетѣ очень бѣдно. Даже позднѣе, когда получилъ казенную стипендію, половину ея онъ отдавалъ товарищу, готовившемуся въ университетъ, а на остальную половину жилъ самъ. Я, какъ теперь, помню его длинный изъ какой-то бумажной матеріи, коричневый сюртукъ, въ которомъ онъ долгое время, за неимѣніемъ другого, являлся всюду. Квартиру вмѣстѣ съ другимъ такимъ-же очень бѣднымъ товарищемъ, евреемъ, Афанасій Ивановичъ занималъ самую крохотную, а столовался въ дешевой столовой по 3 р. въ мѣсяцъ за обѣды, гдѣ безнаказанно можно было ѣсть только хлѣбъ, употребленіе же въ пищу другихъ продуктовъ было невсегда безопасно. Несмотря на такія лишенія, Афанасій Ивановичъ много работалъ сначала и до конца курса. Послѣ лекарскихъ экзаменовъ онъ оставленъ былъ ординаторомъ хирургической клиники. Мы смотрѣли на него, какъ на будущаго профессора. Но судьба готовила ему другое. Во время его ординаторства въ университетѣ произошли студенческіе безпорядки. Афанасія Ивановича обвинили во вредномъ вліяніи на студентовъ и предложили выйти въ отставку. Онъ ушелъ въ земство. Сначала служилъ въ Полтавской губерніи, но бывшій тамъ губернаторомъ Мартыновъ почему то не взлюбилъ его и настаивалъ на увольненіи его отъ службы. Узнавъ объ этомъ, Афанасій Ивановичъ перешелъ къ намъ въ Чер—скій уѣздъ. Казалось бы, что такой хорошо подготовленный и научно образованный врачъ, выросшій притомъ въ деревнѣ и искренно ей преданный, будетъ стремиться весь запасъ своихъ знаній приложить къ дѣлу. Въ немъ я разсчитывалъ найти поддержку и сотрудничество въ выработкѣ плана правильной организаціи земской медицины, но вышло иное. Работая въ деревнѣ, Афанасій Ивановичъ разочаровался въ медицинѣ и находилъ ее мало пригодной для народа. Онъ считалъ всю свою долгую и кропотливую подготовку въ университетѣ напрасно потеряннымъ временемъ. Увидавъ какъ то у Николая Михайловича фельдшерскій учебникъ Фишкина, онъ не разъ серьезно говорилъ мнѣ, что этого учебника совершенно достаточно не только для фельдшеровъ, но и для насъ, земскихъ врачей. Онъ находилъ, что земство напрасно тратитъ такія большія суммы на медицину, что народъ нашъ бѣденъ и такія траты ему не по

карману. Единственная болѣзнь, борьбу съ которой въ деревнѣ онъ признавалъ возможной и настоятельно необходимой—былъ сифилисъ. Среди крестьянъ его участка эта болѣзнь была значительно распространена. Афанасій Ивановичъ принялся ревностно искоренять ее. Въ карманахъ его всегда можно было найти бумажки съ сѣрой ртутной мазью, которыя онъ возилъ съ собой повсюду, разсчитывая вездѣ найти больныхъ сифилисомъ. Всѣ остальныя болѣзни онъ признавалъ малодоступными въ крестьянской обстановкѣ. Я горячо съ нимъ спорилъ и доказывалъ, что причина его безотраднаго взгляда на земскую медицину кроется въ безпорядочности нашей работы, въ отсутствіи какой-бы то ни было системы. Разъѣзжая изъ деревни въ деревню и подавая тамъ помощь случайно попавшимся больнымъ, при условіи, когда не только нельзя какъ слѣдуетъ прослѣдить болѣзнь, но, зачастую, не успѣвая даже установить правильнаго діагноза, какая же можетъ быть рѣчь о полезности сельской медицины?

Дальнѣйшее развитіе земской медицины должно заключаться въ правильной постановкѣ леченія въ больницахъ и постоянныхъ при нихъ амбулаторіяхъ, что возможно только при *стаціонарной*, а не при разъѣздной системѣ ея организаціи.

Выслушавъ мои доводы, Афанасій Ивановичъ скорѣе согласенъ былъ совсѣмъ упразднить земскую медицину, чѣмъ производить на нее тѣ огромныя затраты, которыя, по его мнѣнію, потребуются для стаціонарной организаціи. За то мысль доктора Л. о необходимости санитарнаго изученія и описанія участковъ такъ пришлась ему по вкусу, что онъ предложилъ мнѣ сейчасъ-же сообща выработать программу такихъ описаній. Свободнаго времени у насъ теперь было достаточно и мы рѣшили объѣхать участки и самолично сдѣлать выписки изъ метрическихъ книгъ у священниковъ о рождаемости и смертности по приходамъ. Во время этихъ разъѣздовъ я дѣятельно принялся провѣрять по оспопрививательнымъ спискамъ привитыхъ дѣтей и воочію убѣдился, какъ обманывали насъ оспопрививатели и даромъ брали отъ земства деньги за несуществовавшія прививки. Отчетъ по эпидеміямъ мы рѣшили иллюстрировать красками на картѣ уѣзда.

Такъ шло дѣло. Самочувствіе мое было самое хорошее, потому что никогда еще мнѣ не приходилось такъ весело и дѣятельно проводить лѣто въ деревнѣ, какъ именно лѣто 1877 г. И вдругъ въ августѣ я узналъ отъ Ник. Ник., что недавно Карпинскій имѣлъ обо мнѣ какой-то непріятный разговоръ съ новымъ губер-

наторомъ. Подробности этого разговора онъ не зналъ и совѣтовалъ пойти къ Карпинскому, что я сейчасъ и сдѣлалъ. Надо знать, что новый губернаторъ Д—нъ здѣсь всѣмъ понравился. Онъ былъ молодой еще человѣкъ изъ военныхъ, кажется, бывшій кавалергардъ, очень представительный и красивый брюнетъ. Разумѣется, дамы были отъ него въ восторгѣ, но и мужчинамъ онъ нравился. Земскія дѣла онъ сначала мало понималъ, но, познакомившись съ Карпинскимъ и Никол. Никол., онъ принялъ ихъ сторону въ борьбѣ съ консерваторами, особенно такими для него несимпатичными, какъ губернскій предводитель Ц. Члена губернской управы, Константиновича, онъ даже пригласилъ въ секретари губернскаго статистическаго комитета и далъ въ его распоряженіе неоффиціальный отдѣлъ Ч—скихъ Губернскихъ Вѣдомостей, ставшихъ теперь органомъ либеральныхъ земцевъ, полемизировавшихъ съ органомъ консерваторовъ —„Ч—ской Газетой". Насъ же мелкихъ сошекъ—земскихъ врачей, учителей и прочихъ служащихъ, губернаторъ не зналъ и могъ вѣрить всякимъ сплетнямъ, распространяемымъ досужими любителями.

Карпинскаго я нашелъ въ губернской управѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что дѣйствительно недавно бесѣдовалъ съ губернаторомъ, которому наговорили про меня разныхъ небылицъ о моихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, къ учителю, къ земской школѣ и пр. Нетрудно было догадаться, что все это дѣло велъ уѣздный предводитель дворянства Н., пользовавшійся свѣдѣніями о моей жизни въ Козлѣ отъ покойнаго Троцкаго. Какъ ни старался Карпинскій увѣрить губернатора, что все это сплетни, губернаторъ настаивалъ на томъ, чтобы я перешелъ въ другой уѣздъ, хотя бы той же Ч—ой губерніи, въ противномъ случаѣ ему придется выслать меня административнымъ порядкомъ. Передавая это, Карпинскій сожалѣлъ о случившемся, но совѣтовалъ покориться своей участи и уходить добровольно, не доводя губернатора до рѣшительнаго шага. При этомъ Карпинскій сказалъ, что напишетъ предсѣдателю Б—скаго земства, гдѣ онъ состоитъ гласнымъ, и мѣсто я получу навѣрняка, такъ какъ въ Б—скомъ уѣздѣ теперь имѣется вакантное мѣсто. Я согласился, но просилъ, въ свою очередь, выхлопотать у губернатора разрѣшеніе оставаться въ Козлѣ до конца земскаго собранія, такъ какъ теперь я занятъ составленіемъ отчета, въ которомъ предполагаю просить кое-что у земства для Козлянской больницы. Карпинскій далъ слово похлопотать и не сомнѣвался, что губернаторъ не откажетъ ему въ этомъ.

Съ тоской на сердцѣ я вышелъ отъ Карпинскаго; мнѣ жаль было бросать Козелъ, къ которому я такъ привыкъ въ два года, и гдѣ впервые почувствовалъ себя настоящимъ земскимъ врачемъ. Всѣ мои знакомые и въ городѣ, и въ Козлѣ непріятно были поражены этой новостью, но дѣлать было нечего.

Съ хозяиномъ „Грышей" устанавливались у меня все лучшія и лучшія отношенія. Онъ совершенно пересталъ безобразничать и однажды предложилъ мнѣ хлопотать, гдѣ слѣдуетъ, о переносѣ Козлянской больницы изъ волостного правленія на его землю, для какой цѣли онъ готовъ пожертвовать десятину земли. Предложеніе мнѣ очень понравилось и я прежде всего сталъ вести переговоры со старшиной и писаремъ. Тѣ увѣряли меня, что Козляне очень хорошо относятся къ больницѣ и къ медицинѣ и стоитъ только собрать сходъ и всѣ единогласно согласятся подарить больницу земству, а послѣднее можетъ устраивать ее гдѣ и какъ угодно. Я написалъ объ этомъ предсѣдателю управы и получилъ отвѣтъ, что это дѣло надо отложить до земскаго собранія. Вотъ объ этомъ то я и хотѣлъ просить земство въ своемъ отчетѣ и вотъ почему мнѣ очень не хотѣлось уѣзжать изъ Козла до земскаго собранія.

Отчетъ мой подвигался впередъ. Сравнивая цифры съ прошлогодними, я видѣлъ, что медицинское дѣло росло и укрѣплялось, что цифра амбулаторныхъ въ Козлѣ и особенно коечныхъ больныхъ увеличилась почти вдвое, несмотря на то, что больница, благодаря моей болѣзни, не функціонировала въ отчетномъ году цѣлыхъ два мѣсяца. Въ серединѣ сентября отчетъ былъ окончень и сданъ въ управу. Д-ръ Л. остался очень доволенъ санитарной частью нашихъ отчетовъ и даже взялъ ихъ съ собою на земское собраніе въ г. К., гдѣ онъ состоялъ гласнымъ.

Я получилъ письмо отъ предсѣдателя Бор-ской земской управы съ приглашеніемъ занять мѣсто участковаго врача въ ихъ уѣздѣ. Объ условіяхъ службы онъ ничего не писалъ, но я зналъ уже отъ Карпинскаго, что тамъ недавно введена, по предложенію гласнаго И. И. П-ча, „пунктовая система". На письмо предсѣдателя я отвѣтилъ, что согласенъ занять мѣсто, но не раньше конца октября или начала ноября, по окончаніи нашего собранія.

Около половины октября началось наконецъ и наше земское собраніе. Еще въ первые дни собранія непріязненныя отношенія консервативныхъ гласныхъ къ земскимъ врачамъ выражались мелкими уколами нашего самолюбія. Такъ, напримѣръ, когда бы-

ла прочитана бумага губернатора съ просьбой командировать одного или двухъ врачей въ Н-скій лазаретъ Краснаго Креста для леченія раненыхъ, привезенныхъ съ театра военныхъ дѣйствій, одинъ изъ гласныхъ громко сказалъ: „да пусть берутъ отъ насъ хоть всѣхъ врачей, они намъ не нужны“.

Меня это такъ взорвало, что я хотѣлъ отвѣчать этому грубіяну, но товарищи удержали, говоря: „А можетъ быть это цвѣточки, промолчите пока“! Но, когда пришла очередь доклада по земской медицинѣ, отчетовъ нашихъ собраніе не пожелало прослушать, ссылаясь на ихъ большой объемъ, и они были сданы въ медицинскую комиссію. Послѣдняя собиралась по вечерамъ нѣсколько дней подрядъ. Здѣсь были прочитаны всѣ наши отчеты, причемъ санитарный отдѣлъ не вызвалъ ни въ комъ изъ присутствующихъ консерваторовъ ничего, кромѣ скуки. Цифры же лечившихся больныхъ вызывали у нихъ видимое недоумѣніе, лучше сказать,—они имъ не вѣрили и считали плодомъ нашей фантазіи. Какъ было увѣрить ихъ, что мы ничего не выдумываемъ, что все это правда? Они стояли на одномъ, что врачи ничего не дѣлаютъ и сидятъ у себя дома, никуда не выѣзжая. Придумывали разные способы контроля надъ дѣятельностью врачей, доходили до того, что находили нужнымъ выдать всѣмъ сельскимъ старостамъ книги, въ которыхъ бы отмѣчались пріѣзды врачей и имена пользованныхъ больныхъ и все это скрѣплялось-бы печатью старосты. Напрасно возражали имъ, что недобросовѣстному врачу ничего не стоитъ заставить старосту за двугривенный приложить сколько угодно печатей,—любители контроля стояли на своемъ. Меня все это выводило изъ терпѣнія и я горячо доказывалъ не только нелѣпость какого бы то ни было контроля, но и безполезность самыхъ выѣздовъ, если врача не зовутъ къ больному. Я доказывалъ настоятельную необходимость открытія участковыхъ больницъ съ хорошо обставленными при нихъ амбулаторіями, стоялъ за выѣзды къ больнымъ только въ случаяхъ вызововъ для немедленной подачи помощи при родахъ и вообще въ тяжелыхъ случаяхъ заболѣваній и при эпидеміяхъ и полное устраненіе такъ называвшихся объѣздовъ участковъ съ непремѣнными заѣздами во всѣ деревни, съ разыскиваніемъ больныхъ черезъ десятскихъ и пр. Меня поддерживали Карпинскій, Р-скій, Константиновичъ и предсѣдатель управы. Противъ были всѣ пріятели уѣзднаго предводителя П. Въ концѣ концовъ, кажется, порѣшили на томъ, что одинъ разъ въ мѣсяцъ врачъ

обязанъ ѣздить къ фельдшерамъ, а по указанію послѣднихъ—къ тяжелымъ больнымъ въ другихъ деревняхъ. Зато относительно участковыхъ больницъ постановлено было устраивать ихъ по примѣру Козлянской и увеличить ассигновку на ихъ содержаніе до 400 р. Что касается перенесенія Козлянской больницы на подаренную моимъ хозяиномъ землю и передѣлки ея, то дѣло это отложено было до будущаго года, до представленія въ собраніе приговора крестьянъ о пожертвованіи больничнаго дома и заявленія моего хозяина о пожертвованіи земли.

Тяжело мнѣ было въ этотъ разъ уѣзжать изъ Ч., гдѣ я провелъ очень оживленно почти цѣлую недѣлю и зналъ, что это было въ послѣдній разъ. Я полюбилъ Ч. и для этого было много причинъ. Никогда мнѣ больше не приходилось жить въ деревнѣ въ такомъ недалекомъ разстояніи отъ губернскаго города, гдѣ собрался кружокъ лучшей интеллигенціи того времени. Статистики, губернская управа, въ ея тогдашнемъ составѣ и предсѣдатель уѣздной управы—все это были лучшіе и образованнѣйшіе люди, жили дружно между собой и, вдобавокъ, имѣли въ неоффиціальномъ отдѣлѣ Губернскихъ Вѣдомостей, можно сказать, свой печатный органъ. Всѣ эти люди очень сочувственно относились къ намъ, жившимъ и работавшимъ въ деревняхъ, дружески принимали насъ у себя и всячески старались поддерживать насъ въ борьбѣ съ темными силами въ земствѣ и тѣмъ облегчить намъ первые, еще неувѣренные шаги въ области земскаго устроенія.

Въ Козлѣ мнѣ, однакожъ, пришлось прожить еще больше мѣсяца, такъ какъ некому было сдать участокъ, потому что приглашенный на мое мѣсто, д-ръ Ильинъ, ждалъ также замѣстителя на свое прежнее мѣсто. Вообще въ эту осень въ Чер—скомъ уѣздѣ произошла порядочная перетасовка между земскими врачами. Еще въ концѣ лѣта заболѣлъ душевной болѣзнью д-ръ Яворскій и его участкомъ завѣдывалъ теперь я, такъ какъ приглашенный на мѣсто Яворскаго извѣстный въ настоящее время хирургъ Бог—вскій долженъ былъ занять мѣсто командированнаго въ Красный Крестъ А. П. М—ча. Такимъ образомъ, изъ трехъ открывшихся вакансій замѣщена была только одна и мнѣ нельзя было бросить Козла, чему я въ душѣ былъ очень радъ.

Теперь начались у меня безконечныя прощанья. Каждый вечеръ приходилъ кто нибудь ко мнѣ, или-же приглашали меня къ кому нибудь въ гости. Мнѣ казалось, что даже вызовы къ больнымъ въ другія деревни и особенно къ помѣщикамъ стали чаще.

Николай Михайловичъ выѣхалъ изъ Козла еще въ сентябрѣ и поселился въ Ч., гдѣ онъ сдалъ удачно фельдшерскій экзаменъ. Старые пріятели Мына и Егоръ также довольно часто заглядывали ко мнѣ, а Дыньсъ приходилъ по вечерамъ ежедневно. Онъ же вмѣстѣ съ хозяиномъ моимъ „Грышей" помогалъ незадолго до отъѣзда укладывать мои вещи и взялся доставить ихъ на своихъ лошадяхъ въ новое мое мѣстожительство. Наканунѣ самаго отъѣзда, когда я уже отправилъ Дыныса съ вещами, пришли попрощаться старшина и писарь. Обоимъ имъ я былъ многимъ обязанъ въ поддержкѣ среди мѣстныхъ крестьянъ медицинскаго дѣла и въ особенности больницы. Я принялъ ихъ очень охотно и за прощальной чаркой оба они выражали сожалѣніе о моемъ отъѣздѣ и опасеніе, чтобы дѣло съ переносомъ и перестройкой больницы не было отложено въ долгій ящикъ.

Наконецъ тронулись въ путь и мы съ „Грышей" на его лошадяхъ. Провожать насъ пришли Мына, Егоръ, семья Дыныса и самъ мрачный отецъ его Семенъ.

Выѣхали мы раннимъ утромъ въ погожій ноябрьскій день и направились сперва въ Ч., гдѣ у меня были еще кое-какіе разсчеты съ управой.

На перепутьи.

I.

Дорога въ городъ Бор—ну, куда я ѣхалъ на службу, проходила по хорошо знакомому мнѣ Н—скому уѣзду. Была поздняя осень, цѣлый день моросилъ дождикъ, по дорогамъ непролазная грязь и большія лужи воды. Пара сытыхъ лошадокъ моего хозяина „Грыши" едва тащила насъ и къ вечеру мы кое-какъ добрались до знакомой корчмы въ с. Дремайловкѣ, гдѣ насъ ожидали раньше отправленныя вещи и гдѣ мнѣ не разъ приходилось ночевать. Заночевали и въ этотъ разъ. Старикъ Берко, хозяинъ корчмы, суетился вмѣстѣ со своей хозяйкою и молодой дочерью, устраивая мнѣ ночлегъ въ единственной „горныцѣ", а самъ со своей небольшой семьей рѣшилъ провести эту ночь въ корчмѣ. Мы рано улеглись спать, чтобы назавтра чуть свѣтъ двигаться дальше. На утро я былъ пораженъ неожиданнымъ появленіемъ въ нашей „горныцѣ" моего стараго слуги Марка.

— Виткиля ты взялся? кричу я ему съ постели.

— А прыихавъ сюды до одного чоловичка, та побачывъ тутъ Дыныса и Грышу, ну такъ якъ-же жъ и Васъ не побачить? Отъ мы съ Дынысомъ и надумали штуку: вытяглы зъ ящика Вашъ самоваръ, я поставывъ его, та отъ и подавъ Вамъ. Бувайте здоровы!

Мигомъ вскочилъ я съ постели и какъ родные братья облобызались мы съ Маркомъ. За чаемъ онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ житьѣ: теперь онъ не прочь бы былъ идти снова ко мнѣ на службу, такъ какъ дома, на ихъ надѣлѣ, вдвоемъ съ братомъ нечего было дѣлать. Старую хату они поправили, прикупили воловъ и залѣзли въ долги. Я сказалъ, что также не прочь взять его къ себѣ, но не знаю, какъ устроюсь и долго ли проживу на новомъ мѣстѣ.

— И чого Вамъ іиздыть зъ миста на мисто, жывить у насъ въ Вересаевѣ, у насъ опять нема и все лито не було дохтура.

— Ни, въ Вересаево не поиду теперь, бо вже обищався въ Бор—ну, а отъ якъ мени тамъ буде добре, то я тоби пошлю звистку и ты заразъ же іидь до мене.

На томъ мы и порѣшили съ Маркомъ. День опять выпалъ дождливый, мы медленно тащились и едва къ вечеру добрались до Бор—ны. Такого уѣзднаго города, какимъ въ то время былъ Бор—на, я еще не видѣлъ: съ самого въѣзда и почти вплоть до центра его шли грязныя деревенскія улицы съ плетневыми заборами, колодцами съ журавлемъ, клунями, скирдами хлѣба и сѣна. Тѣ же соломой крытыя хаты и только въ центрѣ было нѣсколько деревянныхъ построекъ и одинъ или два каменныхъ дома. Мы остановились на постояломъ дворѣ. Мнѣ отвели просторную комнату съ некрашеннымъ, скрипучимъ поломъ, старинной деревянной мебелью. Въ городѣ не было ни гостинницы, ни ресторана и намъ пришлось довольствоваться той-же деревенской пищей: яйцами и молокомъ. Вечеръ я провелъ, за неимѣніемъ знакомыхъ, въ обществѣ своихъ спутниковъ—возчиковъ Грыши и Дыныса.

На другой день утромъ я отправился въ земскую управу. Изъ передней въ помѣщеніе управы вела большая комната, которая, несмотря на раннее утро, была уже наполнена посторонними посѣтителями, почти исключительно крестьянами. По внѣшнему виду здѣшніе крестьяне—здоровый, рослый народъ, съ чисто хохлацкими бритыми лицами и длинными усами. Въ слѣдующей комнатѣ помѣщалась канцелярія, а за ней—присутствіе управы. Здѣсь

я засталъ члена управы, Котлярова, изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, и секретаря. Отъ нихъ я узналъ, что предсѣдатель въ городѣ и долженъ сейчасъ придти. Не прошло и 1/4 часа, какъ въ присутствіе вошелъ знакомый уже мнѣ Никодимъ Никодимовичъ Волкъ. Извинившись, что онъ сейчасъ не можетъ удѣлить мнѣ много времени, Никод. Никод. сказалъ:

— Вы видѣли сколько народу ждетъ меня въ передней? Я нарочно прихожу сюда рано, чтобы не задержать посѣтителей: это все народъ деревенскій, ему всякая минута дорога.

Уходя, предсѣдатель поручилъ члену управы и секретарю ознакомить меня съ условіями службы въ здѣшнемъ уѣздѣ. Въ то время въ Борс—комъ уѣздѣ было 5 медицинскихъ участковъ, включая и городской, и единственная больница въ городѣ. Мой участокъ начинался всего въ 9 верстахъ отъ города, въ мѣстечкѣ Шаповаловкѣ, гдѣ находилась квартира врача и аптека. По инструкціи вся служба должна заключаться въ разъѣздахъ по пунктамъ, а именно: четыре дня въ недѣлю врачъ принимаетъ въ деревняхъ внѣ своего мѣстожительства, а три дня у себя дома. Фельдшеровъ здѣсь совсѣмъ не полагалось, исключая городской больницы, гдѣ по штату числилось 3 фельдшера, изъ которыхъ одинъ былъ и смотрителемъ больницы. Прочитавши инструкцію, я спросилъ члена управы, много-ли бываетъ больныхъ на пунктахъ и какъ справляются врачи безъ фельдшеровъ?

— Больныхъ то бываетъ много, отвѣчалъ онъ, но врачи недовольны этими порядками.

— А какъ же относится къ врачамъ населеніе? довольно ли оно врачами?

— И населеніе недовольно. Я живу въ большомъ торговомъ мѣстечкѣ Ичнѣ, такъ вотъ въ тѣ дни, когда врачъ выѣзжаетъ на пункты, то и дѣло слышишь жалобы, что не къ кому обратиться за совѣтомъ: нѣтъ ни врача, ни хоть-бы фельдшера. Тоже и въ м. Ивангородѣ, черезъ которое я всякій разъ проѣзжаю, когда ѣду въ городъ.

Такъ почему же вы терпите такіе порядки?

— Это у насъ заведено недавно и при томъ это желаніе Ивана Ильича Н—ча, а онъ у насъ человѣкъ всѣми уважаемый.

Все это я зналъ раньше отъ Карпинскаго, но какъ-то мало объ этомъ думалъ, теперь же мнѣ ясно бросилась въ глаза почти полная невозможность выносить такую тяжелую и нелѣпую работу, какъ и при чисто разъѣздной системѣ, отъ которой я бѣжалъ

изъ Н—скаго уѣзда. Но отказываться отъ службы, не испробовавъ новой системы на дѣлѣ, было какъ-то неловко, тѣмъ болѣе что и Каринскій, противникъ этой системы, говорилъ мнѣ о полной возможности измѣнить эту систему, если Ивану Ильичу доказать фактами несостоятельность ея. Надо было принести маленькую жертву, если только хватитъ силъ и терпѣнія, дотянуть службу до слѣдующаго земскаго собранія.

Часа черезъ два Никод. Никод. окончилъ, наконецъ, пріемъ посѣтителей. Онъ сильно усталъ и едва говорилъ. Мнѣ понравилось лицо и неторопливыя движенія этого славнаго старика. Высокій и нѣсколько сутуловатый, съ сѣдой головой и бородой, при юношески свѣжемъ и даже румяномъ лицѣ, Никод. Никод. былъ даже красивъ. Никод. Никод. былъ 4-й предсѣдатель земской управы, какихъ я зналъ за недолгое мое знакомство съ земствомъ и если изъ нихъ исключить почти выжившаго изъ ума старика Юленьева, то остальные три, совершенно сходные по своему идейному служенію земскому дѣлу, представляютъ различные индивидуальные и отчасти классовые типы. Викторъ Апполоновичъ—образованный и гуманный баринъ; онъ любилъ мужика и ничего не жалѣлъ для него, тратилъ на земскія дѣла свои собственныя деньги, но онъ не жалѣлъ и крестьянской копейки и любилъ все дѣлать en grand. Тыцинскій былъ чисто городской интеллигентъ и деревни совсѣмъ не зналъ, любилъ народъ и земское дѣло чисто книжнымъ путемъ. Я никогда не забуду, въ какое смущеніе былъ однажды поставленъ Тыцинскій, при открытіи новой земской школы въ моемъ участкѣ. Здѣсь, кромѣ меня и предсѣдателя, были все свои деревенскіе люди. Послѣ молебствія Тыцинскій обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой хотѣлъ выяснить значеніе грамотности и образованія для крестьянъ, но до того растерялся, что даже я не ясно понималъ, что онъ хочетъ сказать, между тѣмъ малороссійскимъ языкомъ Тыцинскій владѣлъ въ совершенствѣ. Онъ говорилъ мнѣ послѣ этого:—«Въ городѣ я охотно и свободно бесѣдую со всякимъ крестьяниномъ, но здѣсь, въ деревнѣ, я теряюсь: мнѣ кажется, что я чего то не понимаю въ ихъ жизни, и то, что для меня представляется важнымъ, для нихъ можетъ оказаться совершенной пустяковиной».

Не таковъ былъ Никод. Никод. Онъ принадлежалъ къ разряду помѣщиковъ средней руки и жилъ постоянно въ своей деревнѣ, Бритапахъ, наѣзжая въ городъ по дѣламъ земства. По характеру онъ былъ необыкновенно сдержанный и уравновѣшен-

ный человѣкъ. Деревню онъ, разумѣется, прекрасно зналъ, крестьяне его любили и вѣрили ему. Впослѣдствіи я убѣдился, что Никод. Никод. не былъ человѣкомъ широкой инициативы и не былъ руководителемъ земскихъ собраній, гдѣ эта роль всецѣло принадлежала Ивану Ильичу, но, какъ представитель исполнительнаго органа земства—земской управы, Никод. Никод. былъ прямо незамѣнимымъ.

Въ управѣ меня держали недолго и скоро выдали все необходимое. Прощаясь со мной, Никод. Никод. сказалъ:—„Вы не торопитесь съ выѣздами на пункты, осмотритесь у себя въ квартирѣ, въ аптекѣ, наймите постояннаго извощика". Пообѣдавъ на своемъ постояломъ дворѣ «чѣмъ Богъ послалъ», я съ тѣми-же пріятелями—Дыныссмъ и Грышей—отправился въ Шаповаловку. Дорога шла «бытымъ шляхомъ» и была очень грязна, такъ что мы тащились эти 9 верстъ около 2-хъ часовъ. Пріемный покой помѣщался въ Шаповаловкѣ, недалеко отъ въѣзда въ мѣстечко. Это былъ небольшой домикъ съ крашеной крышей и подъѣзднымъ крылечкомъ. Изъ небольшихъ сѣней мы вошли въ просторную комнату съ аптечными шкафами, столомъ, стульями и скамьями для посѣтителей. Далѣе шла порядочно меблированная и также большая комната съ диваномъ, круглымъ столомъ и достаточнымъ количествомъ стульевъ, а въ небольшой комнатѣ за перегородкой стояла даже кровать. Словомъ, квартира для холостого врача была—„хоть куда". Въ домѣ было довольно сыро и холодно; я просилъ служителя протопить печь. Когда Дынысъ и Грыша убрали лошадей, мы вынули самоваръ и скоро комнаты обогрѣлись. Весь вечеръ мы провозились съ разборкой вещей и книгъ, помѣстить которыхъ было некуда.

На другой день я просилъ своихъ козлянскихъ пріятелей погостить у меня денекъ и дать отдохнуть лошадямъ, на что они охотно согласились, въ особенности, когда я предложилъ купить на мой счетъ сѣна и овса. Я принялся за осмотръ аптеки. Лекарствъ было совсѣмъ мало. Надо было сейчасъ-же составлять списокъ недостающихъ лекарствъ и немедленно посылать въ городъ. Отъ служителя я узналъ, что до меня въ Шаповаловкѣ жилъ одинъ врачъ, „гарный панычъ", „дюже добра людына", но не проживши и полугода, сбѣжалъ.—„Важко ему приходилось, богато тутъ работы, такъ богато, що одному ни за що не справиться, ось сами побачите"! заключилъ онъ.

Аптечная посуда находилась въ большомъ безпорядкѣ, все надо было перемыть, перечистить и все это производилось въ сосѣдней съ аптекой кухнѣ, при чемъ служителю помогали и мои пріятели. Въ теченіе дня ко мнѣ являлось нѣсколько человѣкъ больныхъ, по всей вѣроятности, съ этой-же улицы, а къ вечеру меня позвали на домъ къ больному ребенку. Больной жилъ далеко отъ аптеки; за мной пріѣхали на подводѣ. Мнѣ представилась теперь возможность видѣть большую часть Шаповаловки, очень походившей на Вересаево. Въ мѣстечкѣ было двѣ церкви: одна на той же улицѣ, что и нашъ пріемный покой,—другая въ сторонѣ.

Сегодня пришлось провести послѣдній вечеръ съ козлянами. Это была послѣдняя нить, порывавшая всѣ связи съ Козломъ. А мнѣ жаль было Козла, хотя не было тамъ у меня никакихъ личныхъ привязанностей, но въ Козлѣ я нашелъ то, чего такъ долго и безплодно искалъ въ другихъ мѣстахъ. Въ Козлѣ я безповоротно убѣдился, что земская медицина не есть только фикція народолюбцевъ, а дѣйствительно можетъ быть великимъ культурнымъ дѣломъ, когда она будетъ правильно организована. Я нашелъ, наконецъ, и наиболѣе пригодную систему организаціи земской медицины—*больнично-стаціонарную*. Повторяю, что только названіе *стаціонарная* для этой системы я позаимствовалъ черезъ „Медиц. Обозр." у московскихъ земскихъ врачей, а самыя начала этой системы выработаны у меня самостоятельно. Теперь не осталось болѣе и тѣни тѣхъ колебаній и сомнѣній, какія были въ первые годы моей службы, когда на ожесточенныя нападки принципіальныхъ противниковъ земской медицины, которые въ то же время были противниками и всякихъ земскихъ начинаній, у меня не находилось должнаго отпора.

Слѣдующій день былъ воскресенье и послѣ отъѣзда моихъ гостей я рѣшилъ побывать у мѣстной интеллигенціи, которая состояла изъ двухъ священниковъ и становаго пристава. Прежде всего я направился къ о. Успенскому, только что возвратившемуся изъ церкви. Отцу Ивану было лѣтъ за 60, онъ былъ высокій, худощавый и сильно сутуловатый старикъ съ большой сѣдиной въ волосахъ. Небольшіе каріе глаза его смотрѣли грустно, но привѣтливо; онъ былъ давно вдовцомъ и имѣлъ двухъ взрослыхъ дѣтей: сына лѣтъ 20 слишкомъ, живщаго при отцѣ и занимавшагося сельскимъ хозяйствомъ, и молоденькой дочери, лѣтъ 16. Вся семья о. Успенскаго была очень привѣтлива. Они жили, повидимому небогато, въ небольшомъ старенькомъ, крытомъ соломой.

домикѣ. Прежде всего я обратился къ о. Ивану за совѣтомъ, гдѣ мнѣ нанять извозчика, который возилъ-бы меня на пункты. Пока старикъ съ сыномъ перебирали разныхъ крестьянъ, кто взялся бы возить меня, къ намъ вошелъ изъ другой комнаты высокій рыжій господинъ. Мнѣ его представили какъ частнаго землемѣра. Звали его Иванъ Ивановичъ Шеверня. Онъ былъ мѣстный небогатый землевладѣлецъ и, какъ я узналъ впослѣдствіи, въ свободное отъ хозяйства время занимался землемѣрствомъ. Шеверня согласился возить меня на пункты за 20 р. въ мѣсяцъ, но просилъ меня дать ему нѣсколько дней, чтобы приготовить все нужное для лошадей и экипажа. Такимъ образомъ, дѣло съ извозчикомъ у меня было слажено и черезъ нѣсколько дней я могъ отправиться на пункты.

У другого священника я пробылъ недолго. О. Петръ Масляниковъ былъ плотный, упитанный старичекъ, лѣтъ 50, довольно скромный, но зато матушка и въ особенности дочь выглядѣли совсѣмъ ужъ не деревенскими. Поповна была разряжена какъ „чортъ на заутреню", держала себя очень важно, едва роняла слова и дѣлала это совсѣмъ не изъ деревенской скромности, а скорѣе по искусственной напыщенности провинціальныхъ барышень. Оставался еще визитъ становому, который на бѣду былъ дома и нельзя было отдѣлаться отъ него визитной карточкой.

Федоръ Степановичъ Покотиловъ,—„Сонычко", какъ его здѣсь прозвали, былъ уже давно становымъ въ Шаповаловкѣ. Онъ жилъ одинъ, безъ семьи, которая находилась верстахъ въ 20, въ имѣніи жены его въ м. Батуринѣ. Сонычко былъ мужчина среднихъ лѣтъ, здоровенный и откормленный. Какъ истый хохолъ, онъ былъ большой хлѣбосолъ и не отпустилъ меня, пока не накормилъ всевозможными соленьями, маринадами, и не напоилъ цѣлымъ ассортиментомъ наливокъ. Тутъ была и вишневка, и сливянка и множество другихъ, имъ же нѣсть числа. Все это онъ причмакивалъ и расхваливалъ. Я радъ былъ поскорѣе отдѣлаться отъ этого обжоры, но не такъ легко было это сдѣлать: приказавъ своей прислугѣ ничего не убирать со стола, „сонычко" повелъ меня во дворъ показывать своихъ лошадей. У него была тройка доморощенныхъ, откормленныхъ, какъ и самъ хозяинъ, лошадокъ. Ихъ поочередно выводили изъ конюшни и хозяинъ подробно разсказывалъ біографію каждой изъ нихъ, расхваливалъ по статьямъ и иногда даже заставлялъ кучера садиться верхомъ и проѣзжать по обширному двору. Словомъ, „сонычко" выглядывалъ настоя-

щимъ барышникомъ и, какъ мнѣ говорили потомъ, состоялъ въ дружбѣ съ цыганами. Вообще „сонычко" былъ большой плутъ и ревностный полицейскій. Онъ очень не любилъ деревенскихъ „вулыцъ" (такъ назывались лѣтнія собранія молодежи) и желалъ искорененія ихъ, для чего внушалъ старостамъ составлять сельскіе приговоры, безъ которыхъ полиція ничего не могла сдѣлать. Я самъ читалъ его воззваніе къ сельскимъ жителямъ, написанное на чистомъ малороссійскомъ языкѣ и расклеенное по волостнымъ правленіямъ. Это воззваніе потомъ было напечатано въ „Недѣлѣ", съ приглашеніемъ любителей старины поторопиться наблюдать старые обычаи, такъ какъ ревность не по разуму чиновъ полиціи грозитъ уничтоженіемъ ихъ. Суть воззванія „сонычка" заключалась въ указаніи старикамъ, что ихъ сыновья, проводя безсонныя ночи и шляясь по улицамъ, портятъ сады, огороды, бахчи и проч. Любопытно, что не смотря на ревность „сонычка" онъ добился очень мало приговоровъ на счетъ уничтоженія вечернихъ гуляній молодежи. Старики упорно держались старины, говоря:— „Такъ жылы батькы и диды наши, такъ жылы мы и тамъ выбыралы соби подружья (женъ). Щожъ, якъ хлопци, иншый разъ, пошкодять на огородахъ, це бувае не часто. Зато въ ночи мы спимо соби спокийно, есть кому насъ покараулить отъ пожежи. А то якъ наробывся за день, та такъ заснешь у ночи що хочь за ноги вытягай изъ хаты". Но нѣкоторые не въ мѣру усердные старосты, желая подслужиться начальству, добились-таки сельскихъ приговоровъ объ уничтоженіи „вулыцъ" и тогда полицейскія власти, въ особенности позже, когда на сцену появились урядники, стали разгонять вечернія собранія молодежи, преслѣдовали и запрещали пѣніе пѣсенъ на улицахъ и вообще старались ввести „порядокъ и тишину", какъ понимаютъ ее въ городахъ.

Часа на два затянулся мой визитъ у „сонычка"; наконецъ, я вырвался отъ него, внутренно давъ себѣ слово не ходить къ нему безъ нужды. Кромѣ двухъ священниковъ и „сонычка" въ Шаповаловкѣ некому было дѣлать визитовъ; здѣсь не было ни одного помѣщика. Въ слѣдующіе дни число больныхъ шаповальцевъ все болѣе увеличивалось, доходя иногда до 30—40 человѣкъ въ день и у меня оставалось свободное время только по вечерамъ.

Но вотъ наступило время, когда надо было начинать выѣзды на пункты. Иванъ Ивановичъ Шеверня зашелъ ко мнѣ какъ-то вечеркомъ и объявилъ, что кони его уже отъѣлись и можно начинать выѣзжать въ уѣздъ. Въ росписаніи значился первый

выѣздъ въ д. Головино, въ 13 верстахъ отъ Шаповаловки. На другой день мы выѣхали часовъ въ 8 утра. Дорога была грязная, а около самой деревни довольно большая гать черезъ большое болото. Головино—большая деревня, дворовъ около 200, бывшее имѣніе Савича. Самъ помѣщикъ жилъ съ семьей въ какомъ-то городѣ, а сюда пріѣзжалъ изрѣдка. Большой 2-хъ этажный, каменный домъ помѣщика стоялъ при въѣздѣ, посреди обширной усадьбы, окруженной флигелями и разными надворными постройками. Наша сборня помѣщалась почти въ срединѣ деревни. Несмотря на росписаніе, въ сборную никто изъ больныхъ не являлся, что и неудивительно, такъ какъ сюда давно уже не пріѣзжалъ врачъ. Надо было послать десятскихъ объявить по деревнѣ о пріѣздѣ врача. Вскорѣ стали подходить больные, а спустя часъ ихъ набилось уже полная сборня. Звали и на домъ къ нѣсколькимъ тяжелымъ больнымъ. Пріемъ и посѣщеніе въ домахъ затянулось до самого вечера. Усталый и голодный возвратился я домой, а здѣсь уже ждали меня шаповаловскіе больные, которыхъ также *надо* было отпустить немедленно. Послѣ такой работы голова находится въ какомъ-то туманѣ; мозгъ работаетъ неохотно и вяло. Почти весь вечеръ проваляешься на диванѣ, даже не прикоснувшись къ книгѣ и тутъ же уснешь тяжелымъ, тревожнымъ сномъ. Тоже было и на другихъ пунктахъ.

Больныхъ вездѣ являлось очень много, амбулаторія доходила часто до 100 человѣкъ, а работать приходилось одному. Надо было выслушать больного, осмотрѣть его, нѣкоторымъ перевязать раны или язвы, приготовить необходимыя лекарства. Все это отнимало много времени, а непривычная аптекарская работа прямо таки раздражала. При такихъ условіяхъ каждый лишній больной являлся чуть-ли не врагомъ для врача. Терялась охота, утомлялся мозгъ и являлась какая-то безотчетная тоска. Я чувствовалъ, что служить долго при такой системѣ не буду. И вотъ, побывавши по одному разу на всѣхъ пунктахъ, я поѣхалъ въ городъ.

Въ управѣ я засталъ участковаго врача Комаровскаго участка Василія Васильевича Лук—скаго, моего университетскаго товарища. Онъ также находилъ здѣшнюю организацію медицины невозможной и мы оба говорили это въ въ присутствіи предсѣдателя. Тотъ, видимо, нехотя защищалъ организацію, хотя, какъ человѣкъ практическій, очень хорошо понималъ всѣ ея недостатки, но съ другой стороны, какъ предсѣдатель управы, онъ дол-

женъ былъ заботиться о томъ, чтобы всѣ участки были замѣщены врачами. Врачъ Лук—скій жилъ по сосѣдству съ предсѣдателемъ, видѣлись они часто и также часто спорили о медицинѣ и всякій разъ у Лук—скаго оставалось впечатлѣніе, что Никод. Никод. споритъ неискренно, какъ бы по долгу службы.

Изъ управы мы съ Лук—скимъ зашли въ мой постоялый дворъ и сидѣли часа два, перебирая разныя студенческія воспоминанія. Изъ разговоровъ я въ первый разъ узналъ, что Лук—скій женатъ и у него уже имѣется одинъ ребенокъ. Здѣсь въ городѣ была и жена его съ сыномъ. Они остановились у своей старой знакомой—учительницы городской школы, содержавшейся почему-то на счетъ земства. Часа въ 2 Лук—скій предложилъ мнѣ идти къ нимъ обѣдать. Училище помѣщалось въ довольно большомъ домѣ, причемъ для учительницы была отведена просторная квартира, состоящая изъ двухъ большихъ комнатъ съ передней. Жена Лук—скаго—молодая, очень полная женщина, выглядѣла много старше своихъ лѣтъ, благодаря своей полнотѣ. Звали ее Олимпіада Ивановна. Она была хохлушка, какъ и хозяйка квартиры, молодая учительница, одѣтая въ малорусскій костюмъ, миловидная блондинка съ темными глазами и тяжелой, спускавшейся чуть не до пояса, косой. Учительницу звали Марьей Николаевной Стаховской. Дамы напали на Лук—скаго, что онъ гдѣ то запропастился, а обѣдъ уже давно готовъ. Любезная хозяйка сама бѣгала черезъ весь дворъ на кухню къ сторожихѣ. Олимпіада Ивановна принималась въ это время расхваливать свою пріятельницу, говорила, что единственное утѣшеніе для нея въ здѣшнемъ захолустьѣ была встрѣча со старой пріятельницей и, кажется, подругой по гимназіи.

Сынишка Лук—скихъ, карапузъ лѣтъ около 2-хъ, почти не отходилъ отъ отца, что надоѣдало веселому и разговорчивому Лук—скому и сердило его жену.

Мы провели весь день вмѣстѣ, а вечеромъ мнѣ надо было уѣзжать въ Шаповаловку. Я приглашалъ всѣхъ пріѣхать когда нибудь ко мнѣ—погостить хоть на денекъ, прося не откладывать посѣщенія въ долгій ящикъ, такъ какъ я едва ли здѣсь проживу долго. Стали перебирать дни, оказалось на слѣдующей недѣлѣ было подрядъ два праздника, когда Марія Ник. была свободна. Олимпіада Ивановна собиралась и безъ того провести недѣлю у Маріи Ник., а потому охотно согласилась пріѣхать съ ней ко мнѣ хоть на одинъ день праздника. Лук—скій, услышавъ нашъ

разговоръ, закричалъ мнѣ: —„Вары варену—тоди, будь що буде, пріиду и я до тебе въ Шаповаловку“.

„Варенуха“ или „варена“ былъ старинный и любимый напитокъ въ Малороссіи. Въ Шаповаловкѣ мнѣ приходилось раза два пить варенуху и оказалось, что милѣйшій Ив. Ив. Шеверня—страстный любитель этого напитка и мастеръ его приготовлять. Варенуха очень напоминала глинтвейнъ, отъ котораго она отличалась только тѣмъ, что приготовлялась вмѣсто виноградного вина на водкѣ или спиртѣ.

Больныхъ въ Шаповаловкѣ все прибывало, а въ день пріѣзда моихъ гостей ихъ было такъ много, что мы едва справились съ ними уже вдвоемъ съ Лук—скимъ. Обѣдъ и варенуха удались на славу, чѣмъ я былъ обязанъ женѣ Ивана Ивановича. Почти непрекращавшейся темой нашей бесѣды была критика существующей организаціи земской медицины въ Бор—скомъ уѣздѣ. Въ Лук—скомъ я нашелъ такого-же противника этой системы, какимъ былъ и я. Лук—скій признался мнѣ, что ведетъ переписку съ однимъ старымъ пріятелемъ и хлопочетъ о переходѣ на службу въ Ч—скій уѣздъ. Свой планъ онъ держитъ въ секретѣ, потому что какъ семейный человѣкъ не можетъ бросать здѣсь службу, пока не найдетъ другого мѣста. Я также рѣшительно объявилъ, что намѣренъ прослужить здѣсь только до конца мѣсяца.

Вечеръ мы провели довольно весело. Когда уѣхали гости, мнѣ стало еще больше не по себѣ. предстояло, хотя и ненадолго, но все же тяжелое одиночество при рѣшительно несимпатичной мнѣ работѣ. Черезъ нѣсколько дней неожиданно является ко мнѣ нарочный изъ управы съ бумагой, въ которой, на основаніи требованія Чер—скаго губернатора, предлагаютъ мнѣ ѣхать на одинъ мѣсяцъ въ П—скій лазаретъ Краснаго Креста ординаторомъ. Неожиданность эта такъ поразила меня, что я рѣшился сейчасъ ѣхать въ городъ для личныхъ переговоровъ въ управѣ. Никод. Никод. оказался въ городѣ, къ нему я и отправился прямо на квартиру. Онъ сказалъ, что не разъ уже слышалъ отъ меня недовольство службой въ ихъ уѣздѣ и потому, по полученіи бумаги отъ губернатора, рѣшилъ перваго меня командировать въ лазаретъ Краснаго Креста.—„Авось вы тамъ немного отдохнете и будете съ большимъ терпѣніемъ работать до земскаго собранія, а тамъ увидимъ, можетъ быть и можно будетъ облегчить чѣмъ нибудь васъ, ну хотя бы дать вамъ въ помощь фельдшеровъ“.

Прощаясь съ предсѣдателемъ, я не рѣшился сказать ему о своемъ намѣреніи бросить службу въ Бор—скомъ земствѣ.

Сборы мои въ дорогу были недолги; часть не особенно нужныхъ вещей я оставилъ въ Шаповаловкѣ и черезъ день уже былъ въ Н. Здѣсь было 2 отдѣленія Краснаго Креста: одно изъ нихъ, главное, помѣщалось въ земской больницѣ и старшимъ врачемъ въ немъ былъ старый знакомый—Савелій Григорьевичъ Ковнеръ, другое—въ женскомъ монастырѣ. Здѣсь работалъ мой старый пріятель Афанасій Ив. М., которому, какъ бывшему ординатору хирургической клиники, было предоставлено право самостоятельнаго и независимаго веденія этого отдѣленія и въ помощники ему данъ былъ еще одинъ врачъ. Меня назначили къ Савелію Григорьевичу и дали двѣ палаты. Въ одной изъ палатъ помѣщались 22 шипкинскихъ героя, почти всѣ съ отмороженными пальцами на ногахъ, а въ другой—выздоравливающіе послѣ тифа. Тяжелыхъ больныхъ у меня не было. Впослѣдствіи я узналъ, что Савелій Григорьевичъ умышленно далъ мнѣ меньше положеннаго числа—50-ти больныхъ. Зато онъ взвалилъ на меня веденіе земской больницы, для которой у него не оставалось теперь ни минуты времени.

Кромѣ Сав. Григ. и меня, въ нашемъ лазаретѣ работали еще 2 врача: одинъ, молодой полякъ, только что окончившій курсъ въ Варшавѣ, увлекался хирургіей, хотя матеріала для операцій здѣсь почти не было; другой, земскій врачъ Н—скаго уѣзда, дослуживалъ свой мѣсяцъ. Фельдшеровъ было 6 человѣкъ, одинъ изъ нихъ старый мой знакомый Щ—скій, его всѣ называли „помѣщикъ“, какимъ онъ въ дѣйствительности былъ, владѣя помѣстьемъ въ Кр—скомъ уѣздѣ. Братьевъ и сестеръ милосердія въ нашемъ лазаретѣ было много. Изъ сестеръ, кромѣ штатныхъ, было много практикантокъ, которыя, по выдержаніи установленнаго экзамена, отправлялись за Дунай. Между практикантками были 2 интеллигентныя дѣвушки—А. В. Охременко и А. Н. Н—ко. Обѣ онѣ недавно окончили гимназію, первая даже съ золотой медалью. Эти барышни вмѣстѣ съ „помѣщикомъ“, жена котораго была ихъ товаркой по гимназіи, нанимали общую квартиру, гдѣ оказалась одна свободная комната и такъ какъ я нуждался въ квартирѣ, то „помѣщикъ“ предложилъ мнѣ занять эту комнату, на что я, конечно, съ радостью согласился.

Занятія наши въ лазаретѣ занимали время отъ 9 ч.—до 2 дня и 1 часъ вечеромъ, при чемъ я успѣвалъ еще обойти боль-

ныхъ въ земской больницѣ. Къ 8 час. вечера, если не было дежурства въ лазаретѣ, всѣ собирались на квартиру. Вечера проходили у насъ очень оживленно и весело. Все напоминало мнѣ студенческіе годы. Къ намъ часто заходилъ Аф. Ив и работавшій у него фельдшеръ интеллигентъ О—вецъ. Кромѣ того нерѣдко пріѣзжалъ земскій врачъ изъ Вересаевки, мой старый университетскій товарищъ А. В. Б—лецъ. Въ иные вечера собиралось у насъ большое общество и вечеръ проводили чисто по студенчески: въ одной комнатѣ читаютъ и спорятъ по поводу прочитаннаго, а въ другой поютъ. Обыкновенно по почамъ засиживались часовъ до 3—4, а къ 9-ти надо было уже являться въ лазаретъ. Но молодость не знала ни усталости, ни переутомленія. Я и не замѣтилъ, какъ мѣсяцъ приходилъ къ концу и надо было думать о возвращеніи въ Шаповаловку.

Въ теченіи проведеннаго въ Н. мѣсяца произошло два памятныхъ для меня эпизода, изъ коихъ одинъ очень печальнаго свойства. Это была высылка административнымъ порядкомъ Аф. Ив. М. Случилось это, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, неожиданно. Аф. Ив. получилъ бумагу отъ губернатора съ требованіемъ явиться къ нему въ Ч. Провожая Аф. Ив., мы и не думали о чемъ нибудь непріятномъ, зная, что губернаторъ Д—нъ относился къ нему очень хорошо. Но каково-же было удивленіе, когда возвратившійся черезъ нѣсколько дней Аф. Ив. повѣдалъ намъ непріятную новость, что его высылаютъ за предѣлы малороссійскихъ губерній за его, якобы, украинофильско-сепаратическія убѣжденія. Самъ губернаторъ Д—нъ былъ въ этомъ дѣлѣ неповиненъ: онъ высказалъ Аф. Ив. искреннее сожалѣніе по поводу случившагося и объяснилъ, что случилось это по настоянію Полтавскаго губернатора Мартынова, не благоволившаго къ Аф. Ив. за его простой образъ жизни въ деревнѣ, любовь къ малорусскимъ пѣснямъ и пр. Какъ бы то ни было, надо было подумать, куда ѣхать на новое жительство и какъ устроиться съ семьей? Долго сообща судили-рядили и остановились, наконецъ, на городѣ Елисаветградѣ, Херсонской губ. Грустные на этотъ разъ были проводы товарища, но черезъ нѣсколько дней было получено письмо отъ Аф. Ив. изъ Елисаветграда, что дѣла его тамъ налаживаются, что ввиду большого недостатка врачей въ лазаретѣ Краснаго Креста и въ военно-временномъ госпиталѣ, онъ получилъ мѣсто съ жалованьемъ въ военномъ госпиталѣ.

Другой эпизодъ, уже чисто комическаго характера, разыгрался въ нашемъ лазаретѣ. Къ намъ пріѣхалъ изъ Петербурга на ревизію какой-то престарѣлый генералъ В. О пріѣздѣ его мы были предупреждены губернскимъ комитетомъ за нѣсколько дней и не придавали ему рѣшительно никакого значенія. Одинъ только Сав. Григ., какъ старшій врачъ, былъ нѣсколько озабоченъ, хотя по части порядка и чистоты у насъ все обстояло благополучно, такъ какъ этимъ дѣломъ занимались мѣстныя дамы Краснаго Креста, дежурившія по 2, по 3 заразъ и строго наблюдавшія за чистотой.

Генералъ явился къ намъ вечеромъ. Я въ это время былъ занятъ въ палатѣ перевязкой солдатика, отморозившаго подъ Шипкой пальцы на ногахъ. Въ палату входитъ высокаго роста, худой, съ николаевскими бачками, генералъ въ сопровожденіи старшаго врача, одѣтаго въ черный фракъ. Генералъ едва удостоилъ насъ кивка головой и сталъ обходить больныхъ по кроватямъ. Я не двигался съ мѣста, такъ какъ былъ занятъ перевязкой. Слышу разспросы больныхъ, окрики генерала и прямо таки ругательства, что они плохіе солдаты, что настоящій солдатъ не доведетъ себя до отмороженія ногъ и проч. Въ отвѣтъ отъ больныхъ—ни звука. Наконецъ, дошла очередь до перевязываемаго мною солдатика. Увидѣвъ черный отмороженный палецъ, генералъ прямо ужъ началъ кричать на больного, который отъ страху затрясся и не говорилъ ни слова. Тогда я счелъ долгомъ вмѣшаться въ дѣло и объяснилъ генералу, что солдатикъ отморозилъ пальцы на часахъ въ траншеѣ, въ полузанесенномъ снѣгомъ рву. Генералъ грозно взглянулъ на меня, обратился къ Сав. Гр. съ вопросомъ:—„Кто это такой"? Сав. Гр. отвѣтилъ, что я ординаторъ больницы, врачъ такой-то. Генералъ сталъ кричать на меня, что я молодой человѣкъ, не понимаю дисциплины и не мое дѣло вмѣшиваться въ его разговоры съ нижними чинами. Я просилъ генерала не кричать на меня и сказалъ, что по долгу врача я долженъ заступиться за больного и передалъ ему тѣ свѣдѣнія, какія записаны у меня въ скорбномъ листѣ. Генералъ съ грознымъ лицомъ величественно вышелъ изъ палаты, а вслѣдъ ему послышался едва сдерживаемый смѣхъ сестеръ и всѣхъ насъ.

Покончивъ свое дѣло, я спустился внизъ, въ контору. Генерала уже не было, но по конторѣ ходилъ взволнованный Сав. Григ. и набросился на меня съ упреками. Генералъ сдѣлалъ ему замѣчаніе, что онъ распустилъ своихъ врачей и требовалъ записать

мою фамилію. Я успокоивалъ Сав. Григ., говоря, что надо плюнуть на эту исторію, что мы не военные врачи и что теперь не такое время, чтобы обратили вниманіе на глупую жалобу какого-то выжившаго изъ ума старика. Но Сав. Гр. не скоро успокоился и въ теченіе нѣсколькихъ дней косился на меня. Намъ же всѣмъ этотъ инцидентъ съ генераломъ доставлялъ неисчерпаемый источникъ смѣха. Больные солдатики также смѣялись надъ генераломъ, прибавляя, что этакихъ генераловъ на войнѣ не видно и что этотъ самый на войнѣ былъ бы „тише воды, ниже травы“.

Пришло, наконецъ, время собираться домой въ Шаповаловку. Въ Н. такъ хорошо жилось, что я съ тоской разставался съ молодымъ, одушевленнымъ самыми симпатичными идеями и чувствами, кружкомъ моихъ сослуживцевъ.

Въ Б. я засталъ Лук—скаго, собиравшагося уѣзжать въ Ч—скій уѣздъ. Онъ сказалъ мнѣ, что изъ недавняго разговора съ Никод. Никод. убѣдился въ его нерасположеніи ко мнѣ, что Никод. Никод. считаетъ меня главной причиной ухода Лук—скаго изъ ихъ уѣзда. Тогда мы съ Васей рѣшили написать мотивированныя причины нашего увольненія отъ службы, при которыхъ дѣятельность земскаго врача не можетъ быть производительной. Заявленіе наше въ управу было написано общее отъ насъ обоихъ и мы просили управу доложить его будущему земскому собранію.

Въ управѣ Никод. Никод. встрѣтилъ меня довольно сухо и сказалъ:—„Отъ васъ я не ждалъ, чтобы у васъ хватило терпѣнія дослужить здѣсь до собранія, а вотъ Василій Николаевичъ можетъ быть послужилъ бы еще“... Я отвѣтилъ ему, что теперь еще декабрь мѣсяцъ и до собранія надо служить еще больше 8 мѣсяцевъ, тянуть же такую каторжную лямку безъ всякаго нравственнаго удовлетворенія я дѣйствительно не желаю. Разстались мы съ Никдо. Никод. холодно, хотя въ душѣ у меня не было противъ него никакого раздраженія; я понималъ, что, какъ предсѣдатель, онъ иначе не могъ вести себя и было какое то предчувствіе, что мы не навсегда съ нимъ расходимся.

II.

Послѣ неудачной службы въ Бор—скомъ уѣздѣ, я рѣшилъ провести предстоящія святки дома, у родныхъ въ К., въ ожиданіи службы, соотвѣтствовавшей моимъ желаніямъ и настроенію.

Спросъ на врачей въ то время былъ громадный: кромѣ усиленнаго спроса врачей за Дунаемъ, въ арміи и Красномъ Крестѣ, ощущался большой недостатокъ въ нихъ и въ земствѣ, откуда много врачей ушло на войну. Но мнѣ не хотѣлось брать перваго попавшагося мѣста, такъ какъ и въ К. можно было кое-какъ перебиваться частной практикой. Правда, за 4-хъ-лѣтнее пребываніе въ деревнѣ я такъ полюбилъ простоту и трудовую деревенскую жизнь, что мнѣ до крайности противна была пустая, бездѣльная жизнь общества въ уѣздномъ городишкѣ юго-западнаго края, гдѣ въ тѣ времена не было и слѣда интеллигенціи. И это обстоятельство, и вытекающая отсюда скука личной жизни побудили меня спѣшно и необдуманно взять мѣсто земскаго врача въ Е—скомъ уѣздѣ. Въ срединѣ января 1878 года я получилъ письмо отъ Аф. Ив. М. съ предложеніемъ мѣста земскаго врача въ Е—скомъ земствѣ.

Уже изъ присланной инструкціи ясна была вся нелѣпость организаціи земской медицины въ уѣздѣ, состоявшемъ изъ 20 слишкомъ волостей съ населеніемъ болѣе 400 тыс. человѣкъ. Для всего этого населенія существовали 4 больницы, считая и городскую, врачи которыхъ не обязаны были выѣзжать изъ своихъ пунктовъ для леченія населенія; кромѣ того было еще 4 санитарныхъ врача, живущихъ также въ уѣздѣ, но обязанныхъ только изучать санитарныя условія жизни населенія и заботиться о предупрежденіи и пресѣченіи эпидемій. Кто-же долженъ былъ лечить обыкновенныя болѣзни? Этого въ инструкціи не видно. Но я мало раздумывалъ надъ этимъ и рѣшился взять мѣсто, къ чему меня побуждала, главнымъ образомъ, возможность жить вблизи Аф. Ив.; какъ оказалось изъ письма, тамъ жилъ еще одинъ нашъ общій пріятель и товарищъ Александръ Михайловичъ Бог - ецъ, или „піита", какъ мы прозвали его еще въ университетѣ за его всегдашнюю восторженность и склонность къ рифмоплетству. Ел—ская управа выражала желаніе, чтобы на случай моего согласія взять тамъ мѣсто, я прибылъ бы туда не позже 1-го февраля, что я и исполнилъ.

Въ Е—дѣ я остановился у Аф. Ив. Тамъ же былъ и нашъ „піита". Живой, веселый и жизнерадостный Ал. Мих. былъ доволенъ своей службой, т. е. не столько службой, о которой онъ меньше всего думалъ, сколько пребываніемъ среди штундистовъ, жизнь и ученіе которыхъ, дѣйствительно, не могли не приковывать вниманія такого чуткаго человѣка. Весь вечеръ занималъ

онъ насъ разсказами о жизни штундистовъ, объ ихъ нравственномъ вліяніи на окружающихъ и борьбѣ съ духовенствомъ. О штундистахъ я только слышалъ, но видѣть мнѣ не приходилось ни одного изъ нихъ. У Аф. Ив. были знакомые штундисты изъ городскихъ мѣщанъ, онъ обѣщалъ познакомить съ ними и меня.

Въ управу мы пошли вмѣстѣ съ Алекс. Мих. Онъ познакомилъ меня съ предсѣдателемъ Б—номъ. Это былъ высокій блондинъ, лѣтъ за 40, изъ отставныхъ военныхъ, съ роскошными бакенбардами и чисто военной выправкой. Онъ сказалъ мнѣ нѣсколько ничего не значущихъ словъ и по всему было видно, что это новичекъ въ земскомъ дѣлѣ, одинъ изъ тѣхъ начальниковъ, которымъ суждено только подписывать бумаги. Одинъ изъ членовъ управы Р—скій былъ мой знакомый изъ Н., гдѣ онъ былъ недавно студентомъ лицея. Это былъ очень еще молодой человѣкъ, богатый помѣщикъ-джентльменъ, хотя и не очень глубоко заглядывавшій въ суть земской жизни, но, несомнѣнно, интеллигентнѣе и умнѣе предсѣдателя. Повидимому, въ управѣ всѣмъ ворочалъ секретарь, онъ же редакторъ-издатель мѣстнаго листка. Невысокаго роста, коренастый и очень подвижный, секретарь больше всѣхъ говорилъ здѣсь и старался ввести новаго человѣка въ курсъ дѣла. Онъ объяснилъ мнѣ, что введеніемъ санитарныхъ врачей земство дѣлаетъ первый опытъ и отъ насъ зависитъ будущее санитаріи въ Е—скомъ уѣздѣ. Для опубликованія болѣе или менѣе цѣнныхъ данныхъ нашего изученія санитарнаго состоянія уѣзда, онъ любезно предлагалъ страницы своего листка.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня управой, было не въ ея пользу. Здѣсь я не видѣлъ настоящихъ земскихъ людей, какихъ привыкъ встрѣчать въ Ч—ской губерніи. Отъ всего вѣяло барскимъ, недемократическимъ духомъ. Въ этотъ день въ управѣ должно было происходить очередное засѣданіе земскихъ врачей уѣзда, что бывало черезъ каждые 3 мѣсяца поочередно при каждой изъ земскихъ больницъ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я возможности видѣть и познакомиться съ будущими товарищами-врачами. Вечеромъ на засѣданіе мы съ Алекс. Мих. и Аф. Ив. пришли раньше всѣхъ. Въ управѣ суетился секретарь, приготовляя бумаги къ засѣданію. Понемногу стали приходить и врачи, съ которыми знакомилъ насъ секретарь.

Всѣхъ земскихъ врачей на лицо было 7,—4 больничныхъ и 3 санитарныхъ. Между больничными врачами былъ одинъ нашъ товарищъ по университету и даже по курсу, Богдановичъ, мѣст-

ный землевладѣлецъ, жившій въ своемъ имѣніи, гдѣ и была устроена земская больница. Остальныя 3 больницы находились въ городахъ: одна въ самомъ уѣздномъ городѣ Е—дѣ, а двѣ въ заштатныхъ городахъ—Б—цѣ и В—скѣ. Завѣдующими этими больницами были врачи В—керъ, Ястр— скій и Н—цкій, всѣ трое——люди уже пожилые. Одинъ изъ санитарныхъ врачей В—скій былъ совсѣмъ уже старикъ, лѣтъ за 60. Это былъ отставной дивизіонный врачъ, ничего не понимавшій въ земской жизни, въ частности—въ земской медицинѣ и взявшій мѣсто санитарнаго врача, какъ все же не лишнюю прибавку къ его пенсіи. Пришелъ, наконецъ, и членъ управы Р—скій, предсѣдатель нашего совѣщанія, и пригласилъ насъ сѣсть за столъ.

Дѣло началось съ того, съ чего и должно было начаться, въ виду появленія первыхъ санитарныхъ врачей въ Е—скомъ уѣздѣ, а именно съ вопроса, въ чемъ должны были заключаться задачи Е—ской санитаріи. Въ то время (въ 1878 году) санитарія была совершенно новымъ дѣломъ и Е—ское земство первое открывало ей двери. Главнымъ иниціаторомъ этого дѣла былъ врачъ Б—цкой больницы д-ръ Ястр—скій, которому удалось провести свою мысль въ земство черезъ своего земляка, секретаря управы. Инструкція для санитарныхъ врачей была плодомъ ихъ обоюднаго творчества. Мнѣніе ихъ о необходимости санитаріи въ Е—скомъ уѣздѣ раздѣлялъ очень вліятельный и интеллигентный гласный, бывшій предсѣдатель управы З., благодаря которому это дѣло и прошло въ земскомъ собраніи. Хотя вопросъ о земской санитаріи былъ для того времени мертворожденнымъ, причиной чему была, съ одной стороны, неподготовленность къ нему врачей, благодаря плохой постановкѣ преподаванія гигіены, съ другой—отсутствіе сколько нибудь сносной организаціи лечебной медицины—главной опоры санитаріи, тѣмъ не менѣе съ этимъ вопросомъ мнѣ пришлось встрѣтиться уже второй разъ. Еще въ Ч. д-ръ Л-ко ломалъ копья за санитарію, но тамъ это дѣло практически не ставилось. Здѣсь же я долженъ былъ на практикѣ браться за то, чего не зналъ и чему не сочувствовалъ. Такимъ образомъ, съ моей стороны было естественно обратиться къ старымъ врачамъ съ просьбой объяснить намъ, какъ организована у нихъ подача медицинской помощи населенію. Намъ сказали, что въ уѣздѣ существуютъ 3, и въ городѣ 1 больница съ правильно поставленной амбулаторіей, гдѣ и производится леченіе стаціонарныхъ и приходящихъ больныхъ. Кромѣ этихъ 4 пунктовъ, для громадна-

го Е—скаго уѣзда нѣтъ больше ни врачей, ни фельдшеровъ. Кто же лечитъ заболѣвшихъ вдали отъ больницы?—„Никто!“ отвѣчали мнѣ: „да и стоитъ ли заботиться объ этомъ: какое можетъ быть леченіе въ крестьянскихъ избахъ?“ Только борьба съ эпидемическими заболѣваніями еще допустима съ точки зрѣнія е—скихъ организаторовъ, а самое важное—санитарія, т. е. изученіе санитарныхъ условій жизни крестьянскаго населенія и какъ результаты всего этого—блистательные примѣры оздоровительныхъ мѣропріятій въ Англіи, Италіи и пр.; словомъ, все та же пѣсня, какую я неоднократно слышалъ отъ д-ра Л—ко въ Ч. Начались споры, доказательства въ пользу необходимости возможнаго, по средствамъ земства, обезпеченія правильной подачи медицинской помощи населенію, для чего необходимы были не такія большія больницы въ городахъ, а хотя бы маленькіе пріемные покои съ 3—5 кроватями, но въ возможно большемъ числѣ и ближе къ населенію.

Противъ санитаріи, по существу, я не возражалъ, но при условіи, чтобы она развивалась параллельно съ лечебной медициной и во всякомъ случаѣ не въ ущербъ послѣдней. Главнымъ противникомъ моимъ былъ д-ръ Ястр—скій. Это былъ не молодой уже человѣкъ, худой, болѣзненный, раздражительный, съ зловѣщимъ румянцемъ на щекахъ. Разбирая инструкцію санитарныхъ врачей, я замѣтилъ, что та часть ея, которая касается обязанностей врача относительно эпидемическихъ заболѣваній, сколько-нибудь понятна, но что касается санитарныхъ обязанностей, то я не знаю, съ чего начинать?

— Это уже ваше дѣло, запальчиво отвѣтилъ мнѣ Ястржембскій, вы—санитарные врачи—должны сообща выработать программу санитарныхъ изслѣдованій.

— Но поймите же, что это дѣло у насъ совершенно новое, мы не имѣемъ въ Россіи никакихъ образцовъ подобнаго рода работъ.

— Поѣзжайте въ деревню, всматривайтесь повнимательнѣе въ условія крестьянской жизни и сама эта жизнь натолкнетъ васъ на массу ненормальностей, которыя необходимо отмѣтить и освѣтить,—сказалъ мнѣ Ястржембскій.

— Въ томъ то и дѣло, что я уже прожилъ 4 года въ деревнѣ и въ общемъ мнѣ, кажется, хорошо извѣстны санитарныя условія крестьянской жизни, но какъ приступить къ детальному изученію ихъ, съ чего начинать, я не знаю.

Въ спорахъ поддерживалъ меня Алекс. Мих., что же касается до другого товарища—генерала, то тотъ все время не думалъ и, кажется, ничего не разбиралъ въ происходившихъ спорахъ. Когда, по окончаніи засѣданія, мы обратились къ нему по этому поводу, онъ раздражительно отвѣтилъ:

— Не понимаю, къ чему эти засѣданія и какія-то парламентскія пренія? Въ инструкціи ясно изложены обязанности врача; исполняйте ихъ и кончено. Вотъ что значитъ непривычка къ службѣ. Эхъ молодежь, молодежь! укоризненно закончилъ генералъ.

Единственно реальное, чего мы добились отъ этого засѣданія—это по 50 р. на каждаго санитарнаго врача для покупки лекарствъ на леченіе заразныхъ больныхъ. Я былъ очень недоволенъ всѣмъ, что я узналъ о предстоящей службѣ въ Е—скомъ уѣздѣ и, придя на квартиру, сталъ уже колебаться—не бросить ли это мѣсто, не доѣхавши даже до своего мѣстожительства д. Сѣдневки. Афанасій Ивановичъ, все время сидѣвшій въ залѣ въ качествѣ единственнаго представителя отъ публики, не принимавшій участія въ преніяхъ, стоялъ за то, чтобы я попробовалъ хоть немного послужить и потомъ уже отрясти прахъ отъ Е—скаго уѣзда; а Алекс Мих. такъ даже не понималъ моей горячности: не все ли равно, гдѣ и при какихъ условіяхъ служить въ земствѣ. Здѣсь, по его мнѣнію, представляютъ большой интересъ штундисты. Въ концѣ концовъ меня-таки уговорили остаться послужить.

На другой день мы съ „піитой“ отправились въ управу, гдѣ застали уже товарища-генерала. Тамъ же насъ ждали наши фельдшера. При каждомъ изъ санитарныхъ врачей было по 2 фельдшера и 1 акушеркѣ; казалось бы, на лицо все, что надо для лечебной организаціи: не доставало только чѣмъ лечить:—ни лекарствъ, ни инструментовъ. Оба мои фельдшера были уже люди немолодые; одинъ изъ нихъ былъ уже лѣтъ за 60, сѣдой старикъ, еврейскаго типа, коллежскій регистраторъ, изъ бывшихъ военныхъ фельдшеровъ; другой—немного помоложе, молдаванинъ. Я познакомился съ ними обоими и порѣшилъ, что молдаванинъ будетъ жить со мной, а коллежскій регистраторъ, какъ болѣе опытный, будетъ разъѣзжать по эпидеміямъ. Оба они, кажется, остались довольны моимъ рѣшеніемъ. Изъ управы намъ выдали по 50 р. на врача и мы, составивъ списокъ крайне необходимыхъ лекарствъ, направились въ аптекарскій магазинъ. Покончивъ со всѣмъ этимъ, я отправилъ фельдшеровъ съ лекарствами въ Сѣдневку, а самъ

остался въ городѣ. „Шинту“ мы едва уговорили остаться на одинъ день, онъ все рвался къ своимъ штундистамъ.

Афанасій Ив. жилъ теперь съ семьей и занималъ просторную квартиру; мы у него размѣстились съ большимъ удобствомъ. Службой своей Аф. Ив. былъ пока доволенъ, онъ служилъ теперь старшимъ ординаторомъ въ военно-временномъ госпиталѣ съ хорошимъ содержаніемъ. Здѣсь имѣлась еще одна вакансія старшаго ординатора, которую я могъ бы, въ случаѣ нужды, занять, такъ какъ мѣста эти предоставлялись врачамъ, окончившимъ курсъ не менѣе 4—5 лѣтъ назадъ и бывшихъ, слѣдовательно, хоть сколько нибудь опытнѣе новичковъ ускореннаго выпуска. Аф. Ив. бывалъ свободенъ въ послѣобѣденное время часа на 3—4 и весь вечеръ. Онъ еще имѣлъ мало знакомыхъ въ Е—дѣ и былъ сердечно радъ намъ. Съ мѣстными штундистами онъ еще былъ совсѣмъ не знакомъ, хотя его, какъ и „шинту“, влекло съ ними познакомиться. Впослѣдствіи я встрѣчалъ у него нѣкоторыхъ выдающихся штундистовъ, съ которыми онъ по цѣлымъ часамъ велъ горячіе споры по религіознымъ вопросамъ, а въ нихъ онъ былъ знатокомъ, какъ бывшій семинаристъ.

Въ управѣ я ничего новаго не пріобрѣлъ, хотя имѣлъ возможность ближе познакомиться съ секретаремъ управы. На земство онъ смотрѣлъ, какъ на службу, и больше интересовался вербовкой сотрудниковъ для своего листка. Меня онъ просилъ давать коротенькія сообщенія о нашихъ врачебныхъ совѣщаніяхъ. У члена управы Р—скаго были родственники въ Сѣдневкѣ,—онъ совѣтовалъ съ ними познакомиться и пожить у нихъ нѣкоторые время до прінсканія квартиры, для чего далъ рекомендательное письмо. Этимъ дѣла мои въ управѣ были покончены. Невольно напрашивалась мысль на сравненіе Е—ской управы съ извѣстными уже мнѣ управами Ч—ской губерніи и какая это была разница? Тамъ были люди сознательно и идейно служившіе земскому дѣлу, а здѣсь предсѣдатель—человѣкъ новый, богатый землевладѣлецъ изъ отставныхъ военныхъ, особеннаго влеченія къ земскому дѣлу, кажется, не обнаруживалъ; членъ управы Роц—скій, очень еще молодой человѣкъ, по всѣмъ признакамъ скорѣе всего принадлежалъ къ породѣ культурныхъ дикарей. Другого члена управы я еще не видѣлъ, но ничего особеннаго о немъ не слыхалъ. Выходитъ—все дѣло въ одномъ секретарѣ. Это, очевидно, человѣкъ бывалый и умный, но у него своя линія—служба и его газета. Есть нѣкоторыя основанія думать, что управа живетъ, пока, по

старымъ традиціямъ, заимствованнымъ отъ прежней управы во главѣ съ бывшимъ вліятельнымъ и либеральнымъ предсѣдателемъ З., теперь редакторомъ-издателемъ одной большой одесской газеты. Хранителемъ традицій прежней управы являлся секретарь. Онъ лично былъ друженъ съ З. Но секретарь—не земецъ и всегда остается человѣкомъ внѣшности, канцелярщины. Онъ зналъ, что при З. водились какія то совѣщанія, комиссіи, въ нихъ проводилось то-то и то-то, но жизни самой деревни, ея нуждъ и происходящихъ въ ней измѣненій онъ не могъ наблюдать изъ города. Такова была въ то время Е—ская управа и мнѣ она, по правдѣ сказать, не понравилась.

Въ городѣ жилъ присяжный повѣренный П., нашъ университетскій и кружковой товарищъ. Мы зашли къ нему и такъ были поражены обстановкой его квартиры и его пріемомъ, что больше къ нему не заглядывали! Надо было, наконецъ, ѣхать въ Сѣдневку. Былъ только всего февраль въ началѣ, а по дорогамъ непролазная грязь, текутъ ручьи. Мѣстность неровная—частыя балки, селенія расположены по балкамъ и ручьямъ, а въ сторонѣ отъ нихъ—голая степь. Картина природы скучная. Проѣдешь иную станцію верстъ въ 25 и на пути ни одной деревни; по сторонамъ дороги завядшая, нескошенная прошлогодняя трава. Спрашиваю ямщика, почему не скошена трава?—„Да гдѣ же всю степь искосить. Здѣсь бродятъ овцы“. И дѣйствительно по сторонамъ, кое-гдѣ въ степи видны сараи-отары для овецъ. Моимъ глазамъ, привыкшимъ къ густонаселеннымъ мѣстностямъ Ч—ской губерніи, гдѣ, среди почти непрерывнаго ряда большихъ селеній, видны то зеленѣющія пахоты, то небольшіе перелѣски, скучно было въ этой мертвой степи.

Безпрерывно моросившій мелкій дождикъ, непролазная грязь по дорогамъ, также давали себя знать. Мнѣ не удалось въ одинъ день доѣхать до Сѣдневки и я заночевалъ на предпослѣдней станціи. Новостью для меня были эти самыя станціи земскія; въ Ч—ской губерніи не было этого и тамъ всѣ мы получали разъѣздныя деньги. На первыхъ порахъ мнѣ понравилась земская почта, да въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Е—скій уѣздъ, безъ нея нельзя было-бы и обойтись: слишкомъ ужъ велики тамъ были разстоянія и на своихъ или на наемныхъ лошадяхъ невозможно было бы скоро попадать въ отдаленные пункты участка. Станціи представляли изъ себя обыкновенныя крестьянскія избы. Здѣсь это были небольшія малороссійскія хаты, довольно чисто содержавшіяся и имѣвшія отдѣльную комнату для проѣзжавшихъ.

Часамъ къ 11 утра слѣдующаго дня я былъ, наконецъ, въ Сѣдневкѣ. На станціи я засталъ и обоихъ моихъ фельдшеровъ. Конечно, прежде всего вопросъ зашелъ о квартирѣ для меня и для одного изъ фельдшеровъ. Другой фельдшеръ не заботился о квартирѣ, такъ какъ онъ и не думалъ поселяться гдѣ нибудь осѣдло, а разсчитывалъ пользоваться въ разныхъ пунктахъ участка временными квартирами на земскихъ станціяхъ. Я рѣшилъ прежде всего отправиться къ помѣщику А—те, къ которому у меня было рекомендательное письмо отъ члена управы.

Меня подвезли къ богатой помѣщичьей усадьбѣ съ обширнымъ паркомъ, обнесеннымъ каменной оградой. Хозяевъ не было дома, меня приняла ихъ молодая дочь-барышня. Она встрѣтила меня, забросала вопросами о прежнихъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ приходилось жить и служить, но меня глодалъ червякъ неизвѣстности— гдѣ и какъ устроюсь я съ квартирой, чего барышнѣ, разумѣется, не приходило въ голову. Наконецъ я спросилъ ее—когда я могу видѣть ея отца, къ которому у меня есть письмо отъ ихъ родственника.—„Ахъ, это, вѣроятно, отъ Андрюши; покажите мнѣ письмо"! сказала она и, когда я удовлетворилъ ея любопытство, показавъ письмо, добавила:

— Разумѣется это его почеркъ. Забавникъ этотъ Андрюша, никакъ не могу представить его себѣ въ роли серьезнаго человѣка, члена управы, напримѣръ.—Я уже было собирался уходить, но барышня просила меня немножко подождать, объявивъ, что она съ минуты на минуту ждетъ пріѣзда родныхъ и, дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ къ крыльцу подъѣхалъ какой то громоздкій экипажъ—не то коляска съ фордекомъ, не то большая дорожная карета—и изъ него стали выходить старые и молодые. „Ахъ, вотъ и наши" закричала барышня, подойдя къ окну.

Первымъ вошелъ къ намъ старикъ А—те, это былъ небольшой, сгорбленный старичекъ, съ сѣдой головой и усами. Онъ привѣтливо поздоровался со мной, и я ему вручилъ письмо отъ его родственника. Прочитавъ письмо, А—те выразилъ удовольствіе быть мнѣ чѣмъ нибудь полезнымъ. Я сказалъ, что первую услугу онъ можетъ оказать мнѣ указаніемъ квартиры для меня.

— Ну, съ этимъ еще можно и не торопиться. Вы одинокій, ну такъ и живите у меня, домъ большой и мѣста хватитъ.—Я сказалъ ему, что я одинъ и не одинъ, что при мнѣ небольшая аптечка, а при ней будетъ неотлучно фельдшеръ, будутъ прихо-

дить больные, словомъ, что мнѣ необходимо сколько нибудь изолированное помѣщеніе.

— Во всякомъ случаѣ это дѣло еще терпитъ, вотъ поговорите съ моей женой, она больше меня во всемъ этомъ смыслитъ.

Немного спустя вошли остальные члены семьи: хозяйка дома, не молодая дама, съ замѣтной просѣдью въ черныхъ волосахъ. Младшая дочь ихъ, Вѣра, была уже замужней. Этой молоденькой, небольшого роста брюнеткѣ было не больше 17—18 лѣтъ. Мужъ ея былъ молодой красивый мужчина съ нѣсколько угловатыми манерами. Говорила больше всѣхъ m-me А—те. О скоромъ прінсканіи квартиры для меня она и слышать не хотѣла.

— Помилуйте, чего торопиться съ квартирой, поживите у насъ, я сейчасъ же распоряжусь перевезти ваши вещи, кстати, гдѣ онѣ? А то—что скажетъ первый Андрюша Рощ—скій? Мы единственные помѣщики въ Сѣдневкѣ и не можемъ оказать гостепріимства своему доктору!—И пошла... а къ ней присоединились дружнымъ хоромъ остальные члены семьи и я поневолѣ замолкъ.

Немного спустя насъ со старшей дочерью, Варей, позвали обѣдать. Вокругъ большого обѣденнаго стола сидѣли всѣ, хотя пріѣзжіе уже обѣдали гдѣ то на именинахъ у сосѣдняго помѣщика. Все время только и слышенъ былъ голосъ хозяйки, остальные не осмѣливались перебивать ея нескончаемый разговоръ. Говорила она больше о мѣстныхъ помѣщикахъ, стараясь ввести меня въ область ихъ интересовъ и пониманія. Въ разговорахъ ея слышалась часто ироническая нотка, особенно когда дѣло касалось хозяйственныхъ дѣлъ. Выходило такъ, какъ будто всѣ окружные помѣщики были наканунѣ банкротства, а въ дѣйствительности, какъ оказалось впослѣдствіи, прогорали пока только они, А—те. Изъ столовой опять перешли въ гостинную и тамъ до самаго вечера длились все одни и тѣ же разговоры. Къ вечеру я былъ уже окончательно водворенъ въ одной изъ комнатъ барскаго дома. Повидавшись съ фельдшеромъ, мы условились въ томъ, что до пріисканія квартиры онъ съ аптечкой расположится на станціи и, въ случаѣ нужды будетъ тамъ приготовлять лекарства. По утру онъ будетъ заходить ко мнѣ для совмѣстнаго пріема больныхъ на случай ихъ появленія. Другой фельдшеръ торопился до полнаго разлитія весеннихъ водъ уѣхать изъ Сѣдневки въ одну изъ отдаленныхъ волостей участка, гдѣ, по слухамъ, появился брюшной тифъ.

Прошло нѣсколько дней и нашу Сѣдневку совершенно оторвало вешними водами отъ остального міра. Съ одной стороны силь-

по разлился Ингулъ, съ другихъ сторонъ водой наполнились окружавшія балки. Акушерка наша была въ это время за рѣкой у одной роженицы, сосѣдней помѣщицы и, когда ей нуженъ былъ какой нибудь врачебный совѣтъ, подъѣзжала къ своему берегу, а на противоположный вызывала меня и мы такимъ образомъ вели нужные разговоры.

Мнѣ все больше становилось скучно въ гостепріимной семьѣ А—те. Слишкомъ ужъ неинтеллигентна была эта семья. Въ домѣ у нихъ, кажется, не было ни одной книги, не выписывалось ни журнала, ни газетъ. А между тѣмъ это была когда то богатая и родовитая семья. Двумъ дочерямъ дали образованіе въ Е—ской гимназіи, которую онѣ обѣ съ успѣхомъ окончили. Но убожество ихъ умственнаго багажа бросалось въ глаза при самомъ поверхностномъ знакомствѣ. Я ничѣмъ другимъ не могъ себѣ этого объяснить, какъ только тѣмъ, что Е—ская гимназія была ужъ очень захолустная, потому что въ тѣ времена гимназистки изъ другихъ гимназій были значительно начитаннѣе. Старшая дочь увлекалась борьбой со штундой, часто видѣлась съ мѣстнымъ священникомъ, молодымъ упитаннымъ батюшкой, и въ глаза, и за глаза, упрекала его въ лѣности, что будто бы онъ недостаточно ревностно слѣдитъ за развитіемъ штундизма и не борется съ нимъ. Старикъ А—те былъ церковнымъ старостой, но обязанности его всецѣло несла его старшая дочь. Она не пропускала ни одной церковной службы, читала и пѣла вмѣстѣ съ дьячкомъ на клиросѣ, словомъ представляла изъ себя настоящую доброволицу въ борьбѣ съ воображаемымъ потрясеніемъ религіозныхъ основъ среди крестьянъ. Изъ отношенія ея къ мѣстному священнику видно было, что этотъ послѣдній побаивался ея, стараясь успокоить, что въ его приходѣ нѣтъ штундистовъ. Отношенія къ крестьянамъ въ семьѣ А—те мнѣ также не нравились: практическая г-жа А—те часто высказывалась, что они злодѣи, все тащутъ и благодаря имъ помѣщики разоряются. Словомъ, пребываніе въ домѣ А—те уже съ первыхъ дней тяготило меня и все чаще и чаще сталъ я настаивать на пріисканіи квартиры, ссылаясь на неудобство пріема больныхъ въ ихъ домѣ.

Наконецъ нашлась и квартира: тѣ же благодѣтельные А—те уступили мнѣ свой домикъ-особнячокъ въ $^1/_4$ версты отъ усадьбы, на берегу Ингула. Нанята была и кухарка и мы съ фельдшеромъ поселились уже вмѣстѣ на своей собственной квартирѣ, гдѣ нашлась и отдѣльная комната для аптеки.

Устроившись осѣдло, я сдѣлалъ 1-й выѣздъ верстъ за 30, въ с. Казанку, осмотрѣть тифозныхъ больныхъ. Казанка оказалась большимъ мѣстечкомъ, немного меньше Михайловки и имѣла своего собственнаго сельскаго фельдшера, содержимаго на средства волости. Я впервые встрѣтился съ этимъ новымъ типомъ общественной медицины. Невысокаго качества была эта „подсобная" сельская медицина, но при той нелѣпой организаціи, какую тогда имѣла земская медицина въ Е—скомъ уѣздѣ, все же эти волостные и сельскіе фельдшера, хотя и малограмотные, стояли ближе къ народу и хоть сколько нибудь помогали больнымъ. Мой „коллежскій регистраторъ", конечно, свысока относился къ сельскому фельдшеру и послѣдній жаловался, что онъ ему не даетъ лекарствъ для тифозныхъ больныхъ, которыхъ обязано лечить земство на свой счетъ. Пробывъ въ Казанкѣ дня два, я выѣхалъ обратно въ Сѣдневку и по дорогѣ увидѣлъ двѣ еврейскихъ колоніи—Израильску и Сагайдакъ. На этотъ разъ я не заходилъ ни въ одинъ изъ домовъ этихъ колоній, но видѣлъ издали полную крестьянскую обстановку дворовъ: скотъ, немолоченный хлѣбъ и пр. Позднѣе, лѣтомъ, бывая въ этихъ колоніяхъ, я узналъ, что евреи сами исполняютъ всѣ крестьянскія работы, хотя нѣкоторые изъ нихъ, болѣе зажиточные, производятъ уборку сѣна и хлѣба черезъ наемныхъ рабочихъ.

Вешнія воды стали убывать, но дороги еще были мало проѣздимы, приходилось сидѣть больше въ Сѣдневкѣ. А—те настаивали, чтобы я познакомился съ сосѣдними помѣщиками; нѣкоторые изъ нихъ уже посылали за мной и приглашали къ своимъ больнымъ. Симпатичнѣе другихъ былъ ближайшій помѣщикъ Х. Онъ былъ еще молодой человѣкъ, правда изъ недорослей, нигдѣ неучившійся, но съ большой практической сметкой и очень трудолюбивый. Хозяйство свое онъ велъ образцово, имѣлъ много земледѣльческихъ машинъ, паровую молотилку, слесарную мастерскую, держалъ машиниста, но и самъ часто работалъ въ мастерской, не говоря уже о томъ, что не держалъ управляющаго и съ зари до зари бывалъ на всѣхъ работахъ. Жена его и свояченица, немолодая уже дѣвушка, полька, были довольно образованы; у нихъ можно было найти газеты, кое-какіе журналы, правда не русскіе, и послушать хорошую музыку. Особенно хорошо и выразительно играла сестра хозяйки: чудные звуки Шопена лились какъ будто изъ ея души. О ней мнѣ говорили у А—те, что возстаніемъ 63 года она была разлучена съ женихомъ, котораго

сослали въ Сибирь; они постоянно переписывались и теперь она ждала скораго возвращенія своего жениха. „Несчастная“, невольно думалось мнѣ,—что то будетъ съ его возвращеніемъ, не лучше-ли было ждать его до конца своихъ дней, вѣдь ей уже подъ 40 лѣтъ“! Надо полагать, что думая другъ о другѣ въ разлукѣ, эта парочка представляла себя такими же молодыми и сильными, какими они были до разлуки!

Уже въ срединѣ марта у меня были на исходѣ всѣ лекарства и больнымъ приходилось прописывать лекарства изъ вольной аптеки за 25 верстъ отъ Сѣдневки, въ полной увѣренности, что ни одинъ изъ моихъ рецептовъ туда не попадетъ. Замѣтно стало уменьшеніе больныхъ-крестьянъ и я сталъ чаще выѣзжать па эпидеміи. Зато практика среди помѣщиковъ все больше развивалась, а ихъ въ моемъ участкѣ было много. Теперь мнѣ стало понятнымъ, почему земство охотно приняло такую нелѣпую организацію медицины: она стоила сравнительно дешево и помѣщики были спокойны, что теперь у нихъ имѣются вблизи врачи, ничѣмъ на мѣстѣ несвязанные и готовые къ ихъ услугамъ по первому зову,

Въ концѣ апрѣля въ Сѣдневкѣ обыкновенно бываетъ Егорьевская ярмарка; на ней меня поразила толпа рабочихъ, пришедшихъ изъ Полтавской, Кіевской и Черниговской губерній искать лѣтнихъ заработковъ и запродававшихъ свой трудъ почти за безцѣнокъ, такъ какъ въ 1878 году для нихъ представляли значительную конкуренцію плѣнные турки, которыхъ богатыя экономіи разбирали чуть не задаромъ. Для пришлыхъ рабочихъ здѣсь въ то время не было никакихъ помѣщеній, ни продовольственныхъ пунктовъ. Многіе изъ нихъ бродили по селеніямъ, прося подаянія.

Въ экономіи А—те были также взятые для работъ плѣнные турки. Появленіе турокъ навело такую панику на мѣстное женское населеніе, что рѣдко кто изъ женщинъ и дѣвушекъ рѣшался въ сумерки выходить изъ дома. У А—те ихъ не только не боялись, но болѣе молодые и красивые турки въ праздничные дни нерѣдко появлялись въ комнатахъ. Здѣсь ихъ поили чаемъ; турки особенно лакомы были на варенье, въ чемъ имъ также не отказывали.

Подъ вліяніемъ страховъ крестьянскихъ женщинъ и описаннаго ниже происшествія, надъ бѣдными турками стряслось подозрѣніе въ убійствѣ одной женщины. Случилось это въ семьѣ одного очень богатаго крестьянина въ маѣ мѣсяцѣ, во время сѣноко-

са. Семья эта вмѣстѣ съ нанятыми рабочими косила и убирала сѣно недалеко отъ сѣнокоса А—те, гдѣ работали турки. Въ предъобѣденное время одна изъ женщинъ варила обѣдъ и здѣсь же стояли привязанныя у арбы лошади этого крестьянина. Кони были молодые и сытые. Когда женщина подошла близко къ арбѣ и стала подымать съ земли щепы, одна изъ лошадей лягнула и попала подковой въ голову несчастной женщинѣ, которая тутъ же и упала, обливаясь кровью и потерявъ сознаніе. Въ часъ обѣда, когда работавшая семья пришла къ своей арбѣ и увидѣла лежавшую безъ сознанія и бредившую турками женщину, тотчасъ же явилось подозрѣніе на турокъ и ихъ арестовали.

Когда меня пригласили къ пострадавшей женщинѣ, я увидѣлъ у нея на лбу огромную зіяющую рану, изъ которой выпали частички мозга. Больная сильно бредила и, дѣйствительно, иногда въ бреду упоминала турокъ. Но я думалъ, что въ то время всякая женщина бредила бы турками, до того сильно было настроено противъ нихъ женское воображеніе. У пострадавшей женщины, между тѣмъ, появились грозные признаки воспаленія мозга и на 8-й день она умерла. Несчастные турки все время томились въ заключеніи и однажды становой приставъ призывалъ меня свидѣтельствовать слѣды крови на бѣльѣ одного изъ нихъ, оказавшіяся слѣдами разнаго рода насѣкомыхъ, въ большомъ изобиліи вскормившихся этими несчастными. Черезъ нѣсколько дней явился уѣздный врачъ для производства вскрытія. Вскрытіе черепа производилъ я самолично и по снятіи кожи черепа мы увидѣли на черепномъ сводѣ ясный отпечатокъ подковы. Оказалось, что въ мѣстѣ, гдѣ стояла арба, были почему то разбросаны щепы и несчастная женщина, приготовляя обѣдъ для рабочихъ, близко подошла къ лошадямъ и когда нагнулась, собирая щепы, одна изъ лошадей лягнула ее по головѣ. И дѣйствительно, принесенная подкова съ задней ноги той лошади точь въ точь подошла къ черепной ранѣ погибшей женщины, и несчастныхъ турокъ тотчасъ же освободили изъ заключенія.

Благодаря отсутствію лекарствъ моя амбулаторія сводилась къ нулю. Я сталъ теперь, кромѣ разъѣздовъ по эпидеміямъ, собирать свѣдѣнія о рождаемости и смертности по приходамъ своего участка, отмѣчать бросающіяся въ глаза медико-топографическія особенности мѣстности и готовилъ къ предстоящему въ маѣ совѣщанію врачей при Б—цкой больницѣ пробный очеркъ санитарныхъ изслѣдованій. Работа моя была прервана неожиданнымъ вызовомъ

въ экономію богатаго помѣщика З.-Яв., гдѣ оказались больные тифомъ рабочіе. Я отмѣчаю здѣсь эту поѣздку въ виду того, что въ земскомъ собраніи, происходившемъ нѣсколько позже, на нее ссылались въ доказательство пригодности существующей здѣсь организаціи земской медицины.

Экономія Зп.-Яв. отстояла верстахъ въ 80 отъ Сѣдневки. Пріѣхалъ я туда вечеромъ и тотчасъ-же осмотрѣлъ больныхъ рабочихъ, послѣ чего пригласили меня въ домъ помѣщика. Хозяина не было дома, а жена его, молодая еще женщина, радушно встрѣтила меня и благодарила за пріѣздъ. Въ разговорѣ она какъ то упомянула, что у нихъ сегодня пропала отъ сибирской язвы любимая лошадь ея мужа. Я спросилъ, гдѣ и какъ зарыли эту лошадь. Я указалъ ей на опасность небрежнаго зарытія труповъ животныхъ, павшихъ отъ сибирской язвы. Оказалось, что пропавшая лошадь свезена со двора и брошена гдѣ то въ балкѣ незарытая въ землю. Я указалъ управляющему на необходимость зарыть лошадь какъ можно глубже въ могилу и трупъ засыпать известью. Рѣшено завтра же утромъ все это сдѣлать. Я уѣхалъ отъ Зп.-Яв—скихъ, не придавая много значенія эпизоду съ лошадью, но ему, какъ увидимъ ниже, суждено было выплыть въ предстоящемъ земскомъ собраніи.

Въ первыхъ числахъ мая насъ извѣстила земская управа о томъ, что очередное совѣщаніе врачей будетъ происходить въ г. Боб—цѣ, при земской больницѣ. Это было всего въ 25 верстахъ отъ меня и я явился на совѣщаніе въ числѣ первыхъ врачей. Д—ръ Ястржембскій очень любезно встрѣтилъ меня, показалъ мнѣ больницу и наиболѣе интересныхъ больныхъ. Больница помѣщалась въ 2-хъ этажномъ каменномъ домѣ; въ ней было 50 штатныхъ кроватей и содержалась она очень чисто. Онъ показалъ мнѣ и тѣхъ больныхъ, которымъ предстояла оперативная помощь, пріуроченная къ нашему съѣзду. Крупныхъ операцій на этотъ разъ не предстояло и я просилъ Ястржембскаго дать мнѣ вырѣзать у больного какую-то опухоль на лицѣ, на что онъ любезно согласился.

Въ ожиданіи пріѣзда товарищей я пошелъ ходить по городу. Городокъ былъ очень небольшой, но не имѣлъ такого вида деревни, какъ г. Бор—на. Былъ здѣсь и бульваръ, засаженный душистыми акаціями. На постояломъ дворѣ я распорядился, чтобы какъ только пріѣдетъ д—ръ Бог—лецъ, послали за мной на бульваръ. Просидѣлъ я до поздняго вечера, а за мной все не

присылали и когда я пришелъ домой, „пінты“ все еще не было; не пріѣхалъ онъ и ночью, а на утро узнаю отъ предсѣдателя и члена управы, что Алекс. Мих. на дняхъ совсѣмъ уѣхалъ въ г. Н., гдѣ, будто бы, была больна его жена. Очевидно „пінта“ въ достаточной мѣрѣ ознакомился со штундой, а больше ему ни до чего не было дѣла въ Е—скомъ уѣздѣ.

Утро 1-го дня нашего съѣзда было посвящено больницѣ: здѣсь было произведено нами нѣсколько хирургическихъ операцій, осмотрѣны коечные больные, а затѣмъ мы присутствовали при пріемѣ больныхъ въ амбулаторіи. Больница была поставлена Ястржембскимъ очень хорошо: чистота, порядокъ, пища больныхъ, довольно большая и разнообразная амбулаторія.—Все это хорошо, думалось мнѣ, но только для небольшого числа счастливцевъ, живущихъ на разстояніи 10—15 верстъ, причемъ на больничныя койки попадаетъ только часть тяжелыхъ больныхъ, остальные же остаются дома, безъ всякой помощи, такъ какъ ни больничный врачъ, ни его фельдшера не обязаны подавать помощь внѣ больницы.

Совѣщаніе наше происходило вечеромъ. Здѣсь прежде всего обсуждались разнообразныя нужды больницъ и обсуждались тщательно и детально. Затѣмъ я прочелъ свои наброски санитарныхъ изслѣдованій. Изъ санитарныхъ врачей были еще нашъ „генералъ“ и вновь поступившій врачъ Гор—льдъ, не молодой уже человѣкъ. Я, по прежнему, настаивалъ на томъ, что наша санитарія ни къ чему не приведетъ и что такая организація земской медицины—даромъ выброшенныя деньги. Ястржембскій стоялъ на своемъ и для облегченія нашихъ санитарныхъ изслѣдованій предлагалъ намъ, санитарнымъ врачамъ, сообща выработать программу. Изъ товарищей моихъ „генералъ“ утверждалъ, что и безъ этихъ изслѣдованій въ существованіи санитарныхъ врачей есть польза для населенія, хотя бы та, что мы лечимъ эпидемическихъ больныхъ. Пренія приняли бурный характеръ. Я настаивалъ, чтобы внесли въ предстоящее земское собраніе предложеніе о реорганизаціи медицины съ оставленіемъ одного санитарнаго врача на весь уѣздъ, которому и предоставить вѣдать эпидеміи, а остальныя деньги употребить на устройство одного или двухъ участковъ въ любомъ мѣстѣ уѣзда съ пріемнымъ покоемъ и лекарствами. Всѣ врачи были противъ моего предложенія, а управа безмолвствовала. Секретаремъ этого совѣщанія былъ я, всѣ матеріалы нашего совѣщанія были у меня въ рукахъ и я рѣшилъ опубликовать все происхо-

дившее на нихъ, хотя бы въ „Е—скомъ Вѣстникѣ“. Службу въ здѣшнемъ земствѣ я порѣшилъ бросить, хотѣлось мнѣ только дождаться земскаго собранія и увидѣть собственными глазами весь его составъ.

По пріѣздѣ въ Сѣдиевку я тотчасъ же принялся за работу и черезъ нѣсколько дней былъ готовъ протоколъ засѣданія и замѣтка для газеты. Я уѣхалъ въ городъ переговорить съ нашимъ секретаремъ относительно печатанія протокола совѣщанія. Нѣкоторое время онъ колебался, не желая печатать моихъ нападакъ на санитарную медицину Е—скаго уѣзда, потомъ согласился, сгладивъ нѣкоторыя рѣзкости нападокъ, и протоколъ былъ напечатанъ.

Въ городѣ я оставался до земскаго собранія. Съ Аф. Ив. мы порѣшили, что я больше не останусь на службѣ земства и пока возьму мѣсто или въ Красномъ Крестѣ или въ военно-временномъ госпиталѣ, гдѣ имѣлась одна вакансія ординатора, въ чемъ мнѣ обѣщалъ помочь Аф. Ив.

Собраніе, наконецъ, наступило. Оно происходило въ дворянскомъ домѣ и уже одинъ внѣшній видъ его рѣзко отличался отъ всего видѣннаго мною въ земскихъ собраніяхъ Ч—ской губерніи. Въ большой залѣ дворянскаго собранія стулья были разставлены въ два ряда, какъ это бываетъ въ концертахъ, а позади ихъ стояли двѣ деревянныхъ скамьи для гласныхъ изъ крестьянъ. Предводитель дворянства съ секретаремъ собранія и управой помѣстились на эстрадѣ, публика сидѣла на хорахъ. Гласныхъ отъ крестьянъ было немного и всѣ они были какіе то робкіе, словно пришибленные. Всего больше возмущало меня отношеніе къ нимъ предводителя дворянства: при баллотировкѣ какого-нибудь вопроса онъ пренебрежительно обращался къ сидѣвшимъ на скамьяхъ— „ну, а вы какъ же будете“ и тѣ обыкновенно вскакивали всѣ вдругъ и выкрикивали какъ то по-солдатски то или другое свое рѣшеніе. Во всемъ здѣсь сквозилъ дворянскій духъ и меня поражало то, что интеллигентные гласные относились ко всему этому совершенно равнодушно.

При обсужденіи смѣты по земской медицинѣ стали говорить о послѣдней и одинъ изъ гласныхъ, огромный степной помѣщикъ, усиленно сталъ восхвалять санитарныхъ врачей, именно меня, оказавшаго услугу, не давъ развиться страшной болѣзни—сибирской язвѣ. Это былъ помѣщикъ Зп.-Я—скій. Остальные гласные не говорили ни за, ни противъ санитарной медицины. Спрашивать объ этомъ врачей здѣсь не было принято.

Не прошло и недѣли со времени возвращенія въ Сѣдневку, какъ я получаю письмо отъ Алекс. Мих. изъ Бор—скаго уѣзда. Онъ пишетъ мнѣ, что служитъ теперь въ Комаровкѣ и часто видится съ Никод. Никод., что послѣ нашего ухода тамъ было созвано экстренное собраніе, на которомъ было прочитано мое и Лук—скаго заявленіе о причинѣ нашего ухода и собраніе постановило дать въ помощь врачамъ фельдшеровъ. Далѣе Алекс. Мих. пишетъ, что предсѣдатель и самъ уже значительно поколебался на счетъ пригодности организаціи у нихъ земской медицины, что онъ вовсе не враждебно относится ко мнѣ. Алекс. Мих. спрашиваетъ меня, согласился ли бы я снова вернуться въ Бор—скій уѣздъ, если бы тамъ явилась надежда на перемѣну организаціи медицины. Я отвѣтилъ ему, что съ удовольствіемъ вернусь туда, если получу приглашеніе отъ самого Никод. Никод.

Недѣли черезъ двѣ я получилъ приглашеніе отъ самого Никод. Никод., въ которомъ онъ пишетъ, что въ предстоящемъ земскомъ собраніи можетъ быть отмѣнена существующая организація медицины и замѣнена другой; для обстоятельной мотивировки непригодности старой и выработки плана новой онъ приглашаетъ меня, при чемъ прибавляетъ въ утѣшеніе, что мнѣ придется недолго, всего 2—3 мѣсяца поработать у нихъ при старой организаціи. Я отвѣтилъ ему о своемъ согласіи снова вернуться въ Бор—скій уѣздъ.

По инструкціи для Е—скихъ санитарныхъ врачей я долженъ былъ со дня заявленія объ увольненіи прослужить 1 мѣсяцъ до пріисканія новаго врача. Поэтому мнѣ пришлось прожить еще мѣсяцъ въ опротивѣвшей Сѣдневкѣ и только въ концѣ іюля я разстался навсегда съ Е—скимъ земствомъ.

На службѣ въ Бор—скомъ земствѣ.

I.

Въ августѣ 1878 года я получилъ отъ предсѣдателя Бор—ской земской управы приглашеніе занять мѣсто земскаго врача въ ихъ уѣздъ. Въ это время я служилъ санитарнымъ врачемъ въ м. Сѣдневкѣ Ел—скаго уѣзда. Служба въ Сѣдневкѣ мнѣ не нравилась по многимъ причинамъ, изъ которыхъ главной была несимпатичная мнѣ система организаціи земской медицины, а потому я охот-

но принялъ предложеніе Б—скаго предсѣдателя и, наскоро собравшись, выѣхалъ изъ Сѣдневки. Раннимъ августовскимъ утромъ поѣздъ привезъ меня на станцію Плиски К—к—ской желѣзной дороги. Отсюда оставалось проѣхать до города одну станцію на почтовыхъ. На поляхъ все уже было убрано и свезено, оставалась мѣстами только дозрѣвавшая гречиха. Солнце все сильнѣе припекало, со всѣхъ сторонъ обдавало пылью, а лошади тащились уныло и медленно. Вотъ, наконецъ, видѣнъ вдали и городъ, но прежде чѣмъ доѣхать до центральной части его, надо было долго проплутать по чисто деревенскимъ улицамъ и закоулкамъ предмѣстья. Я это зналъ, такъ какъ бывалъ въ Бор—нѣ прошлую осень и потому терпѣливо оглядывалъ маленькіе, покрытые соломой, домики, свѣжія копны хлѣба, колодцы съ журавлями и прочія, такъ давно знакомыя и ставшія уже мнѣ дорогими деревенскія картины. Въ городѣ не было гостиницы, и я велѣлъ ямщику ѣхать въ знакомый мнѣ постоялый дворъ на базарѣ. Какъ и прежде, меня встрѣтила молодая, красивая хозяйка постоялаго двора, повязанная неизмѣннымъ лиловымъ шелковымъ платкомъ. Полъ „горницы", чисто на-чисто вымытый, застланъ самодѣльными половицами; столы покрыты домотканными скатертями.

Помывшись, я, въ ожиданіи самовара, растянулся на диванѣ и, послѣ безсонной ночи, заснулъ такъ крѣпко, что меня принимались не разъ будить. Къ часамъ двѣнадцати, напившись вдоволь чаю, я отправился въ управу. Предсѣдателя не было въ городѣ. Членъ управы Котляровъ привѣтствовалъ меня какъ стараго знакомаго и сказалъ, что Никодимъ Никодимовичъ (предсѣдатель управы) просилъ меня подождать его здѣсь въ городѣ. Узнавъ, что предсѣдатель пріѣдетъ не раньше завтрашняго вечера, я недоумѣвалъ, что мнѣ здѣсь дѣлать. Пришла въ голову мысль—поѣхать къ старому знакомому Александру Александровичу Р—ову, бывшему Чер—скому статистику, который, какъ я слышалъ, послѣ разгрома статистическаго бюро въ Ч., купилъ здѣсь небольшой кусокъ земли и, какъ тогда говорили, „сѣлъ на землю", т. е. занялся сельскимъ хозяйствомъ. Въ управѣ мнѣ сказали, что Р—овъ поселился въ 3-хъ верстахъ за Шаповаловкой, хорошо мнѣ знакомой. Я рѣшилъ немедленно отправиться туда и къ 5 часамъ вечера я былъ уже у Р—ова. На пустынномъ прежде мѣстѣ стоялъ теперь новенькій домикъ городского типа съ большими окнами. Надворныхъ построекъ было еще немного. У дома стояла телѣга съ пескомъ, около которой возился какой-то чело-

вѣкъ въ красной рубахѣ, съ довольно большой бородой и интеллигентнымъ лицомъ. Я спросилъ:—„здѣсь ли живетъ Александръ Александровичъ и могу ли я его увидѣть"?

Онъ отвѣтилъ, что Александръ Александровичъ теперь въ полѣ и никого нѣтъ дома, но просилъ зайти въ комнату, такъ какъ хозяева сейчасъ должны возвратиться домой. Онъ вошелъ вмѣстѣ со мной въ домъ и отрекомендовался товарищемъ по хозяйству Александра Александровича—Макавѣевымъ. Въ домѣ я нашелъ сына Р—ова, трехлѣтняго мальчика съ няней. Макавѣевъ—высокій, плечистый мужчина лѣтъ двадцати семи—восьми, съ загорѣвшимъ лицомъ и крупными мозолистыми руками настоящаго рабочаго. Такихъ „опростившихся" интеллигентовъ въ тѣ времена можно было встрѣтить нерѣдко, а потому я, безъ всякихъ обиняковъ, сталъ разспрашивать:—давно ли онъ живетъ въ деревнѣ, гдѣ онъ раньше учился и пр.?

Оказалось, что Макавѣевъ уже много лѣтъ послѣ выхода изъ старшихъ класовъ гимназіи занимается хозяйствомъ и исполняетъ всякія сельскія работы.

Александръ Александровичъ и жена его, Софія Федоровна, занимаются этимъ дѣломъ первый годъ, но уже достаточно привыкли къ нему.

Во время нашей бесѣды пришли съ поля и хозяева. Алекс. Алекс., одѣтый въ какой-то пиджакъ, въ соломенномъ брылѣ на головѣ, до того загорѣлъ, былъ покрытъ потомъ и пылью, что если бы не предательскіе очки на носу, его можно было принять за какого-нибудь фермера, но вглядѣвшись пристальнѣе, лицо его обличало въ принадлежности къ другой профессіи. Еще меньше измѣненій произвели занятія крестьянскимъ дѣломъ въ женѣ его, Софьѣ Федоровнѣ. Изящная и граціозная, по воспитанію и происхожденію изъ барской семьи, постоянно вращавшаяся въ средѣ самой отборной интеллигенціи, Софья Федоровна, несмотря на свой теперешній полукрестьянскій, полугородской костюмъ, выдавала свое происхожденіе. Непривычная работа не наложила никакого отпечатка и на ея живой, веселый характеръ.

Семья принялась полудновать; предложили и мнѣ. Было время созрѣванія арбузовъ и дынь, которыми такъ богата Малороссія. Въ разспросахъ и веселой бесѣдѣ время летѣло незамѣтно. Первый очнулся Алекс. Алекс.

— А що же-це мы тутъ все балакаемъ. Треба йты кинчать работу. Вы, панычу, посыдьте тутъ одни, якъ що не хочете йты зъ нами,—сказалъ онъ обращаясь ко мнѣ.

Я пошелъ съ ними—посмотрѣть, что они дѣлаютъ. Мужъ и и жена дожинали остатки какого-то еще не убраннаго хлѣба. Посмотрѣвъ ихъ работу, я отправился къ Макавѣеву и сталъ ему помогать накладывать на возъ глину. Это мнѣ понравилось и я проработалъ съ нимъ до вечера, перепачкавъ глиной свой городской костюмъ.

Къ сумеркамъ всѣ собрались въ домъ. Стоялъ чудный вечеръ, какіе въ августѣ въ Малороссіи бываютъ нерѣдко. Мы усѣлись съ Алекс. Алекс. на крылечкѣ, а Софья Федоровна ушла готовить ужинъ. Онъ разсказываль мнѣ всѣ перипитіи разгрома статистики въ Ч., какъ онъ теперь очутился безъ дѣла и надумалъ устроиться на землѣ. Разсказывалъ, что его какъ то пригласили произвести учетъ въ Шаповаловскомъ волостномъ правленіи. Ему такъ понравилась эта работа, что на зиму онъ не прочь взять мѣсто волостного писаря. Непремѣнный членъ, братъ предсѣдателя земской управы, Григорій Никодимовичъ, также этого очень желаетъ и взялъ у него даже документы, но и самъ непремѣнный членъ боится, какъ бы магистрантство Алекс. Алекс. (онъ выдержалъ экзаменъ на магистра, но не защищалъ еще диссертаціи) этому не помѣшало. Скоро насъ позвали ужинать. Послѣ ужина Софья Федоровна, не смотря на усталость, сыграла нѣсколько вещицъ на рояли, а мужъ ея, обладая прекраснымъ баритономъ, пропѣлъ любимый всѣми нами „Садокъ вишневый коло хаты“. Ложась спать, я просилъ Макавѣева разбудить меня, когда будетъ собираться на работу, такъ какъ я и завтра хочу помогать ему.

Наше утро началось около 6 часовъ. Наскоро напившись чаю съ неизмѣннымъ малороссійскимъ завтракомъ изъ куска сала, мы всѣ разбрелись на работу. Я работалъ порывисто, нервно. Макавѣевъ предупреждалъ меня, что такъ я и до обѣда не дотяну и брошу все. Но иначе я не умѣлъ работать и за то, дѣйствительно, часамъ къ 11 я, что называется, еле волочилъ ноги. За обѣдомъ ѣлъ мало и только двухчасовой послѣобѣденный сонъ освѣжилъ меня настолько, что я остальную часть дня проработалъ безъ особенной усталости.

На слѣдующій день было воскресеніе. Макавѣеву надо было ѣхать въ городъ за покупками, онъ взялъ и меня.

Предсѣдатель управы былъ въ городѣ; я зналъ его квартиру и направился къ нему.

Вспоминая наши прошлогоднія несогласія, Никод. Никод. сказалъ, что вскорѣ послѣ нашего съ врачемъ Л—скимъ ухода изъ ихъ земства состоялось экстренное земское собраніе, на которомъ было прочитано наше мотивированное заявленіе о выходѣ въ отставку. Собраніе признало справедливымъ дать намъ въ помощь по одному фельдшеру при каждомъ пріемномъ покоѣ; самую же систему выѣздныхъ пунктовъ не измѣнять до осени, когда на очередномъ собраніи дѣло выяснится обстоятельнѣе. Къ этому Никод. Никод. добавилъ:

— Вы будете завѣдывать Ивангородскимъ участкомъ Тамъ васъ ждетъ врачъ А—вичъ, отъ него вы примете участокъ. Въ Шаповаловскомъ участкѣ теперь также вакантно мѣсто врача, но я предлагаю вамъ Ивангородъ, потому что тамъ мѣстное общество строитъ больницу по предложенному нами плану, а вы такой сторонникъ больницъ! Въ томъ же участкѣ въ дер. Плиски проживаетъ Иванъ Ильичъ П., иниціаторъ и сторонникъ системы пунктовъ. Въ Плискахъ вамъ придется еженедѣльно принимать больныхъ, вы познакомитесь съ Иваномъ Ильичемъ и будете имѣть возможность доказать ему несостоятельность его системы. Да и теперь вамъ будетъ по дорогѣ заѣхать къ нему, кстати я дамъ вамъ и порученіе.

Въ тотъ же день, собравъ все необходимое въ управѣ, я выѣхалъ изъ города. Въ дер. Плиски находилась почтовая станція и я рѣшилъ, пока мѣняли лошадей, зайти въ усадьбу къ Ивану Ильичу. Въ усадьбѣ, окруженной большимъ садомъ и паркомъ, стоялъ большой одноэтажный барскій домъ и при немъ флигель. На крыльцѣ меня встрѣтилъ старый лакей изъ бывшихъ крѣпостныхъ. Иванъ Ильичъ съ семьей былъ дома. Я видѣлъ его нѣсколько разъ въ Ч. на губернскомъ собраніи, гдѣ онъ былъ однимъ изъ выдающихся ораторовъ. Высокій и стройный, съ непокорно торчавшимъ чубомъ волосъ на головѣ, Иванъ Ильичъ обладалъ одной изъ тѣхъ физіономій, которыя не легко забываются. Его публичныя рѣчи, всегда сильныя, часто убійственныя для противниковъ по своему сарказму, были выдающимися въ собраніяхъ. Здѣсь же, въ домашней обстановкѣ, окруженный большой семьей, Иванъ Ильичъ являлся гостепріимнымъ хозяиномъ, интереснымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ.

От с. Плисок до Ивангорода было 8—9 верст и так как на дворѣ уже стемнѣло, то я охотно согласился на просьбу переночевать въ Плискахъ. У насъ было много общихъ знакомыхъ въ Н. и Ч. и, вспоминая ихъ, мы провели вечеръ незамѣтно.

На другой день, часовъ въ 11, я уже былъ въ Ивангородѣ и заѣхалъ прямо въ пріемный покой, который, кстати, находился тутъ же на дорогѣ. Здѣсь я засталъ д-ра А-вича и фельдшера, принимавшихъ больныхъ. А-вичъ сказалъ мнѣ, что съ нетерпѣніемъ ждалъ моего пріѣзда, такъ какъ ему давно уже пора уѣзжать на новое мѣсто, куда-то въ Воронежскую губернію. Онъ порадовалъ меня извѣстіемъ, что пріискалъ для меня подходящую квартиру, тутъ же неподалеку отъ пріемнаго покоя и мы вмѣстѣ съ нимъ тотчасъ же отправились осматривать квартиру. Хозяинъ квартиры діаконъ У—скій былъ человѣкъ сговорчивый и мы быстро условились въ цѣнѣ. Сложивъ свои вещи, я пошелъ съ А-вичемъ въ пріемный покой, гдѣ вмѣстѣ закончили пріемъ больныхъ, послѣ чего я принялъ аптеку и все земское имущество.

Пріемный покой помѣщался въ маленькомъ флигелькѣ мѣстнаго священника и раздѣлялся холодными сѣнями на двѣ половины, по одной комнатѣ въ каждой. Въ одной изъ этихъ комнатъ жилъ фельдшеръ, а въ другой была аптека и амбулаторія.

По окончаніи пріема, А—вичъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Мы направились къ нему по довольно широкой улицѣ, на другой сторонѣ которой стояли почти рядомъ 2 церкви.

Ивангородъ—большое мѣстечко съ 4—5 тыс. жителей и въ казацкую старину представлялъ изъ себя укрѣпленный городокъ, о чемъ свидѣтельствовали остатки сохранившихся развалинъ крѣпостныхъ валовъ. А—вичъ жилъ на базарной площади въ небольшомъ, крытомъ желѣзомъ, домикѣ. Онъ былъ холостой человѣкъ, недавно окончившій университетъ, но содержалъ большую семью своихъ родныхъ: мать, братьевъ и сестеръ. Къ земству и деревнѣ у него не было никакого влеченія и попалъ онъ сюда случайно, за недостаткомъ другого, болѣе подходящаго мѣста. Объ Ивангородѣ онъ отзывался нелестно, главнымъ образомъ, потому, что здѣсь было мало развлеченій, мало общества. Послѣ обѣда мы ходили съ нимъ къ нѣкоторымъ больнымъ, а послѣ вечерняго чая отправились посмотрѣть строющуюся больницу. Къ ней надо было пройти около версты, на противоположный ко-

нецъ мѣстечка. Здѣсь у самой дороги, на открытой песчаной мѣстности строился новый домикъ, снаружи уже законченный и только внутри настилались полы и складывались печи. Въ домикѣ было, кромѣ широкихъ сѣней и кухни, 4 довольно просторныя комнаты, расположеніемъ напоминавшія Козлянскую больницу, но безъ внутренняго, центральнаго коридора, этой ненужной принадлежности старыхъ казенныхъ больницъ.

Возвращаясь домой, мы встрѣтили группу гуляющихъ, знакомыхъ А—вича. Это все были молодые люди: двое мужчинъ и 3 барышни. Изъ мужчинъ одинъ—студентъ медико-хирургической академіи М—вичъ, а другой—его братъ семинаристъ. Двѣ барышни были сестры М—вича, а третья—дочь мѣстнаго помѣщика Н—скаго. Старшая Мир—вичь и Неб—ская были студентками К—скихъ курсовъ. Когда д-ръ А—вичъ переименовалъ ихъ всѣхъ, я съ удивленіемъ спросилъ:—„какого же вамъ еще общества надо"? На это онъ отвѣтилъ, что такая благодать бываетъ только на святкахъ, да на каникулахъ, а вотъ скоро всѣ разъѣдутся и тогда „хоть волкомъ вой".

Я тутъ же познакомился со всею мѣстною молодежью. Студентъ М—вичъ мнѣ очень понравился. Сынъ мѣстнаго недавно умершаго священника, онъ по окончаніи семинаріи поступилъ въ медико-хирургическую академію и здѣсь, въ Ивангородѣ, видимо, имѣлъ большое и благотворное вліяніе на мѣстную учащуюся молодежь.

Въ слѣдующій день на пріемѣ больныхъ въ амбулаторіи я ближе познакомился съ мѣстнымъ земскимъ фельдшеромъ Григоріемъ Никитичемъ Василенко. Онъ былъ еще очень молодой человѣкъ, всего 2 года назадъ окончившій фельдшерскую школу, былъ очень сдержанъ и мало разговорчивъ, но все же сообщилъ мнѣ кое какія необходимыя свѣдѣнія о себѣ и объ условіяхъ мѣстной жизни и медицинской практики. Изъ его словъ, вполнѣ оправдывавшихся записями, здѣсь, особенно въ праздничные и базарные дни, бывали большіе амбулаторные пріемы, часто превышавшіе 100 больныхъ на одинъ пріемъ; выѣзды по ближайшимъ деревнямъ также были не рѣдки и всецѣло лежали на немъ, такъ какъ участковый врачъ былъ больше занятъ выѣздами на пункты. Сегодня былъ будничный день и потому больныхъ явилось немного; мы рано покончили съ пріемомъ. Послѣ, въ теченіе всего дня, больные приходили ко мнѣ и я отправлялъ ихъ съ рецептами въ амбулаторію. И все же я чувствовалъ себя здѣсь неизмѣримо

лучше, чѣмъ въ Сѣдневкѣ, гдѣ не было никакихъ лекарствъ и медицинскихъ инструментовъ, и въ Шаповаловкѣ, когда тамъ не было помощника—фельдшера. Только мысль о предстоящихъ выѣздахъ на пункты нѣсколько безпокоила меня. Выѣзды эти я считалъ непроизводительной, съ медицинской точки зрѣнія, потерей времени и силъ. Къ этому еще примѣшивалось непріятное порученіе управы завѣдывать Шаповаловскимъ участкомъ, гдѣ теперь не было врача, и куда надо было отъ времени до времени навѣдываться, хотя бы съ цѣлью узнать, не скрываются ли гдѣ заразныя заболѣванія. По совѣту д-ра Ал—вича я нанялъ для разъѣздовъ его извозчика, знающаго мѣстныя условія выѣздныхъ пунктовъ.

Объѣхавъ по одному разу всѣ свои выѣздные пункты, я получилъ увѣдомленіе изъ управы, что въ одномъ изъ селеній Шаповаловскаго участка появился дифтеритъ. Надо было ѣхать туда немедленно. Оказалось, что это было большое селеніе, верстахъ въ 12 отъ города и почти все оно уже было охвачено дифтеритными заболѣваніями.

Для борьбы съ эпидеміей надо было сосредоточить на ней все вниманіе, для чего отложить въ сторону заботы о пунктахъ и объ Ивангородской амбулаторіи. Пришлось чуть не совсѣмъ переселиться на мѣсто эпидеміи. Къ счастью, дальше этого селенія дифтеритъ не пошелъ, благодаря чему черезъ 2—3 недѣли эпидемія совсѣмъ прекратилась.

За это время я успѣлъ нѣсколько разъ бесѣдовать съ Иваномъ Ильичемъ о недостаткахъ организаціи медицинской помощи въ уѣздѣ. Какъ человѣкъ умный, Иванъ Ильичъ скоро понялъ и согласился, что при тѣхъ средствахъ, какія въ то время земство тратило на медицину, нечего мечтать о томъ, чтобы все населеніе равномѣрно пользовалось надлежащей медицинской помощью и что при такихъ условіяхъ надо помириться съ тѣмъ, что правильная врачебная помощь выпадаетъ на долю тѣхъ, кто живетъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ врачемъ и больницей, т. е. въ районахъ,—радіусами, примѣрно, 10—15 верстъ вокругъ больничекъ; на дальнѣйшихъ же окраинахъ участковъ можно примириться и съ фельдшерской помощью и только въ особенно тяжелыхъ случаяхъ, какъ неправильные роды, крупныя травматическія поврежденія и проч., можно и на окраины вызывать врача.

Согласившись со мной въ главныхъ пунктахъ предполагавшихся измѣненій въ постановкѣ земско-медицинскаго дѣла, Иванъ Ильичъ

предложилъ обсудить все это въ совѣщаніи управы вмѣстѣ съ другими земскими врачами и нѣкоторыми изъ гласныхъ и послѣ того приготовить къ предстоящему собранію докладъ, обѣщая съ своей стороны поддержать новый проектъ. Онъ далъ слово написать Никод. Никод. и поторопить его созывомъ совѣщанія.

Въ концѣ сентября состоялось наше совѣщаніе при земской управѣ. Здѣсь я познакомился съ остальными моими товарищами. Врачъ, завѣдывавшій городской земской больницей и прилегающими къ городу волостями, д-ръ Каменскій, былъ не молодой уже человѣкъ и притомъ очень болѣзненный. Съ выдающимися земцами онъ ладилъ и они въ немъ, кажется, всего больше цѣнили непротивленіе. Городская больница у него была поставлена неважно—и тамъ царствовалъ фельдшерскій режимъ. Врачъ Комаровскаго участка Хв—цкій былъ моимъ товарищемъ по университету и усерднымъ работникомъ. Врачъ Ичненскаго участка, ближайшій мой сосѣдъ, жилъ всего въ 20 верстахъ отъ меня, въ торговомъ и богатомъ мѣстечкѣ Ичня, гдѣ больше занимался платной частной практикой, для чего нерѣдко выѣзжалъ въ сосѣдній уѣздъ Полтавской губерніи. Симпатіей, какъ со стороны земцевъ, такъ и Ичненскихъ обывателей, онъ не пользовался, а Иванъ Ильичъ говорилъ даже о томъ, что на предстоящемъ собраніи онъ намѣренъ поднять вопросъ объ его удаленіи, для чего имѣетъ весьма солидныя данныя.

Въ совѣщаніи мы начали съ чтенія моего и Лук—скаго заявленія, поданнаго нами въ управу при уходѣ со службы въ прошломъ году *) Подкрѣпивъ эти данныя новыми впечатлѣніями отъ пунктовой системы, накопившимися у меня за послѣдніе два мѣсяца службы, я предложилъ переходъ къ больнично-стаціонарной системѣ и изложилъ возможность ея организаціи въ моемъ участкѣ. Ивангородскій участокъ состоялъ изъ 3 волостей и имѣлъ протяженіе на 30 слишкомъ верстъ въ длину и 20 въ ширину, при населеніи въ 35 тыс. человѣкъ. Ивангородъ занималъ хотя и нецентральное мѣсто въ участкѣ, но зато это было самое населенное мѣсто въ участкѣ и постройка больничнаго зданія здѣсь приходила уже къ концу. Для полноты организаціи больнично-стаціонарной системы здѣсь недоставало только одного фельдшера, который долженъ былъ жить въ центрѣ двухъ остальныхъ волостей и подавать медицинскую помощь на окраинахъ участка. Въ

*) См. очеркъ IV—„На перепутьи“.

Комаровскомъ участкѣ также строилась крестьянами больница по тому же плану, какъ въ Ивангородѣ. Въ мѣстечкѣ Ичнѣ отдавался въ наемъ частный домъ, который можно было приспособить подъ больницу. Въ м. Шаповаловкѣ также имѣлся принадлежащій обществу домъ, хотя порядочно запущенный. Такимъ образомъ оборудованіе больницъ въ 4-хъ медицинскихъ пунктахъ уѣзда не представляло никакихъ затрудненій. Съ принципіальной стороны, съ реорганизаціей земской медицины на началахъ стаціонарности всѣ члены совѣщанія были согласны. Сущность этой новой организаціи должна была заключаться въ томъ, что разъѣздная система, какъ въ ея первобытномъ видѣ объѣзда и подачи медицинской помощи врачемъ во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ участка, такъ и въ формѣ выѣздовъ на пункты, отмѣнялась. Врачъ теперь долженъ былъ лечить стаціонарныхъ больныхъ въ больницѣ и ежедневно принимать здѣсь приходящихъ больныхъ. Выѣзды обязательны отъ мѣста жительства врача на разстояніи не болѣе 5—10 верстъ для всѣхъ острыхъ случаевъ заболѣванія, когда больной не могъ самъ явиться въ больницу; на болѣе далекомъ разстояніи и на окраины участка, врачъ выѣзжаетъ только въ особенно важныхъ случаяхъ: трудныхъ родовъ, кровотеченія, строзаразныхъ случаевъ и эпидемій, и то по донесенію и подробному описанію случаевъ участковыми фельдшерами. Вопросъ о выѣздахъ къ больнымъ на дома вызвалъ оживленныя пренія, вытекавшія изъ соображеній о культурномъ неравенствѣ населенія. Говорилось по этому поводу, что дворяне, какъ классъ болѣе культурный и потому сильнѣе реагирующій на всякіе случаи заболѣванія въ ихъ семьяхъ, будутъ чаще вызывать врача и послѣднему мало останется времени на посѣщенія иногда и болѣе серьезныхъ заболѣваній среди крестьянъ. Порѣшили на установленіи очереди вызововъ и для того, чтобы изъ-за гонорара у врачей не явилось соблазна отдавать предпочтенія дворянамъ и вообще зажиточнымъ людямъ, признать гонорары за леченіе незаслуживающими одобренія. Гораздо больше толковъ и споровъ вызвала матеріальная сторона новой организаціи медицины. Какъ ни какъ, теперь приходилось значительно увеличить смѣту на народное здравіе. Здѣсь выручила рѣшимость врачей отказаться ради новой организаціи отъ части своего жалованья. Присутствующіе на совѣщаніи гласные и члены управы посмотрѣли на это, какъ на жертву со стороны врачей, и утѣшили насъ, что теперь матеріальная надбавка со стороны земства на новую организацію не встрѣтитъ серьезныхъ возраженій. Совѣщаніе предложило мнѣ

составить къ предстоящему собранію подробно мотивированный докладъ о преобразованіи земской медицины на началахъ, установленныхъ на совѣщаніи.

До собранія оставалось больше мѣсяца и я, не торопясь, могъ выполнить порученную мнѣ работу. Выѣзды на пункты, благодаря испорченнымъ осеннимъ дорогамъ, стали отнимать еще больше времени. Выѣзжаешь изъ дому чуть не съ разсвѣтомъ и возвращаешься поздно ночью, истративъ большую часть дня на переѣзды. Правда, больныхъ на пунктахъ осенью было больше, но принимать ихъ и отпускать лекарства безъ фельдшера была такая надоѣдливая работа, что только надежда на скорую перемѣну въ организаціи медицины поддерживала меня.

Жизнь въ Ивангородѣ съ отъѣздомъ молодежи стала скучнѣе и только нѣсколько оживлялась въ дни выѣздовъ въ с. Плиски, гдѣ я по вечерамъ долго засиживался у Ивана Ильича. Иванъ Ильичъ предсказывалъ, что предстоящее земское собраніе обѣщаетъ быть особенно бурнымъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ вноситъ докладъ о прогрессивно-подоходномъ обложеніи на всѣ нужды земства и, во-вторыхъ, жалобу на дѣйствія мѣстной полиціи, изъ своекорыстныхъ видовъ препятствующей правильному ходу земскихъ статистическихъ работъ.

Докладъ мой о преобразованіи земской медицины быстро подвигался впередъ и къ концу октября, когда назначено земское собраніе, былъ готовъ и сданъ въ управу. Всѣ участковые врачи были приглашены въ собраніе. Предсѣдатель собранія, предводитель дворянства Товстогубъ, глубокій старикъ лѣтъ за 80, занималъ мѣсто только для вида, фактически же собраніе велъ Иванъ Ильичъ.

Въ первый же день была внесена его жалоба на дѣйствія полиціи по отношенію къ статистикамъ. Выяснилось, что полиція не только мѣшала статистикамъ собирать нужныя свѣдѣнія отъ населенія, но прямо отбирала отъ нихъ уже собранные матеріалы и дѣлалось это изъ-за того, что въ собранныхъ данныхъ указывалось на безцеремонное отношеніе полиціи къ остаткамъ натуральной повинности. Такъ, напр., пѣшіе стойщики употреблялись становыми и ихъ домочадцами на всякія домашнія работы. Статистики вычисляли, сколько времени истрачено безплатно этими стойщиками на всѣ хозяйственныя работы гг. становыхъ приставовъ и получалась довольно кругленькая сумма. Собраніе постановило обжаловать такой незаконный образъ дѣйствія мѣстной полиціи. Присут-

ствующій въ публикѣ исправникъ просилъ разрѣшить ему сказать слово въ защиту своихъ подчиненныхъ, но собраніе на это не согласилось.

Вторымъ, не менѣе бурнымъ докладомъ этой сессіи, былъ докладъ о принятіи прогрессивно-подоходнаго налога для земскихъ повинностей въ уѣздѣ. Докладъ и составленная при немъ смѣта текущихъ расходовъ естественно должны были вызвать возраженія со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ какъ въ немъ предлагалось владѣльцевъ до 20 десятинъ включительно вовсе освобождать отъ земскаго обложенія, а далѣе налогъ прогрессируетъ въ соотвѣтствіи съ количествомъ земли. Наиболѣе горячимъ и ярымъ противникомъ выступалъ покойный художникъ Н. Н. Ге. Однако-жъ, докладъ былъ все-таки принятъ большинствомъ.

Дошла, наконецъ, очередь до медицины. Больше часа пришлось мнѣ читать свой докладъ. Возраженій на него не послѣдовало, такъ какъ онъ наканунѣ былъ подробно разобранъ въ медицинской коммиссіи, гдѣ присутствовало большинство гласныхъ. Въ собраніи докладъ о преобразованіи земской медицины на началахъ стаціонарности былъ принятъ единогласно. Даже Никод. Никод., въ душѣ противникъ преобразованія, подалъ свой голосъ вмѣстѣ съ остальными гласными. На этотъ разъ я выѣхалъ изъ города въ самомъ радужномъ настроеніи, такъ какъ долго лелѣянная мечта о преобразованіи земской медицины, наконецъ, осуществилась. Радость эта усугублялась предстоящей женитьбой на Марьѣ Ник. Страховской, учительницѣ Бор--ской земской школы, о которой я упоминалъ въ предыдущемъ очеркѣ. Свадьба наша состоялась въ началѣ ноября, но жить вмѣстѣ мы не могли до начала слѣдующаго года, такъ какъ Марья Ник. не хотѣла оставить школы среди учебнаго года, до пріисканія замѣстительницы.

III.

Постройка Ивангородской больницы приходила къ концу и въ срединѣ ноября мы уже перебрались въ новое помѣщеніе. Здѣсь же, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ больницы, я нанялъ болѣе просторную квартиру для себя, разсчитывая съ января зажить семейною жизнью.

Едва мы успѣли перейти въ новое больничное помѣщеніе, какъ нашлись и коечные больные, такъ что больница стала функціонировать ранѣе положеннаго собраніемъ срока. Предсѣдатель выдалъ деньги на больницу изъ какихъ-то остатковъ. Выѣзды на пункты, тѣмъ не менѣе, продолжались до конца года. Во время выѣздовъ я познакомился съ двумя учителями, весьма симпатичными молодыми людьми. Но, прежде чѣмъ говорить о нихъ, я долженъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ общей постановкѣ школьнаго дѣла въ Бор—скомъ уѣздѣ, значительно отличавшейся отъ другихъ уѣздовъ Ч—ской губерніи. Надо сказать, что почти съ самаго возникновенія земства въ Бор—скомъ уѣздѣ былъ учрежденъ особый школьный фондъ. достигавшій въ 1878—1879 годахъ около 100 тысячъ рублей. Капиталъ этотъ образовался изъ ежегодныхъ взносовъ въ основной школьный фондъ независимо отъ смѣты текущихъ расходовъ на школьное дѣло. Благодаря этому фонду, изъ котораго только проценты шли ежегодно на открытіе новыхъ школъ, уже въ 78—79 годахъ въ Бор—скомъ уѣздѣ были прекрасно устроенныя школы въ доброй половинѣ селеній. И это не фраза: школы были дѣйствительно прекрасныя, какъ въ смыслѣ помѣщеній, такъ и въ смыслѣ постановки учебнаго дѣла. Школьныя зданія были свѣтлыя, теплыя, помѣстительныя, съ хорошими квартирами для учителей и строились онѣ обществами по опредѣленному плану, выработанному земствомъ. Большинство учительскаго персонала состояло изъ окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и только немногіе.—изъ мужскихъ и женскихъ гимназій. Душой школьнаго дѣла были: все тотъ же Иванъ Ильичъ П—вичъ и незадолго до моего пріѣзда умершій Имшанецкій. По разсказамъ, это былъ еще молодой человѣкъ, своей преданностью школьному дѣлу много напоминавшій мнѣ Павла Васильевича К. въ Н—скомъ земствѣ. Одинъ изъ знакомыхъ мнѣ учителей Чуд—скій жилъ всего въ 5 верстахъ отъ меня въ д. Фастовцы, гдѣ онъ замѣнилъ извѣстнаго учителя Франжоли, привлекавшагося по политическому процессу 193. О Франжоли сохранилась здѣсь неизгладимая память. Я самъ слышалъ разсказъ старика—школьнаго сторожа о томъ, что когда онъ съ нѣсколькими односельчанами были вызваны въ Петербургъ свидѣтелями по дѣлу Франжоли, то на вопросы суда о личности послѣдняго, давали единодушный отвѣтъ, что Франжоли былъ человѣкъ святой жизни. Отъ другихъ я слышалъ, что Франжоли, живя на квартирѣ у какого-то Фастовецкаго крестьянина, оставался въ дерев-

нѣ на все время каникулъ и вмѣстѣ съ хозяевами своими исполнялъ всѣ крестьянскія работы. Такъ, впрочемъ, дѣлали въ то время всѣ опростившіеся интеллигенты, такъ называемые пропагандисты, но у Франжоли проповѣдничество сопровождалось чистотой личной жизни временъ апостольскихъ, приводившей даже нетребовательныхъ въ жизни крестьянъ въ умиленіе. Замѣнившій его въ Фастовцахъ учитель Чуд—скій старался, по возможности, подражать Франжоли, но у него это выходило какъ-то искусственно и не привлекало къ нему крестьянъ, хотя Чуд—скій былъ неглупый и недурной человѣкъ. Онъ много и охотно читалъ, часто обращался ко мнѣ за журналами и книгами. Въ этомъ учителѣ я видѣлъ перваго изъ окончившихъ курсъ въ Ч—ской учительской семинаріи. Онъ много говорилъ мнѣ о своей семинаріи и хотя директоромъ тамъ былъ извѣстный ретроградъ Ж—скій, тѣмъ не менѣе, среди преподавателей семинаріи было нѣсколько свѣтлыхъ личностей, имѣвшихъ благотворное вліяніе на своихъ учениковъ.

Другой учитель—М—овъ—жилъ верстахъ въ 12 отъ меня. По образованію онъ былъ изъ гимназистовъ старшихъ классовъ и пошелъ въ деревню по идейному влеченію Это былъ совершенно развитой, много читавшій молодой человѣкъ. Онъ жилъ съ матерью и сестрой-подросткомъ и самъ училъ сестру, приготовляя ее къ учительской профессіи. Не проходило праздника, чтобы ктонибудь изъ этихъ молодыхъ людей не пріѣзжалъ ко мнѣ въ Ивангородъ; особенно часто бывалъ у меня Ч—скій. Когда же, впослѣдствіи, въ Ивангородѣ окончательно поселилась моя жена, они втроемъ составили свой учительскій кружокъ.

Въ Ивангородѣ была большая школа, въ которой училось до 100 дѣтей. Учителями были супруги М—овы. Онъ происходилъ изъ мѣстныхъ казаковъ и окончилъ курсъ въ учительской семинаріи, а жена его—изъ духовнаго званія, образованіе получила въ епархіальномъ училищѣ. Супруги находились подъ сильнымъ вліяніемъ своего законоучителя, очень злого священника, котораго за частые доносы ненавидѣли даже его коллеги—священники. Я познакомился съ Мих—ми во время Рождественскихъ праздниковъ въ домѣ Мир—чей, куда собралась вся пріѣзжая учащаяся молодежь со студентомъ М. во главѣ. Здѣсь и я съ женой встрѣчали новый годъ; тамъ же были и Мих—овы. Мих—овъ средняго роста брюнетъ съ весьма некрасивымъ лицомъ, изрытымъ оспой и золотушными рубцами. Жена его, напротивъ, была видная и

красивая молодая женщина съ здоровымъ, румянымъ лицомъ. На вечеръ собрались, по-деревенски, довольно рано; я захватилъ съ собой только что полученную книжку „Отеч. Зап.“ и такъ какъ до встрѣчи новаго года приходилось ждать довольно долго, то мы порѣшили прочитать вслухъ статью покойнаго Михайловскаго, полемизировавшаго съ извѣстнымъ въ то время профессоромъ Циторичемъ. Послѣдній своими брошюрами сталъ къ тому времени „притчей во языцѣхъ“, а такъ какъ къ тому же онъ былъ уроженецъ Бор—скаго уѣзда и многіе знали его лично, то понятно съ какимъ интересомъ молодежь слушала чтеніе. Мих—овы сидѣли въ сторонкѣ и ничѣмъ не реагировали на дружный смѣхъ и замѣчанія молодежи по поводу читавшейся статьи. Никто тогда не обращалъ вниманія на супруговъ Мих—овыхъ, между тѣмъ, какъ оказалось впослѣдствіи, въ ихъ головахъ уже въ то время созрѣвалъ планъ доноса на всѣхъ насъ.

Когда пробило 12 часовъ, молодежь пристала ко мнѣ, чтобы я что-нибудь сказалъ по поводу встрѣчи новаго года. Я согласился и охарактеризовалъ минувшій годъ словами: „Мы начали 1878 годъ „о здравіи“, даровавъ Болгаріи свободу, завоеванную кровью нашихъ братьевъ, а окончили „за упокой“, избивъ нагайками студентовъ, подавшихъ въ декабрѣ петицію о той же свободѣ наслѣднику“ (впослѣдствіи императору Александру III). Послѣ меня говорили и другіе, но мои слова крѣпко засѣли въ голову учителю Мих—ову и онъ въ точности передалъ ихъ своему законоучителю.

Этотъ послѣдній былъ золъ на всѣхъ и вся: и на семейство Мир—чей, съ покойнымъ отцомъ которыхъ онъ постоянно ссорился и писалъ на него доносы, и на меня за то, что я раньше времени перевелъ изъ его дома пріемный покой въ новую больницу.

Чтобы вѣрнѣе повліять на недалекаго учителя и склонить его къ доносу, законоучитель выдумалъ, что жена моя, послѣ святокъ, будетъ назначена въ Ивангородскую школу учительницей, а его Мих—ова уберутъ изъ школы. Доносъ, какъ намъ говорили впослѣдствіи, былъ такъ нелѣпо составленъ, что ему не придали никакого значенія; во всякомъ случаѣ въ Ивангородѣ зарождался кружокъ любителей этого гнуснаго дѣла, который впослѣдствіи причинилъ нѣкоторымъ изъ насъ много горя и не заслуженныхъ испытаній. Но все это явилось позже, а на святки мы ничего этого не знали и проводили вечера весело и беззаботно.

Съ января 1879 года земство начало вводить новую организацію земской медицины, принятую на осеннемъ земскомъ собраніи. Были приглашены 2 новыхъ врача—мои университетскіе товарищи В—ко и В—ейнъ, первый—въ Шаповаловку, а второй—въ м. Ичня, въ 20-ти верстахъ отъ Ивангорода. Александръ Александровичъ Вол—ейнъ одновременно со мной поступилъ въ университетъ, но на первыхъ же курсахъ отсталъ отъ товарищей, получивъ наслѣдство послѣ смерти своего отца, извѣстнаго въ К. генерала и исчезнувъ съ нимъ на нѣсколько лѣтъ заграницу. Онъ обладалъ живымъ, веселымъ характеромъ, что не помѣшало ему серьезно всмотрѣться въ заграничные порядки и вернуться на родину съ иными политическими взглядами. Окончить университетъ ему удалось благополучно, но вскорѣ по окончаніи онъ былъ привлеченъ по извѣстному политическому дѣлу 193, просидѣлъ около года въ домѣ предварительнаго заключенія, откуда его освободили, вмѣнивъ арестъ въ предварилкѣ въ наказаніе. Это случилось въ самый разгаръ русско-турецкой войны. Алекс. Алекс-вичъ поступилъ врачемъ въ Красный Крестъ, а по окончаніи войны поселился въ К. Узнавъ о вводящейся у насъ стаціонарной организаціи земской медицины, онъ заявилъ желаніе поступить въ земство. Я былъ обрадованъ вѣстью о назначеніи его въ Ичню, зная его какъ хорошаго товарища и убѣжденнаго народника, но побаивался немного его барства. По виду это былъ совсѣмъ не деревенскій человѣкъ: высокій, представительный, хотя немного полный (товарищи дали ему за это кличку „Толстый“), изящно одѣтый Алекс. Алекс—вичъ выглядѣлъ совсѣмъ городскимъ докторомъ для высшаго круга обывателей.

Другой товарищъ В—ко былъ совсѣмъ простой человѣкъ и поселившись въ Шаповаловкѣ. никакихъ лишеній не испытывалъ.

Съ января работа моя пошла по другому. Съ уничтоженіемъ выѣздовъ на пункты, все дѣло теперь сосредоточивалось на больницѣ съ амбулаторіей и леченіи тяжелыхъ больныхъ на дому по Ивангороду и ближайшимъ деревнямъ. Амбулаторныхъ больныхъ здѣсь бывало много, особенно по праздничнымъ днямъ, когда число ихъ доходило до 100 и болѣе человѣкъ въ день. Несмотря на это, все же оставалось достаточно свободнаго времени для посѣщенія больныхъ на дому. Всегдашней моей мечтой было установить къ этого рода больнымъ тѣ же отношенія, какія устанавливаются въ городахъ со стороны врачей къ состоятельнымъ больнымъ, т. е. лечить больного на дому до исхода заболѣванія,

само собою разумѣется, безъ всякаго вознагражденія. Къ сожалѣнію, у малокультурнаго, бѣднаго и вѣчно занятаго работой населенія создалась привычка,—обращаться къ доктору одинъ разъ. Поможетъ сразу—хорошо, не поможетъ—обращаться къ своимъ средствамъ, т. е. къ бабкѣ или знахарю, а то и такъ отлежится или помретъ. Всякій знаетъ что значитъ побывать одинъ разъ у больного крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, плевритомъ, брюшнымъ тифомъ и пр. Зачастую за одно посѣщеніе больного не можешь даже поставить правильнаго діагноза болѣзни. Чтобы не быть въ зависимости отъ больныхъ въ такихъ случаяхъ, я держалъ свою лошадь и послѣ перваго зова къ больному и поѣздки къ нему на его лошади,—остальныя посѣщенія я производилъ, по мѣрѣ надобности, уже безъ приглашенія, на своей, предупредивъ, что буду посѣщать больного по своему усмотрѣнію. Само собою разумѣется, что препятствій къ этому я не встрѣчалъ ни со стороны больного, ни со стороны его окружавшихъ. Для такихъ больныхъ я завелъ особую книгу, вродѣ скорбныхъ листовъ, въ которую вносились всѣ посѣщенія и происходившія перемѣны въ ходѣ болѣзни. Такія посѣщенія больныхъ на дому производились не только въ Ивангородѣ, но и въ окружныхъ деревняхъ, не далѣе, впрочемъ, 5—6 верстъ отъ Ивангорода. Благодаря всему этому у меня весь день, съ 8-ми часовъ утра до ночи, былъ занятъ медицинскимъ дѣломъ. Къ вечеру я такъ уставалъ, что съ трудомъ выслушивалъ, когда жена прочитывала что нибудь новенькое изъ газетъ и „Отеч. Зап.“. Теперешняя работа меня, разумѣется, удовлетворяла гораздо больше прежней, когда приходилось по нѣсколько разъ въ недѣлю дѣлать безсмысленные выѣзды на пункты. По временамъ только невольно закрадывался въ душу страхъ отупѣть, потерять впечатлительность къ общимъ явленіямъ жизни. Общества во всѣ зимніе мѣсяцы послѣ Рождества, а также и весной почти до мая мѣсяца не было никакого. Изрѣдка заѣзжалъ ко мнѣ Алекс. Александ. по пути въ городъ, да почти ежемѣсячно приходилось самому туда ѣздить. Въ городъ, правда, всѣ мы, товарищи, съѣзжались одновременно и тутъ съ удовольствіемъ проводили вечеръ въ общей товарищеской бесѣдѣ. Здѣсь мы всегда собирались въ домѣ мѣстнаго нотаріуса. Любезные и гостепріимные хозяева всегда умѣли какъ то такъ устроить, что къ нашему пріѣзду у нихъ бывалъ кто-нибудь изъ выдающихся мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей уѣзда, благодаря чему такіе вечера значительно освѣжали и давали новый запасъ силъ. Но

едва ли еще не большее оживленіе вносили въ нашу жизнь вечера, проведенные нами у Ивана Ильича П—ча въ его имѣніи Плиски, которые (Плиски), мы прозвали въ шутку „Новыми Аѳинами". Здѣсь иногда собиралось большое и разнообразное общество пріѣзжихъ, среди которыхъ нерѣдко было встрѣчать покойнаго художника Н. Н. Ге съ сыномъ, жившихъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Плисокъ. Однажды въ Плискахъ мнѣ пришлось встрѣтить такое общество: возвращавшагося изъ города тов. прокурора, чистенькаго, подтянутаго карьериста и рядомъ профессора Козлова, метафизика чистѣйшей воды; тутъ же опростившійся радикалъ Макавѣевъ въ блузѣ и высокихъ сапогахъ, вдохновенное лицо художника Ге и друг. и все это общество, до нельзя разнообразное по взглядамъ, привычкамъ, мирно бесѣдовало за чайнымъ столомъ. Радушный хозяинъ умѣлъ примирить невольно морщившагося прокурора съ радикаломъ Макавѣевымъ. Всѣ были оживлены и всѣмъ было весело.

Работа моя шла непрерывно, поглощая весь день и оставляя свободными только длинные зимніе вечера, но и тѣми я, какъ уже сказано выше, сполна не могъ пользоваться, благодаря сильной усталости.—Въ разговорахъ съ нѣкоторыми гласными иногда приходилось слышать, что стаціонарная система подачи медицинской помощи очень удобна для медицинскаго персонала, который де живетъ дома припѣваючи. Въ дѣйствительности же было иначе: врачъ при стаціонарной системѣ не сидѣлъ дома, а ежедневно выѣзжалъ куда нибудь по вызову къ тяжкимъ больнымъ; дома же у него былъ всегда большой амбулаторный пріемъ, благодаря тому обстоятельству, что его легче застать дома, чѣмъ при разъѣздной системѣ. Работы, слѣдовательно, всегда было по горло. При разъѣздной системѣ, особенно въ первобытной ея формѣ объѣздовъ участка, у врача было много времени для отлыниванья отъ дѣла, если только онъ пожелаетъ. Объ этомъ краснорѣчиво говоритъ проф. Капустинъ въ своей книгѣ о земской медицинѣ.

Ранней весной я получилъ письмо отъ стараго пріятеля*) «ціаты» (д-ра А. М. Бог—льца) изъ Питера, въ которомъ онъ проситъ поучить фельдшерскому дѣлу двухъ его родственницъ: родную сестру Елизавету Михайловну Б—лецъ и свояченицу Ольгу Николаевну Пр—цкую, такъ какъ у меня имѣется больница и стаціонарные больные. Я отвѣтилъ Алекс. Мих., что радъ служить ему, чѣмъ могу, но предупреждалъ, чтобы не смотрѣли

*) См. очеркъ IV—„На перепутьи".

на мою сельскую больничку, какъ на клинику, и не были бы черезъ-чуръ требовательны. Прошло немного времени и въ Ивангородъ явились обѣ эти барышни. Къ несчастію пріѣздъ ихъ совпалъ съ недавно образовавшимся здѣсь, какъ сказано выше, небольшимъ кружкомъ, ядро котораго составляли знакомые уже священникъ и учитель М—ловъ, къ которымъ въ самое послѣднее время присоединялся нѣмецъ изъ колонистовъ Гольдзееръ. Послѣдній озлобился на интеллигенцію изъ за своего сына—студента Харьковскаго ветеринарнаго института, недавно исключеннаго за студенческіе безпорядки. Къ этой милой троицѣ присоединились: мѣстный урядникъ, мой фельдшеръ и др. добровольцы. Впрочемъ, присоединеніе къ названному кружку фельдшера Григорія Никитича случилось нѣсколько позже, послѣ ссоры его съ моими и его ученицами. Послѣднія, будучи значительно образованнѣе и развитѣе своего учителя, частенько, по дѣвичьей привычкѣ, подсмѣивались надъ нимъ за его всегдашнее стремленіе быть деревенскимъ кавалеромъ и сердцеѣдомъ, мало заботившимся о своемъ дѣлѣ и о своемъ развитіи.

Изъ-за этихъ насмѣшекъ и шутокъ, мало-по-малу, у необразованнаго и очень самолюбиваго юноши-фельдшера развилась настоящая злоба къ барышнямъ. Прежде всего онъ отказывалъ учить ихъ аптечному дѣлу и перевязкамъ ранъ, что всецѣло находилось въ его рукахъ, и когда барышни сказали мнѣ объ этомъ, а я, не подозрѣвая начавшихся уже между ними злобныхъ отношеній, упрекнулъ какъ то Григорія Никитича въ неисполненіи даннаго мнѣ обѣщанія пріучать барышень къ приготовленію лекарствъ и пр., это подлило масла въ огонь. Въ скоромъ времени въ квартирѣ Григорія Никитича при больницѣ частенько сталъ появляться урядникъ, разумѣется, въ качествѣ гостя, но почему-то очень интересующагося „питерскими барышнями“ и разспрашивавшаго о ихъ поведеніи даже больничную прислугу.

IV.

Пріѣздъ „питерскихъ барышень“ дѣйствительно волновалъ мутные верхи стоячаго Ивангородскаго болота. Вопросъ—„чего имъ нужно въ Ивангородѣ, какое здѣсь ученье въ маленькой сельской больничкѣ и у обыкновеннаго сельскаго медицинскаго персонала“?

не переставалъ волновать досужія головы. Къ тому же и барышни не походили на обычныхъ сельскихъ обывательницъ изъ высшаго помѣщичьяго и поповскаго общества, т. е. одѣвались просто и такъ же просто держали себя со всѣми, съ кѣмъ имъ приходилось имѣть дѣло. Жили онѣ на разныхъ квартирахъ. Одна изъ нихъ, Ольга Николаевна, поселилась недалеко отъ больницы, въ хатѣ бѣднаго крестьянина. На бѣду, дочь ея хозяина служила горничной у мѣстнаго помѣщика Неб—скаго. Ее частенько отпускали домой, гдѣ она познакомилась съ Ольгой Николаевной, часто бесѣдовала съ ней, а затѣмъ всѣ эти разговоры стали извѣстными на барской кухнѣ, а дальше и самимъ господамъ. Пошли сплетни. Старики Неб—скіе были реакціонеры и вели дружбу со своимъ сосѣдомъ-законоучителемъ, а тотъ все добытое черезъ прислугу о „питерскихъ барышняхъ" искусно обдѣлывалъ въ тонко сплетенное кружево о крамолѣ въ Ивангородѣ.

Долгое время ни барышни, ни я съ женой ничего ни знали о сплетняхъ на нашъ счетъ, но та же горничная, невольно дававшая матеріалъ для сплетенъ, скоро сообщила барышнямъ, что о нихъ часто говорятъ у господъ, смѣются надъ всѣми нами и пр. и что главный заправило во всемъ—священникъ-законоучитель.

Какъ то великимъ постомъ я встрѣтилъ другого молодого священника, оффиціально считавшагося врагомъ законоучителя. Онъ жилъ по сосѣдству съ больницей и сообщилъ мнѣ, что на дняхъ, проходя вечеромъ мимо больницы, слышалъ пѣніе псалмовъ и боится, чтобы у меня въ больницѣ не находили пріютъ весьма вредные сектанты—штундисты. Я отвѣтилъ, что смотрю на это дѣло только какъ на нарушеніе извѣстныхъ больничныхъ порядковъ, а кѣмъ это производится—для меня безразлично, такъ какъ больница существуетъ для больныхъ безъ различія ихъ вѣры. Но все же я успокоилъ батюшку обѣщаніемъ, что распѣваніе псалмовъ въ больницѣ повторяться не будетъ. Отъ фельдшера и барышенъ я узналъ, что въ больницѣ, дѣйствительно, по вечерамъ, нѣкоторые больные читаютъ вслухъ Евангеліе и поютъ псалмы. Одинъ изъ этихъ больныхъ поступилъ къ намъ изъ той деревни, гдѣ учительствовалъ мой знакомый М—овъ. Послѣдній говорилъ мнѣ, что этотъ больной, возвратившись съ юга, гдѣ онъ былъ на заработкахъ, сталъ увлекаться чтеніемъ Евангелія, чѣмъ привлекалъ къ себѣ односельчанъ и у него частенько собирались, читали Евангеліе, бесѣдовали на религіозныя темы, пѣли псалмы и проч. Штундистомъ этотъ человѣкъ себя не признавалъ, но относился

отрицательно къ православному духовенству, критиковалъ религіозные обряды и проч.

Вскорѣ исторія съ распѣваніемъ псалмовъ въ нашей больницѣ стала достояніемъ деревенской сплетни, въ которой мы съ барышнями опять таки играли роль какихъ-то покровителей и защитниковъ враговъ православія. Всему этому мы тогда не придавали никакого значенія, да и не до того намъ было. Съ весною работы по больницѣ съ каждымъ днемъ все больше прибывало и весь день мы были заняты. Я не только не жалѣлъ о томъ, что далъ согласіе на пріѣздъ къ намъ барышень, но былъ отъ души ими доволенъ, такъ какъ кромѣ удовольствія находиться въ интеллигентномъ ихъ обществѣ, чего мы съ женой, естественно, желали, барышни прямо таки приносили пользу медицинскому дѣлу. Умѣнье читать рецепты, приготовлять несложныя лекарства, дѣлать перевязки, онѣ пріобрѣли очень скоро и съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе надежными помощницами. Въ энергіи же и добросовѣстности барышни могли служить примѣромъ лѣнивому фельдшеру, что его, кажется, еще больше озлобляло. Въ особенности неутомима была Ольга Николаевна, которая, кромѣ больничной и амбулаторной работы, часто ѣздила со мной къ больнымъ въ другія деревни, если узнавала, что тамъ она могла быть мнѣ помощницей, напр. при переломахъ для наложенія первичной повязки и проч. Словомъ, дѣло у насъ налаживалось очень хорошо и на деревенскія сплетни мы не обращали никакого вниманія.

Такъ шло время до апрѣля, когда, послѣ Соловьевскаго выстрѣла, 2 апрѣля 1879 года, наши деревенскіе зоилы нагло подняли голову и стали кричать о необходимости перевѣшать всю интеллигенцію, удивляясь—чего правительство до сихъ поръ медлило это сдѣлать. На барышень полетѣлъ куда слѣдуетъ доносъ и вотъ въ одинъ прекрасный день въ Ивангородѣ появился становой приставъ Малаховъ, позвалъ барышень въ волостное правленіе и сталъ чинить допросъ: „зачѣмъ онѣ живутъ въ Ивангородѣ и чѣмъ занимаются"? Барышни отвѣчали, что занимаются при больницѣ и учатся фельдшерскому дѣлу, о чемъ онъ, приставъ, можетъ спросить доктора. На это послѣдовало насмѣшливое замѣчаніе пристава: „экую клинику нашли въ Ивангородѣ— и докторъ вашъ, кажется, одного съ вами поля ягода?"

Послѣ допроса барышни были подвергнуты домашнему аресту подъ охраной сельскихъ десятскихъ, а дознаніе о нихъ направлено прокурору Н—скаго окружнаго суда и жандармамъ. Съ этого

дня на крылечкѣ больницы ежедневно дежурили двое сельскихъ десятскихъ съ длинными „гырлыгами" (дубинами), а барышни не выходили изъ дому иначе, какъ въ сопровожденіи своихъ охранителей.

Тѣмъ временемъ въ нашей внутренней политикѣ все больше и больше сгущались грозовыя тучи: въ сферахъ рѣшено было начать изводить „крамолу" изъ всѣхъ круговъ общества. Были назначены временные генералъ-губернаторы съ чрезвычайными полномочіями: высылать изъ своихъ раіоновъ всѣхъ неблагонадежныхъ, не стѣсняясь ихъ общественнымъ положеніемъ, и направлять крамольные элементы преимущественно въ восточную Сибирь. Наша губернія входила въ раіонъ Харьковскаго генералъ-губернаторства, куда назначенъ былъ Лорисъ-Меликовъ. Теперь-то, поистинѣ, „пошла писать губернія"... Потребовалось составленіе списковъ неблагонадежныхъ лицъ: вотъ тутъ-то мѣстная полиція и пустила въ ходъ свои излюбленныя средства. Всѣ, кто такъ или иначе не съумѣлъ или не хотѣлъ понравиться мѣстному становому приставу, а то такъ и урядику, попадали въ проскрипціонные списки. Все это, конечно, облекалось въ глубокую тайну и никто ничего не зналъ о предстоящей ему участи. Но уже къ концу апрѣля къ намъ въ Ивангородъ стали доходить недобрые слухи. Ко мнѣ какъ-то заѣхалъ изъ города коллега, Алекс. Алекс. Вол—ейнъ; тамъ онъ видѣлся съ непремѣннымъ членомъ по крестьянскимъ дѣламъ, недавно пріѣхавшимъ изъ губернскаго города и сообщившимъ ему о томъ, что у губернатора уже составленъ списокъ неблагонадежныхъ, въ который будто-бы попали онъ, Вол—ейнъ, я, и, конечно, мои барышни. Мы оба не повѣрили этому слуху и долго смѣялись надъ нелѣпостью представить насъ, мирныхъ культурныхъ тружениковъ, политическими дѣятелями.

Въ началѣ мая Ивангородъ сталъ оживляться съ возвращеніемъ въ деревню нѣкоторыхъ изъ учащихся. Молодежь теперь собиралась у меня почти ежедневно. Дѣло въ томъ, что на левадѣ при моей квартирѣ былъ большой прудъ, который значительно пополнился и расширился весенней водой и представлялъ единственное въ Ивангородѣ хорошее мѣсто для купанья. Послѣ купанья всѣ, разумѣется, заходили ко мнѣ пить чай, да такъ всей компаніей и проводили вечера. Раза два заѣзжалъ къ намъ и Алекс. Алекс. изъ Ични. Тогда веселью конца не было: шутили и острили другъ передъ другомъ на перерывъ. Устраивались ино-

гда и маевки въ ближайшемъ лѣсу. Жили, словомъ, весело и беззаботно, не думая ни о какихъ проскрипціонныхъ спискахъ. А наши охранители тѣмъ временемъ въ своей заботѣ о спасеніи отечества распускали о насъ самые вздорные слухи, дававшіе намъ еще больше поводовъ для смѣха и веселья. Законоучитель, пронюхавъ, что я однажды ночью ѣздилъ въ Ичню къ Александру Александровичу для консультаціи по поводу болѣзни его жены, распустилъ слухъ, что у насъ по ночамъ совершаются какія-то тайныя свиданія заговорщиковъ и т. п.

Въ больницѣ накопилось довольно много больныхъ, изъ коихъ двое ивангородцевъ,—одна дѣвушка съ переломомъ ноги, а другой старикъ съ раной въ животѣ, потерпѣли поврежденія отъ буйнаго общественнаго бугая (быка). Объ этомъ я говорилъ со старшиной и сельскимъ старостой, прося ихъ продать бугая и купить новаго. Оба они обѣщали исполнить просьбу, но дѣло откладывали, между тѣмъ въ деревнѣ при прогонѣ череды происходила настоящая паника: дѣтей спѣшно угоняли съ улицы по домамъ, да и взрослые не особенно хорошо себя чувствовали. Вскорѣ послѣ этого я былъ въ городѣ по дѣламъ. Въ управѣ я засталъ исправника и въ его присутствіи разсказалъ предсѣдателю о происшествіи съ бугаемъ. Исправникъ Н—въ, бывшій жандармскій офицеръ, повидимому близко принялъ къ сердцу это извѣстіе, наговоривъ цѣлую кучу по поводу неисправности сельскихъ властей, спросилъ меня—„говорилъ ли я объ этомъ урядпику" и на мой отвѣтъ, что урядникъ считаетъ ниже своего достоинства заниматься такими пустяками, что онъ весь поглощенъ внутренней политикой, заявилъ:

— Вздоръ, я самъ ему напишу объ этомъ и если этотъ вредоносный бугай не будетъ скоро изъятъ изъ обращенія, то я пріѣду въ Ивангородъ и покажу имъ, какъ надо понимать и исполнять служебныя обязанности.

Съ тѣмъ я и уѣхалъ изъ города, не придавъ никакого значенія словамъ исправника.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ города, я получилъ записку отъ учителя изъ Плисовъ, извѣщавшаго о томъ, что въ этотъ день арестованъ Иванъ Ильичъ и куда то увезенъ. Учитель просилъ меня немедленно пріѣхать въ Плиски, успокоить семью Ивана Ильича. Я тотчасъ же отправился въ Плиски. Выѣзжая изъ Ивангорода, я встрѣтилъ семейство Неб—скихъ. Я скрылъ отъ нихъ цѣль моей поѣздки въ Плиски и сказалъ, что ѣду къ больному.

— А слыхали-ли, что Н—вичъ арестованъ и увезенъ? слышу вопросъ.

— Нѣтъ, не знаю,—былъ мой отвѣтъ. Распрощались. Явственно слышу въ догонку слова: „скоро и тебѣ туда дорога будетъ“.

Въ домѣ Ивана Ильича, разумѣется, большое горе. Собралась вся семья вмѣстѣ: отецъ Ивана Ильича, бывшій предсѣдатель Полтавскаго окружнаго суда, мать его, вдовая сестра съ двумя дѣвочками и др. Жена Ивана Ильича, вся въ слезахъ, готовится въ дорогу, въ догонку за мужемъ. Меня встрѣтили, какъ родного. Никто не зналъ формальной причины ареста. Догадкамъ и предположеніямъ не было конца. Обвиняли, между прочимъ, въ шпіонствѣ стараго лакея, Гаврилу бывшаго, будто бы, въ дружбѣ съ станціоннымъ жандармомъ и передававшаго, разумѣется, въ извращенномъ видѣ, разговоры господъ. Съ щемящимъ сердцемъ, точно по близкомъ покойникѣ, возвращался я домой. Всю эту ночь мы съ женой почти не спали. Судили-рядили и, разумѣется, ни къ чему не пришли. Одно, на чемъ согласились не споря,—это то, что проскрипціонные списки начинаютъ дѣйствовать. Оказалось, впослѣдствіи, что и въ этомъ ошиблись. что Иванъ Ильичъ высланъ не Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ, а по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, за вредную его дѣятельность въ земствѣ, главнымъ образомъ, за злополучный адресъ Че – скаго губернскаго земства въ отвѣтъ на призывъ правительства помогать въ борьбѣ съ крамолой.

На другой день, утромъ, у крыльца больницы собралось много больныхъ. Проходя, я замѣтилъ здѣсь большое оживленіе. Особенно возбужденнымъ показался мнѣ одинъ сѣдой старикъ, что-то говорившій окружающей его толпѣ. Я подошелъ къ нему и спросилъ, въ чемъ дѣло? Старикъ какъ-то съежился и неохотно отвѣтилъ:

— Та бачите, балакаемъ тутъ, за вищо забрано нашого мырового?

Иванъ Ильичъ былъ мировымъ судьей въ Плискахъ.

— Ну такъ-що-жъ,—спрашиваю старика,—за вищо-жъ по вашему?

Старикъ еще больше съежился и видимо мнѣ не довѣряя, сталъ рѣшительно увиливать отъ прямого отвѣта. Ждать мнѣ было некогда и я направился въ больницу. Узнаю послѣ, что въ толпѣ большинство высказало такое мнѣніе: „паны (помѣщики), недовольные на императора Александра II-го за освобожденіе крестьянъ, подкупили будто-бы Соловьева убить царя, за что дали ему

„мишокъ грошей". Въ числѣ дававшихъ деньги былъ и Иванъ Ильичъ и это было причиной его ареста".

Печально было слышать всю эту чепуху. Вотъ награда человѣку, всю жизнь боровшемуся за искорененіе остатковъ крѣпостничества!

Весь этотъ день мнѣ было какъ-то не по себѣ. Вечеромъ я рѣшился поѣхать въ Ичню къ Александру Александровичу—размять тоску. Онъ ужъ зналъ объ арестѣ Ивана Ильича. Поневолѣ пришлось призадуматься надъ слухами о составленныхъ въ губерніи спискахъ неблагонадежныхъ. Дѣло было не до шутокъ; стали перебирать вольные и невольные грѣхи. У него, Александра Александровича, дѣло было ясное,—онъ сидѣлъ въ предварилкѣ и, какъ-никакъ, судился по процессу 193. Значитъ, если въ глазахъ начальства онъ за 2 года не сдѣлался благонадежнымъ, то дѣло по теперешнимъ временамъ очень просто—возьмутъ да и вышлютъ. Но въ моемъ прошломъ ничего подобнаго не было.

Вспоминались различныя столкновенія съ начальствомъ со времени студенчества, но сидѣвшая съ нами жена Вол—на, Людмила Александровна, такъ усердно хохотала, постоянно приговаривая: „ай да и революціонеры, вотъ такъ революціонеры", что я невольно заражался этимъ смѣхомъ и постепенно успокоивался. Выѣхалъ я отъ Вол—ейна уже совершенно спокойнымъ и вовсе пересталъ думать о какой бы то ни было опасности.

Ежедневно, по вечерамъ, молодежь собиралась у насъ. Среди бесѣдъ, споровъ, иногда чтенія вслухъ какой-нибудь интересной статьи, время шло незамѣтно. Мы совсѣмъ перестали думать о всякихъ спискахъ, арестахъ и т. п. Жизнь текла своимъ обычнымъ чередомъ.

Но вотъ наступаетъ навсегда памятный для меня день—9 іюня 1879 года. Это было воскресеніе. Закончивъ въ больницѣ пріемъ амбулаторныхъ, я возвращался домой и замѣтилъ урядника, медленно прохаживающагося по дорогѣ между больницей и моей квартирой. Поравнявшись со мной, урядникъ быстро подошелъ ко мнѣ и спросилъ: намѣренъ ли я сегодня выѣзжать куда-нибудь изъ Ивангорода?

— Пока нѣтъ ни откуда вызововъ,—отвѣчаю я. А вамъ для чего это нужно знать?

— Меня, видите-ли, послалъ за этимъ къ вамъ приставъ. Они получили извѣстіе, что сегодня вечеромъ пріѣдутъ сюда самъ г-нъ исправникъ, который желаетъ видѣться съ вами.

Я вспомнилъ послѣднее свиданіе съ исправникомъ въ земской управѣ и, подумавъ, что все это дѣло касается непроданнаго до сихъ поръ бугая, искалѣчившаго двухъ моихъ больныхъ, сказалъ урядпику, что къ вечеру постараюсь быть дома.

Послѣ вечерняго посѣщенія больныхъ, я опять встрѣтилъ урядника, передавшаго мнѣ слѣдующее:

— Г-нъ приставъ получили записку съ нарочнымъ отъ г-на исправника. Приказано собрать сходъ и пригласить васъ въ волостное правленіе. Г-нъ исправникъ сейчасъ въ Фастовцахъ и черезъ часъ будетъ здѣсь.

Я обѣщалъ пріѣхать. Теперь не оставалось никакого сомнѣнія, что дѣло идетъ о злополучномъ бугаѣ.

Напившись чаю, я осѣдлалъ лошадь и поѣхалъ въ правленіе, находившееся болѣе версты отъ моей квартиры. Проѣхавъ больницу, я догналъ на дорогѣ урядника, который, видимо, не отходилъ далеко отъ моей квартиры и поджидалъ меня. Смеркалось. На крыльцѣ правленія сидѣлъ становой приставъ. Онъ встрѣтилъ меня словами съ упрекомъ:

— Ну й наробылы вы намъ хлопитъ съ тымъ бугаемъ, будь винъ проклятый. Була вже мени лаянка на бумази, а теперь и самъ справникъ иде. А що мени робыть съ мужыкамы, не хотятъ продавать бугая, дожыдаютъ ярмарки.

Благодушный видъ пристава не внушалъ мнѣ никакого подозрѣнія. Я присѣлъ къ нему, поговорили о томъ, о семъ. Но вотъ скоро на дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Приставъ пригласилъ въ правленіе, гдѣ уже на столѣ горѣли свѣчи. Рядомъ съ присутствіемъ правленія толпился народъ. Прошло немного времени, какъ послышался звонъ колокольчиковъ, а вскорѣ къ крыльцу подкатилъ исправницкій тарантасъ. Приставъ выбѣжалъ встрѣтить исправника. Въ открытое окно неясно видѣнъ былъ силуэтъ другой тройки, позади исправницкаго тарантаса. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату входятъ исправникъ, приставъ и 2 жандарма. Исправникъ, обращаясь ко мнѣ, торжественно произноситъ:

— По распоряженію временнаго Харьковскаго генералъ-губернатора, вы арестованы.

Затѣмъ ко мнѣ подходятъ жандармы, шарятъ въ моихъ карманахъ и, не найдя ничего подозрительнаго, успокоиваются. Исправникъ извиняется за небольшую хитрость по отношенію ко мнѣ, оправдываясь тѣмъ, что при арестѣ меня въ квартирѣ необходимо было бы произвести обыскъ, чего онъ не хотѣлъ, такъ

какъ слышалъ о нездоровьѣ моей жены. На мой вопросъ: „могу ли я видѣть свою жену"?—исправникъ отвѣтилъ: „да, только не въ своей квартирѣ, попросите вашу жену пріѣхать сюда,—къ тому же для васъ нужно приготовить вещи въ дорогу. Напишите записку къ вашей женѣ, я пошлю нарочнаго и свой экипажъ".

Я былъ настолько ошеломленъ происшедшимъ, что время ожиданія жены тянулось для меня безконечно. Наконецъ она пріѣхала. Наступила тяжелая минута прощанія... и меня увезли въ „мѣста отдаленныя"...

Заключеніе.

Такъ печально закончился *первый* періодъ моей земско-медицинской дѣятельности. Лѣтъ 7 спустя мнѣ опять пришлось попасть въ земство, но объ этомъ времени нѣтъ охоты вспоминать во 1-хъ потому, что это было во 2-ой половинѣ 80-хъ и вначалѣ 90-хъ годовъ, въ эпоху самой мрачной реакціи, а во 2-хъ, что къ этому времени основныя начала земско-медицинской организаціи, въ формѣ стаціонарной системы, сдѣлались уже общепризнанными, благодаря многочисленнымъ губернскимъ съѣздамъ земскихъ врачей и, въ особенности, всероссійскимъ съѣздамъ врачей въ память Н. И. Пирогова.

Возвращаясь къ своимъ воспоминаніямъ, невольно ставшимъ для меня дорогими, часто задаешь вопросъ: въ чемъ заключалась привлекательная сторона дѣятельности земскаго врача вообще и въ частности врача 70-хъ годовъ, сравнительно съ другими видами врачебной дѣятельности, напр., вольнопрактикующихъ врачей и правительственныхъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ? Единственный отвѣтъ на это можетъ быть данъ только такой: въ проявленіи земскими врачами общественной инициативы, общественнаго творчества. Особенно это необходимо подчеркнуть въ дѣятельности врачей 70-хъ годовъ.

Хотя введеніе земства относится ко 2-ой половинѣ 60-хъ годовъ, но первыя пробы земскихъ врачей шестидесятниковъ оставили мало слѣдовъ въ земско-медицинскомъ дѣлѣ, если не считать Пермской и Вятской губерній, гдѣ работали такіе дѣятели, какъ покойный Португаловъ и нынѣ здравствующій И. И. Молессонъ. Въ 70-е годы на общій кличъ „въ народъ" двинулись въ де-

ревню и культурные работники врачи. Историческая справедливость требуетъ сказать, что громадное большинство врачей того времени шло въ деревню не по матеріальнымъ соображеніямъ, такъ какъ въ Россіи тогда было вообще врачей немного (тысячъ 12—15), а спросъ на нихъ въ городахъ, при лучшихъ условіяхъ личной жизни, былъ не малый. Деревня же, и теперь бѣдная и только-что начинающая тянуться къ свѣту, въ то время, едва освободившаяся отъ крѣпостной зависимости, была еще темнѣе и забитѣе.

И несмотря на это, въ нее шло все, въ комъ „жива была душа" и, мало того, для работы выбирались наиболѣе глухіе уголки. Страннымъ покажется теперь, что городскія земскія больницы напр., въ которыхъ лечились тѣ же крестьяне, никто изъ молодежи не бралъ и больницы эти, находясь въ завѣдываніи старыхъ врачей, влачили жалкое дореформенное существованіе.

Я неоднократно подчеркиваю въ моихъ воспоминаніяхъ, что, поступая на земскую службу, мы не имѣли никакихъ указаній, что и какъ намъ дѣлать. Лучшіе земскіе люди говорили намъ: „всматривайтесь внимательно въ окружающее, старательно изучайте условія деревенской жизни и заботьтесь о томъ, чтобы вашею помощью пользовалась, по возможности, большая часть населенія". И они ничего не могли дать намъ больше, ибо имъ самимъ неоткуда было взять. Что давало имъ дореформенное прошлое? Ничего, такъ какъ деревня въ этомъ прошломъ представляла хаосъ и пустыню.

Старый Западъ, не смотря на многовѣковую культуру, также не могъ дать указанія для нашего общественнаго строительства, такъ какъ культура эта была насквозь проникнута индивидуалистическимъ началомъ. Тамъ и теперь въ деревняхъ больной обыватель оплачиваетъ каждый визитъ доктора и каждый рецептъ въ аптекѣ. Не было опыта, не было указаній, надо было браться за дѣло самимъ. На первыхъ порахъ, куда ни попадешь,—борьба съ народнымъ невѣжествомъ. Но это дѣло не трудное: нашъ крестьянинъ обладаетъ здоровымъ природнымъ умомъ и невѣжество его быстро таетъ передъ свѣтомъ научныхъ знаній. Труднѣе была другая задача: какъ устроить дѣло такъ, чтобы при наименьшей затратѣ средствъ, медицинская помощь стала доступной въ лучшемъ видѣ и большему числу населенія?

Вотъ на это именно дѣло, на выработку правильной организаціи земскаго медицинскаго дѣла, ухлопывались всѣ наши силы

и вся энергія молодости. И только въ этомъ отношеніи нами были достигнуты кое-какіе результаты. Но тутъ является другой вопросъ: были ли мы сами удовлетворены *только* этимъ дѣломъ? Могла ли насъ удовлетворить, по мѣткому выраженію незабвеннаго сатирика—правильная и безпрепятственная раздача населенію кастороваго масла, т. е. культурная работа въ такомъ узкомъ смыслѣ. Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Мы всѣ страдали отъ сознанія своей оторванности отъ народа, и отчасти этимъ объясняются частыя перемѣны мѣста дѣятельности многими изъ насъ. Насъ не допускали къ народу внѣ области нашего прямого дѣла и за всякія попытки сходиться съ народомъ на другой почвѣ сгоняли съ мѣста или же, какъ это случилось въ 1879 году, угоняли въ тѣ мѣста, „куда Макаръ телятъ не гонитъ". Мы ясно сознавали, что дѣлали только частицу нужнаго дѣла и что на пути *всего* дѣла стоятъ пока что неустранимыя внѣшнія препятствія. Поэтому изъ уцѣлѣвшихъ отъ погрома 70-хъ годовъ въ деревнѣ оставались не многіе изъ нашего поколѣнія. Наступила очередь культурниковъ второго призыва. Минуя 80-е годы, когда общество, сбитое съ толку реакціей, равнодушно прозябало или выдумывало всякія „никчемности". вродѣ:—„идеалы отцовъ и дѣдовъ надъ нами невластны" и пр.,—перейду ко 2-ой половинѣ 90-хъ годовъ, когда измученная домашнимъ застоемъ и мракомъ интеллигенція задумала взять отъ Запада готовую формулу прогресса въ видѣ теоріи экономическаго матеріализма и вытекающей изъ нея классовой борьбы и этимъ дѣйствительно вызвала къ жизни значительныя силы нашей молодежи. Защищая свое знамя и видя въ немъ единственный путь къ спасенію родины, эта интеллигенція въ пылу полемическаго задора топтала въ грязь старое народническое знамя, покрывавшее собой многомилліонныя массы трудового крестьянства и имѣющее за собой традицію освободительнаго движенія цѣлаго вѣка, начиная съ Радищева, Новикова и декабристовъ. Но крѣпко держали это знамя въ своихъ рукахъ немногіе изъ уцѣлѣвшихъ ветерановъ, во главѣ съ однимъ изъ славныхъ законоположниковъ народничества Н. К. Михайловскимъ и бережно донесли его до того времени, когда за него ухватились цѣпкія руки молодыхъ народниковъ, которые смѣло пошли съ нимъ въ самый разгаръ боя за освободительное движеніе. Теперь намъ, старикамъ, можно увѣренно смотрѣть въ глаза будущаго въ сознаніи, что когда наступитъ время полнаго успокоенія нашей родины, молодежь снова толпами устремится „въ народъ"—уже для мирной культурной работы.

Съ удовольствіемъ заканчиваю свой трудъ словами почтеннаго профессора Трачевскаго изъ его прекрасной лекціи, прочитанной въ Парижской высшей школѣ 3 ноября 1905 года: „Новая Россія не станетъ на ноги, пока не перевоспитаетъ народа". И дальше: «Увлеченные злобой нынѣшняго дня, мы мало думаемъ о хлѣбѣ насущномъ на завтра. Не пройдетъ и года, какъ подымется новая, молодая Россія, во всемъ величіи мірового подвига, но Россія „мужицкая", сѣрая, темная, безграмотная. Великій народъ, достойный всякихъ университетовъ, безграмотенъ! Конечно, онъ горячо и грозно потребуетъ ученія, свѣта, свѣта! *И конечно, начнется новая эпопея хожденія въ народъ*».

Цѣна 75 коп.

